

ISSN 0132-1366

№

Am

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО ·

2000

· ВЕДЕНИЕ

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт славяноведения

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Содержание

2000

ИЮЛЬ •

АВГУСТ •

СТАТЬИ

<i>Косик В.И.</i> (Москва). Молодая Россия в эмиграции	3
Из новых исследований древнеславянской письменности и лексики	16
<i>Верещагин Е.М.</i> (Москва). Ссылки на таргум Аквилы в пространном житии Кирилла Философа	17
<i>Варбот Ж.Ж.</i> (Москва). О славянском родстве праславянского глагола *skočiti	22
<i>Вендина Т.И.</i> (Москва). Языковое сознание средневековья и возможности его рекон- струкции	25

СООБЩЕНИЯ

Кишкин Л.С. (Москва). Русская эмиграция в Праге: празднование "Дня русской культуры"	33
<i>Казнина О.А.</i> (Москва). Дж.С. Смит о литературе русского зарубежья: Д.П. Святополк- Мирский	39
<i>Джаксон Т.Н.</i> (Москва). Норвежский конунг Олав Трюггвасон – "апостол русских"? (Источниковедческие заметки)	46

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Баран Х., Душечкина Е.В.</i> (Олбани, Санкт-Петербург). Вокруг "Слова о полку Игореве": Из переписки Р.О. Якобсона и А.В. Соловьева	50
---	----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Серационова Е.П.</i> I. Savický. Osudová setkání. Češi v Rusku a Rusové v Čechach. 1914-1938 ...	79
<i>Улунян Ар. А.</i> Россия в изгнании. Судьбы российских эмигрантов за рубежом	81
<i>Досталь М.Ю.</i> Dokumenty k dějinám ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice (1918–1939)	83

<i>Досталь М.Ю.</i> Veda a ideológia v dejinách slavistiky. Materiály z konferencie. Stará Lesná, september 1997	85
<i>Белова О.В., Петрухин В.Я.</i> Обзор новых изданий по славянскому язычеству и мифологии	87
<i>Мельников Г.П.</i> Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита	95
<i>Крысько В.Б.</i> Н. Andersen. Reconstructing prehistorical dialects: initial vowels in Slavic and Baltic	97

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Серета В.Т.</i> Литературы стран Центральной и Юго-Восточной Европы 1990-х годов. Прерывность-непрерывность литературного процесса	101
<i>Ржанникова О.А.</i> Симпозиум по актуальным вопросам преподавания славянских языков	118
<i>Молошная Т.Н.</i> Конференция по грамматическим корреляциям	120

PERSONALIA

<i>Будагова Л.</i> Памяти Льва Сергеевича Кишкина (1918–2000)	122
Памяти Ивана Михайловича Гранчака	124
Новые книги Института славяноведения РАН	125

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ю.С. НОВОПАШИН (главный редактор), **А.В. БОЛДОВ** (отв. секретарь),
М.А. ВАСИЛЬЕВ, **Г.К. ВЕНЕДИКТОВ**, **В.К. ВОЛКОВ**, **Р.П. ГРИШИНА**,
А.А. ГУГНИН, **В.И. КОСИК**, **Г.Ф. МАТВЕЕВ**, **Г.П. МЕЛЬНИКОВ**,
В.В. МОЧАЛОВА, **С.В. НИКОЛЬСКИЙ**, **В.Я. ПЕТРУХИН**,
М.А. РОБИНСОН (первый зам. главного редактора),
Л.А. СОФРОНОВА (зам. главного редактора), **Б.Н. ФЛОРЯ**,
В.А. ХОРЕВ, **Т.В. ЦИВЬЯН** (зам. главного редактора)

Заведующие отделами: *Адельгейм И.Е.* (отдел литературоведения),
Белова О.В. (отдел культурологии), *Валенцова М.М.* (отдел лингвистики),
Васильев М.А. (отдел истории).

Зав. редакцией *И.И. Бизяева*

Сотрудники редакции: *Авакова Л.А.*, *Веслова И.Ю.*, *Кошкина Е.А.*

© 2000 г. В.И. КОСИК

МОЛОДАЯ РОССИЯ В ЭМИГРАЦИИ

Право на свободу слова, собраний, организацию партий, объединений, движений эмиграция "увезла" с собой, где на чужбине пышным цветом распустились многочисленные образования, ставившие своей целью освобождение России от коммунистов. К числу наиболее крупных и наименее известных среди них относится организация младороссов.

Возможное объяснение этого парадокса следует искать в "странной" идеологии младороссов: приверженность к идеям фашизма образца 1920-х годов сочеталась у них с гордостью достижениями Советской России. Объединение "несоединимого" принесло младороссам сомнительную славу: для одних они слыли русскими фашистами, для других – патриотами, для третьих – отступниками и ренегатами.

Все это рождает желание разобраться в этом запутанном сюжете, который интересен уже тем, что позволяет войти в национал-социалистическую проблематику Европы, в мир вечных поисков России, постоянно присутствующих и в нашей современности, ищущей "закона и благодати".

Начало зарождения младоросского движения относится к 1920-м годам, и связано, как можно предположить, с представителями семьи Романовых, прежде всего с великим князем Кириллом Владимировичем, провозгласившем себя главой императорского дома. Само новое время и перемены в мире подсказывали ему делать иную политику, которая вбирала бы в себя традиционные ценности и в то же время учитывала изменения в строе мыслей молодежи, искавшей ответа на "проклятые" вопросы и больше не верившей своим "отцам", чьи дела привели ее в эмиграцию, зачастую "на панель" европейской цивилизации.

В оформлении младоросской организации сыграл, как представляется, свою роль опыт с комсомолом в советской России, к партийному строительству в которой внимательно присматривались будущие лидеры эмиграции. Бессленным главой младороссов с их лозунгом – "национальная русская революция или мировая завихура" стал потомственный дворянин Александр Львович Казем-Бек. В 1923 г. в Мюнхене он избирается председателем Главного совета Объединения русской молодежи, которая на своем втором съезде в 1924 г. инициирует создание Союза молодой России, переименованного в 1925 г. в Союз младороссов, а в 1935 г. – в Младоросскую партию, куда входили представители практически всех наций и народностей России, ее регионов, краев, областей.

В ее рядах был великий князь Романов Дмитрий Александрович – младоросс с 1935 г., светлейший князь Ливен Леонид Павлович, граф Мусин-Пушкин Юрий Борисович, граф Шувалов Павел Александрович, граф Толстой Илья Ильич, барон Мейендорф Федор, барон фон Штейгер Анатолий Сергеевич. Среди членов Младоросской партии можно было встретить самые разнообразные фамилии – Иванов,

Али-Абас, д'Алонзо, Аштар, Баар, Безматерных, Био, дю Бош, Виркау, Войт, Ганидиде, Гинднер, Гойер-Боот, Гульязизов, Джанкаев, Дзбановский, Дэнни, Дураков, Имерлишвили, Ишоев, Киссель, Лембик, Луначек, Лях-Невинский, Малхолланд, Маркопуло, Маркс, Миштовт, Мурзаев, Нувой, Освальд, Кришгаль, Роар, Розенберг, Романов. Духовником Младоросской партии являлся священник Паевский.

Новая организация постепенно распространила свои филиалы практически на все земли, где осели изгнанники. Ее представительства находились в Финляндии, Ливане, Сирии, Северной Америке, Австрии, Эстонии, Египте, Норвегии, Венгрии, Чехословакии, Швейцарии, Польше, Италии, Литве, Бельгии, Китае, Персии, Турции, Греции, Болгарии, Югославии, Германии, Японии, на Дальнем Востоке и в Южной Америке. Ячейки младороссов имелись в таких городах как Белград, Дубровник, Загреб, Пожаревац, Скопье, Смедерево, Суботица (Королевство Югославия); Ванкувер, Онтарио (Канада); Беркли, Вашингтон, Жоно, Лос-Анджелес, Санта-Роза, Сизтл (США); Виндзор (Великобритания); Выборг (Финляндия); Габрово, Горна Джумая, Лом, Перник, Пловдив, Свищово (Болгария); Дамаск; Каир; Манила; Монтевидео; Осло; Рио-де-Жанейро; Ровно (Польша). Очаги младоросского Ордена работали в Белграде, Вуковаре, Нови-Саде (Королевство Югославия); Берлине; Бейруте; Брюсселе, Льеже, Шарлеруа (Бельгия); Буэнос-Айресе; Варне, Софии, Сливене (Болгария); Хельсинки, Суоярви (Финляндия); Детройте, Нью-Йорке, Сан-Франциско, Чикаго; Лондоне; Елгава; Прекульне, Риге (Латвия); Праге; Риме; Сан-Паулу (Бразилия); Тегеране; Тяньдзине, Шанхае. Судя по партийной картотеке, численность младороссов к 1937 г. не превышала 1 400 человек [1. Ф. 64. Д. 18]. Однако контрольная выверка картотеки с другими архивными документами заставляет предположить, что их количество было значительно большим.

Структура младоросской организации с ее строгой иерархичностью, возрожденной как бы из рыцарских времен, и заповедями, лаконизм которых отнюдь не означал "нищеты духа" – все это не могло не привлекать молодежь.

В строительстве своего движения руководство младороссов активно использовало такую древнюю форму организации, как орден, принадлежность к которому давала ощущение избранности, обладания некоей тайной. "Новый Левиафан" требовал тайны, которую мог обеспечить только орден.

И далеко не случайно, что среди бумаг младороссов имеются выдержки из книги М. Бренстеда "Крах классово-политики". В этом весьма интересном труде автор писал: "Смысл концентричности орденской структуры заключается в том, что в ордене происходит качественный отбор человеческого материала для концентрации силы. В этом отборе, который происходит органически, заключается как бы социальная магия ордена... Качественный отбор человеческих масс происходит путем отбора волевых и моральных сил, путем отсеивания их от элементов слабых духом и от эгоистов всех мастей. Слабые остаются на периферии или выпадают вовсе из круга посвященных. Сильные идут вперед и вглубь, но испытанием силы может быть только борьба, только дела и поступки... орден всегда имеет мировую арену своего действия, в то время как партия действует в пределах государства, на арене национальной. Это вытекает из того, что орден борется за ценность общечеловеческого значения, между тем, как социально-экономические интересы, коими руководствуется партия ограничены рамками государственной жизни. И даже тогда, когда деятельность ордена разворачивается в национальных рамках, он стремится вывести нацию на мировую арену, в область большой политики, для осуществления нацией ее исторической миссии, ее исторической идеи, во всечеловечестве... Орден не стремится к количественному росту, он объединяет качество, партия же, наоборот, ориентируется на так называемые "массы". Опираясь с качествами, орден воздействует и на самую партию, влияя на ее качественные элементы. Орден часто был той именно силой, которая стояла за теми или иными партвождями, влияя на них или непосредственно, или путем создания для них особой среды. Такого рода тактика была бы немислима, если бы орден был явным" [1. Ф. 64. Оп. 1. Д. 8. Л. 30–31].

К чести младороссов, они не стали слепо копировать уставы старых орденов организаций. Их трехступенчатая структура – движение, партия, орден – отличалась подвижностью, сочетанием разноуровневых элементов, что позволяло привлекать разнообразную молодежь, используя ее честолюбие, максимализм, степень приверженности к младоросским идеям.

Официальные документы дают следующую картину. "Младоросское движение есть совокупность лиц и организаций, сочувствующих, содействующих или служащих установлению в России нового строя на началах национализма, социальности и монархизма. а) Младоросский национализм есть любовь к Российской Имперской Нации, состоящей из многочисленных народов, имеющих равные права на самобытное развитие... ведущая роль по укреплению и защите государства принадлежит народам русским... Через служение нации осуществляется и всечеловеческий идеал международной справедливости и мирного сотрудничества народов. б) Младоросская социальность есть стремление к осуществлению в политическом, социальном, экономическом и бытовом строе национальной жизни начал справедливости в формах, соответствующих той правде, к которой на протяжении своей истории стремилась Российская нация. Младоросская социальность находит свое осуществление в проведении в жизнь младоросского социализма... исключает классовую борьбу... классовые и социальные привилегии и эксплуатацию человека человеком с построенным на ней капитализмом. Он признает частную собственность как социальную функцию и принцип национальной плановости, утверждает примат духовного начала над материальным и свободу совести. в) Младоросский монархизм проистекает из веры в тот нравственный идеал, который лежит в основе русской культуры и русской государственности; он выражается в беззаветной преданности Природному Российскому Императору, олицетворяющему Нацию и служение Ей... Верховная власть Царя, в отличие от абсолютной, ограничена нравственным идеалом, служение которому объединяет Царя с народом в соборном сотрудничестве...

Младоросская Партия. Те, из входящих в Движение лиц, которые в своей политической деятельности добровольно объединятся, подчиняя ее водительству и руководству младоросской иерархии, составляют Младоросскую Партию. Партия построена на единоначалии, иерархичности и сотрудничестве.

Орден Младороссов. Те из членов партии, которые рассматривают задачи Младоросского Движения как главную цель своей жизни и добровольно согласуют с этой целью не только свою политическую работу, но и свою общественную деятельность и личную жизнь, объединяются в Орден Младороссов... Младоросский Орден является ядром Партии и Движения" [1. Ф. 64. Оп. 1. Д. 3а. Л. 7–8].

Судя по документам – номерам партбилетов и номерам орденов знаков – поступление в Орден было сравнительно легким. Так, П.В. Белов младоросс с 1935 г. имел партбилет № 1271, орденов знак № 1117 [1. Ф. 64. Д. 18]. Однако прием туда постепенно ужесточался. В 1936 г. Казем-Бек писал председателю Главного совета Младоросской партии великому князю Дмитрию Павловичу о том, что в дальнейшем прямого доступа в Орден не будет. Он станет "отбором лучших, наиболее надежных и наиболее полезных наших работников, которые готовы связать себя пожизненными обязательствами" [1. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1. Л. 157]. Символом Ордена служило изображение серебряной державы на лазоревом поле: держава означала российское государство, крест, ее увенчивающий, – примат духовного начала над материальным, лазоревый цвет – примирение и сотрудничество национальных и социальных органов. Орденский флаг имел бело-желто-черные цвета [1. Ф. 64. Оп. 1. Д. 3а. Л. 12].

Корпорацией высшей орденов степени являлся созданный в 1938 г. Совет ответственных младороссов. Вместе с главой и высшими руководителями партии он разделял ответственность за судьбы всего движения. Фактически новая структура означала усиление власти Ордена с одновременной активизацией деятельности "сонных" ответственных младороссов.

Идеологическая работа внутри партии лежала на политруках и пропагандистах-организаторах, в чьи обязанности входило разъяснение младоросской политграмоты, составленной в форме кратких вопросов и ответов. Ее авторы, собрав в ней практически все "проклятые" проблемы, волновавшие русскую молодежь, стремились убедить ее, что лишь русский путь, только создание нового русского мира – построенного на принципах союзной империи, национальной плановости и монархии трудящихся – является единственным средством возрождения России, в которой сливаются восточная и западная культура с их историческими традициями и современным бытием. Представляет интерес и трактовка революции 1917 г., которая, по мнению составителей политграмоты, не привела к выявлению лица настоящей России только потому, что была "использована не русскими патриотами, а интернациональной кликой, ничего общего с Россией не имеющей, искажившей революцию в антинациональные формы кровавого антирусского режима" [1. Ф. 64. Оп. 1. Д. 8. Л. 58].

Фактически ни здесь, ни в иных младоросских документах программного характера нет ни слова о так называемом жидомасонском заговоре, обильно представленном в идеологических установках некоторых монархических и националистических организаций. И разрешение национального вопроса не связывалось с какими-либо ограничениями в правах народов многонациональной России. Более того, он прежде всего увязывался с темой общего жительствова и сотрудничества российского геополитического мира.

Убежденные в том, что предложенное советской властью разрешение национального вопроса, проблемы "свободной и национальной личности" является неудовлетворительным для народов России и всей империи в целом, младороссы считали, что только многонациональное, демократическое государство может успешно противостоять расово-этнической доктрине. Одновременно они подчеркивали всю важность поставленной задачи не только для судьбы многонациональной России, "имеющей прямое влияние на судьбы мира вообще", но и для многих наций.

Младороссы полагали, что "конкретным способом постановки национального вопроса" могут быть издания теоретических трудов, посвященных изучению русского мира и теории многонационального государства; периодических сборников, в которых освещались бы "смысл, цели и возможности Российской Федерации, с русской точки зрения", позиция и стремления других народов России, мнения и желания русских меньшинств за рубежом, "доктрины и планы враждебных российскому единству и всеобщему миру сил" (февраль 1939 г.) [1. Ф. 64. Оп. 1. Д. 8. Л. 86–87].

Как и во многих центрах русского рассеяния, младороссы организовали в 1939 г. Общество изучения народов России. Из сформированных в нем отделов (государствоведения России и входящих в нее национальностей; истории, библиографии и сбора материалов, документов и книг; экономического; редакторско-издательского; связей с научными обществами, общественными организациями и отдельными лицами; юридического; сношений с различными национальностями, изучение их положения и взаимоотношений; связей с русскими меньшинствами) исключительную важность имел последний. В своей деятельности он преследовал две цели.

Во-первых, сбор материалов о русском населении и русских областях за пределами СССР по двум направлениям: историко-географическому, включающему в себя исторический, археологический, этнографический, религиозный компоненты в таких местах, как Валаам, Печерский край, Волынь, Галичина, Подкарпатская Русь, и политико-географическому, культурно-бытовому и юридическому в целях изучения положения русских меньшинств в иностранных государствах и борьбы за сохранение своей национальности. Во-вторых, привлечение к сотрудничеству с Обществом самих представителей русских меньшинств, преимущественно через переписку [1. Ф. 64. Оп. 1. Д. 8. Л. 51, 54].

Но все эти грандиозные планы терпели неудачу по известной причине недостатка средств. Казем-Бек писал в январе 1939 г. на эту "больную" тему: «Ровно 16 лет тому назад я собрался заканчивать в Мюнхене высшее образование. Мне было 21 год. Был

я уже женат. И когда после первого съезда (февраль 1923 года) выяснилось, что от меня требуют работы во главе нашего центрального органа, пришлось начать изыскивать средства для дальнейшей борьбы не за существование, а за торжество наших идей... В 24 году мне все-таки пришлось стать на заработок на одном из парижских заводов. Об образовании не могло быть и речи. В 26 году у меня уже была должность "с будущим" в банке на юге Франции. Наша работа требовала моего возвращения в Париж. В 28 году я перебрался в парижский американский банк... В 29 году мне пришлось отказаться от всякого заработка вообще и рискнуть выворачиваться на общественном поприще без средств к существованию. Может быть, кто-нибудь у нас в партии думает, что пользуюсь неограниченным кредитом. Это была бы жестокая ошибка. Мы – старая гвардия младоросского движения – начали во всех областях с нуля. За душой у нас, кроме веры и дерзания не было ровно ничего. Начало всякой общественной работы, всякой политической борьбы – в пропаганде. Пропаганда значит печать. Когда в 20-х годах мы приступили к первым издательским усилиям, когда вышли в свет наш первый сборник "К Молодой России" и ранние парижские оповещения, – партии еще не было и в помине. Не было и Союза Младороссов, а только превращался в первичный сгусток его зародыш. Свои первые труды мы издали, просто сложившись. Потом опять сложившись. И еще. И так далее... За какой-нибудь год-два мы все уже по уши влезли в долги. Надо понять, что мы и по сей день из ЭТИХ долгов не вылезали. А к тому же сами попали в зубчатку: в рост движения. По этому поводу надо запомнить: *рост движения это прежде всего нарастание расходов...* Чтобы не слишком распространяться на эти темы, скажу просто: за последние три года у меня почти не было возможности основательно заниматься какими-либо делами, кроме денежных... Мой личный бюджет в большой степени взял на себя за последние полтора года Великий князь Дмитрий Павлович» [1. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1. Л. 4 об – 5].

Итак, партийная касса практически была пуста, нехватало денег на самое необходимое. Надежда на фонд Карнеги казалась призрачной. И самое главное – мир находился в преддверии второй мировой войны, когда гуманитарные проекты свергивались.

Сама младоросская структура была достаточно разветвленной и сложной. Ее различные организационно-территориальные подразделения, в зависимости от местных условий, строились представительства в различных государствах; районы, подрайоны, бригады, звенья, очаги, ячейки или группы в городах. Формировались также специальные – женские, спортивные – группы. На учете представительства на Ливан и Сирию состояла уникальная группа русских ассирийцев. В странах, где осело много казаков, функционировали казачьи организации, как, например, Дмитриевская станция в Греции [1. Ф. 64. Д. 18].

Поощрялось создание иных организационных структурных подразделений, служащих целям сплочения в единый организм членов Младоросской партии. Например, во Франции в 1937 г. стало действовать "Объединение 1279", получившее свое название от номера циркулярного письма (от 25 мая 1936 г.) об укреплении иерархической дисциплины и включавшее в себя только членов Ордена. В этом документе, подписанном Казем-Бекон, подчеркивалось: «Я знаю, что человеку свойственно иметь психологию "правую" в отношении подчиненных и психологию "левую" в отношении начальства. Это от эгоизма, и потому именно орденство, которое прежде всего клеймит эгоизм, обязывает всякое начальство изживать свое своеволие, а подчиненных – изживать всякое протестантство. И то и другое для той правды, которая, согласно нашей идеологии, спускается сверху, а не растет снизу... У всякого младоросса может быть свое мнение. Но действовать он должен согласно мнения начальства... Действия младоросса – в руках иерархии... Мы живем, развиваемся и работаем в ненормальных условиях: у нас нет территории, у нас нет физической власти, часто мы не можем найти точку приложения сил. Все это служит испытанием: кто выдержит, тот надежен, а выдержит тот, кто способен верить и стискивать зубы.

Кто не имеет веры и зубов – лучше отойти... Служба требует иерархии, и за службу ответственна иерархия... Подчиненные должны беречь иерархию, какова бы она ни была... Как бы высший начальник ни крыл низшего начальника, если он это делает по собственной инициативе, он этим только усиливает иерархию, а тем самым и авторитет этого низшего начальника, как члена иерархии. Но если бы он его расцукал по жалобе снизу, он подорвал бы иерархию» [1. Ф. 64. Оп. 1. Д. 19. Л. 10–12].

В заповедях члена "Объединения 1279" звучали такие мысли: "Авторитарная власть дает тебе права над подчиненным, но это только для того, чтобы сделать тебя за него ответственным... Бойся уронить авторитет начальства; иначе повредишь собственному авторитету... Прежде чем перейти к приказаниям, используй свой авторитет; при этом можешь требовать невозможного... Можешь выругать начальника в глаза, но помни, что он за тебя ответственен... Не делай работы подчиненного, иначе он сядет тебе на шею. Наоборот, заставляй его делать твою работу – в этом и будет твоя работа" [1. Ф. 64. Оп. 1. Д. 19. Л. 9]. "Делись своими соображениями в порядке совещательного голоса. Но прежде изживи собственный эгоизм, чтобы слова твои звучали во имя пользы для дела, а не во имя своей правоты... Мы вступаем в область орденства, того орденства, в котором служение уравнивает всех: начальников и подчиненных, умных и глупых, сильных и слабых. Но арбитраж остается миссией начальства, потому что начальство бóльшим пожертвовало, больше отдало своего. Степень орденства есть степень самоотречения... личная честь есть замаскированное самолюбие. Честь не может быть личной. Честь есть понятие социальное. Честь истекает от принадлежности к определенному организму и обязывает человека быть достойным этой принадлежности. Именно такова честь рыцаря, честь дворянина, честь офицера. Такова и честь младоросса. Это честь Ордена, перекрывающая и рыцарство, и дворянство, и офицерство. Думаящий спасти свою честь, теряет ее, а кто отдает свою честь Ордену, тот укрепляет ее... Оставляю личную честь в пределах Очага. Она обязывает каждого младоросса стараться быть лучшим. Но по критерию иерархии, лучший – старшина. А личная честь старшины есть честь его очага. В пределах бригады мыслима честь только своего очага. В пределах подрайона – только честь своей бригады, в пределах района – честь подрайона, в пределах Партии – честь района, в Русском море – честь Партии, на земле – честь русского имени... последнее орденское требование: претерпеть несправедливость ради Партии и от Партии, т.е. пожертвовать и справедливостью... Претерпеть несправедливость ради Партии и от Партии надо не во имя Партии, а во имя любви к Партии" [1. Ф. 64. Оп. 1. Д. 16. Л. 12. об. – 13 об.]. "Во имя любви" к науке не стану проводить аналогии с творением Дж. Орвелла.

Итак, налицо была жесткая партийная (орденская) дисциплина, которая в условиях эмиграции считалась альфой и омегой для самого существования организации младороссов и ликвидации в корне любых разбродов и шатаний, возникавших время от времени в молодежной среде.

Индивидуальная иерархическая лестница – соревнователь, младоросс, сотрудник, старший младоросс, ответственный младоросс – укрепляла единоначалие, авторитет высстоящих.

Центральное руководство Младоросской партии составлял совет директоров: А.Л. Казем-Бек – президент, князь Владимир Романовский-Красинский – вице-президент, Кирилл Елита-Вильчковский – генеральный секретарь, князь Сергей Оболенский – политический секретарь, Николай Философов – административный секретарь, Дмитрий Лапчинский – казначей, Платон Стефанович – президент парижских федераций партии. Имелись и свои печатные органы: "Бодрость" – на русском языке, "Россия – 1939" – на французском. Инструктивным изданием были "Ведомости Генерального Секретариата" [1. Ф. 64. Оп. 1. Д. 16. Л. 27–28].

В своих действиях Казем-Бек был "ограничен поведением Императора, своей совестью, основными положениями младоросской идеологии" [1. Ф. 64. Оп. 1. Д. За. Л. 10 об.]. Но на деле отношения с Кириллом Владимировичем оставляли

желать лучшего. В этом было "повинно" как его окружение с бесконечными интригами, так и сам Казем-Бек, не отличавшийся большим "смирением", особенно когда дело касалось его лично. Представляется риторическим вопрос о каком-либо "ограничении" деятельности Казем-Бека "идеологией" уже по причине авторитарности его курса, вызывавшего, случалось, острую критику в партийной среде. Так, в 1940 г. в выдержанном в жестком тоне письме Философова к Казем-Беку подчеркивалось, что ликвидацию внутрипартийных трещин нужно "цементировать аргументацией русской, а не всечеловеческой... не с точки зрения отвлеченной правды, права и справедливости, свободы и прочего грима, которым мажет сейчас свою волчью харю старушка Европа" [1. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1. Л. 84]. (Острый тон письма был вызван зигзагами генеральной политлинии Казем-Бека – то в сторону фашизма, то на защиту демократической Франции. Выпады в адрес Европы, надо полагать, объяснялись "русским провинциализмом", не простившим просвещенным европейцам их "предательства" в 1917 г.)

В отличие от некоторых "стариков" с их грузом воспоминаний, отдающими "мертвечиной", и способностью не видеть за деревьями леса, младороссы провозглашали лозунг: "Все, что национальное – наше". Иными словами, "все, что способствует расцвету, культуре и силе нации, независимо от того, как и при каких обстоятельствах это создано" является достоянием нации.

Вопреки устоявшимся суждениям "правоверных" эмигрантов, младороссы считали ту же печально известную постройку Беломорканала полезной и необходимой для государства, хотя и не оправдывали варварских методов властей при его строительстве. Признание успехов в индустриализации – Магнитка, ДнепрогЭС, в военном деле – создание огромной Красной Армии, в конечном итоге – нахождение положительных сторон в сталинской Конституции – все это резко контрастировало с общим тоном эмигрантской прессы, на чьих страницах регулярно печатались выдуманные и подлинные сюжеты об ужасах в Советской России.

Потерявшие родину, младороссы не утратили гордости за ее успехи и ее мощь. Как вспоминал Н.И. Толстой в беседе с автором этих строк, чтение советских газет позволяло им получать информацию о жизни в России, ощущать себя частью ее удивительного бытия, связанного с именем Сталина.

Философов писал Казем-Беку: "Мы приветствовали победу Сталина над Троцким. Мы приветствовали пятилетки. А когда нам возражали, что это достигается чудовищными усилиями, жертвами, ценой страданий, когда нам говорили, что Сталин готовит силы для похода на мир, мы отвечали, что не важно, что не думает Сталин. На мировой революции он свернет себе шею, а заводы останутся" [1. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1. Л. 80].

Конечно, с одной стороны, Сталин был им ненавистен, но с другой – это была личность, продолжавшая стратегический курс на укрепление единой и неделимой России, соответственно, его можно было считать национальным деятелем. В сущности, все младоросские споры вокруг личности Сталина сводились к следующей дилемме – поставит ли он все на национальную карту или на мировой пожар? Сопоставляя Сталина с Гитлером, Философов писал в феврале 1940 г. Казем-Беку: «Сталин знает Гитлера. Гитлер знает Сталина. Каждый считает себя и умнее и хитрее. Кто из них окажется умнее и хитрее? Думаю, что Сталин, потому что в нем нет той истеричности, как у Гитлера. Гитлер менее способен сдерживать свои чувства и контролировать своим сознанием, поэтому у него будет больше просчетов. Мы все время настаиваем на "Майн кампф" и на том, что Гитлер не отказался от похода на Восток, кем бы он ни прикидывался. Будет не совсем логично в то же время говорить, что Сталин давно отказался от мировой революции и держится только за власть. Мой взгляд по-прежнему: Сталин играет на двух лошадях, и его генеральная линия до игры по банку вычерчивается по точкам, которые образуются в каждый данный момент от пересечения линии мирового пожара и линии национального бонапартизма. Причем я считаю, что так как от мысли о мировом пожаре он не отказался, то второй козырь, козырь национального бонапартизма, он держит про запас, на случай неурядицы "красной лошади". Он считает, что жизнь работает на него. И именно поэтому

как только в Европе начинает пахнуть бардачком – нахождение Сталина во главе страны для России становится более опасным. Или национальная революция, или мировой бардак. Пока у власти Сталин – третьего выхода нет» [1. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1. Л. 80–81].

Эти звонкие размышления ответственного младоросса свидетельствуют, что не только у рядовых членов партии, но и у некоторых ее руководителей было плохо с логикой и умением оценки политической ситуации. Сама идея национальной революции, о которой так грезили младороссы, может считаться утопичной и мертворожденной уже потому, что она была не нужна там, где у власти были "младороссы" с партийными билетами членов ВКП(б). Это не парадокс – это алогизм истории, которыми она полна. И наивной была надежда, возлагаемая определенное время на В.М. Молотова, А.А. Жданова и А.А. Андреева, как на преемников И.В. Сталина, с которыми можно будет иметь дело [1. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1. Л. 83]. Начавшийся отчет "бардачка" в Европе после провала в Испании, после Мюнхена отчетливо показывал, что время аллюра "красной лошади" прошло. Иное дело "славянский кентавр": здесь Сталин оказался на практике более последователем К.Н. Леонтьева, нежели младороссы, часто "утопающие в фразе", не придававшие должного значения русскому византизму. Достаточно привести выдержку из речи Сталина от 28 марта 1945 г.: «Мы, новые славянофилы-ленинцы, славянофилы-большевики, коммунисты, стоим не за объединение, а за союз славянских народов. Мы считаем, что независимо от разницы в политическом и социальном положении, независимо от бытовых и этнографических различий все славяне должны быть в союзе с друг другом против нашего общего врага – немцев. Вся история жизни славян учит, что этот союз нам необходим для защиты славянства... Как в первую, так и во вторую мировую войну больше всех пострадали славянские народы: Россия, Украина, белорусы, сербы, чехи, словаки, поляки. Разве в этой войне не то же самое? Разве Франция больше пострадала? Нет. Французы открыли фронт немцам. Немцы слегка оккупировали северную часть Франции, а южную даже не тронули. А Бельгия и Голландия сразу подняли лапки кверху и легли перед немцами. Англия отделалась небольшими разрушениями... Значит, больше всех страдали от немцев славяне... Мы, славяне, должны быть готовы к тому, что немцы могут вновь подняться на ноги и выступить против славян. Поэтому мы, новые славянофилы-ленинцы, так настойчиво и призываем к союзу славянских народов. Есть разговоры, что мы хотим навязать советский строй славянским народам. Это пустые разговоры. Мы этого не хотим, т.к. знаем, что советский строй не вывозится по желанию за границу, для этого требуются соответствующие условия... В дружественных нам славянских странах мы хотим иметь подлинно демократические правительства. Заключив союз, славянские страны могут оказывать друг другу хозяйственную и военную помощь. Мы можем это делать теперь с большим успехом» [2]. Нам известно, что "соответствующие условия" были созданы для образования славянского блока на коммунистической основе. Однако он "рассыпался", не выдержав испытания.

Младороссы были "готовы сотрудничать со всяким национальным режимом, который выполнит три положения: а) отказ от классовой борьбы, б) признание за русским народом ведущего положения в стране и в) признание свободы совести... Наше отношение к режиму определяется полезной или отрицательной деятельностью последнего в отношении к России [1. Ф. 64. Оп. 1. Д. 6. Л. 7 об.].

Позволю привести некоторые тезисы из экономической программы, опубликованной в "Младоросской Искре" в 1933 г.: "Сталинизм (или госкапитализм) есть система, основанная на эксплуатации труда государством... Капитализм и социализм уже доказали свою несостоятельность. Почва для нового режима уже созрела, и опыт фашизма является первым шагом на пути к новому миру... Новое хозяйство должно иметь своим субъектом человека... Младоросское правительство должно ограничить собственность в хозяйственной области не только в социальных и национальных интересах, но и в интересах чисто хозяйственных: путем национального хозяйств-

венного плана...Субъектом собственности... может быть государство, коллектив или личность... Факторами производства с младоросской точки зрения: человек, природа, капитал и культурное наследие. Человеческий фактор в производстве главный и господствующий... Собственники капитала, владеющие частью капитала национального, должны нести за него ответственность перед нацией... Спекуляция должна строго пресекаться и биржа заменена расчетными палатами... Хозяйство должно быть организовано по признаку общности целей в корпоративные, самоуправляющиеся организации (хозсоюзы, возглавляемые хозсоветами)... Государству в хозяйстве принадлежит его органическая роль: водительства, арбитража и контроля... Наряду с хозобъединениями, должны быть объединения профсоюзные... Для осуществления сотрудничества социальных слоев должны быть созданы социальные советы... Для объединения самоуправляющегося хозяйства и согласования его с другими отраслями национальной жизни должен быть создан Высший Совет Имперского Хозяйства, состоящий из представителей Императорского Правительства, Имперского Совета, Центральных Хозяйственных Советов и Центрального Социального Совета... Высший Совет Имперского Хозяйства должен составлять хозплан... Утверждение плана и арбитраж принадлежит императору... Новое хозяйство должно депролетаризировать человека... Новое хозяйство должно осуществить синтез города и деревни, приблизить город к природе, а деревню к центрам культуры" [1. Ф. 7. Оп. 1. Д. 922].

Схожесть мыслей младороссов с государственным строительством в СССР, Германии, Италии, т.е. определенный интернационализм мышления у сторонников "нового порядка", подтверждает привлекательность и мощь идей национал-социализма: обращенных к национальному традиционализму. Поэтому не кажется удивительным, что в 1933 г. в Берлине Всероссийская фашистская партия (ВФП), Союз младороссов и Российское национал-социалистическое движение (РНСД) заключили пакт о сотрудничестве. Под этим документом, больше напоминавшем акт о намерениях, нежели официальное свидетельство о конкретных действиях, поставили свои подписи их лидеры – Анастасий Андреевич Вонсяцкий, Александр Львович Казем-Бек, князь Павел Михайлович Авалов.

Каковы же были причины этого своеобразного объединения, впрочем, так и оставшегося на бумаге? Главная заключалась в неприятии коммунизма, идей III Интернационала. Много было общего и в идеях будущего устройства России без коммунистов. Так, идеологи ВФП задумывали свое отечество как национальное трудовое государство, в котором не будет ни эксплуататоров, ни привилегированных классов, а земля не станет передаваться в собственность помещикам и капиталистам; все национальности получат право на широкое самоуправление; сельские и городские Советы будут преобразованы в национальные Советы, чьи представители составят Всероссийский национальный Совет – высший административный орган России; религия не будет гонимой и займет достойное место в стране; колхозы и совхозы будут уничтожены, каждый русский гражданин по достижении 21 года получит земельный надел из госфонда, рабочие получают действительное право участвовать в управлении предприятиями через своих представителей; внешняя торговля и монополии будут в руках государства; экспортные поставки станут возможными лишь только после удовлетворения всех нужд государства, и т.д. Однако главное отличие от младороссов заключалось в неприятии еврейства и ограничении его прав [1. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 171. Л. 465–474].

В остальном младоросская идеология была весьма и весьма близка к взглядам русских фашистов, писавших в декабре 1934 г.: «Отряды "Оплот монархии", "13" и "Крестonosцы-фашисты" Национальной организации российских фашистов шлют привет и поздравляют с праздником Рождества Христова и Русским Новым Годом Братьев Младороссов, Руководящий Центр и Главу Союза Младороссов... Верим, что с Божьей помощью нам удастся вернуться на нашу Родину и, слившись в один ручей без различия программ, придется вместе дружно приняться за восстановление Мощи и Славы Молодой России, заторможенной коммунистической группой и не дающей

развернуться в стройке Национальным Русским Силам – Молодой России» [1. Ф. 64. Оп. 1. Д. 3. Л. 123].

Надо думать, что младороссов привлекали такие пиитические строки:

Фашизм – любовь к своей Отчизне,
К народу Русскому любовь,
И понял сущность тот Фашизма
Собой кто жертвовать готов!

Фашизм – народное движенье,
В защиту общей всем судьбы
И лучших сил объединенье
Для мирной жизни и борьбы.

Фашизм стоит на страже блага,
Богатств, труда Родной Страны,
Ему ученый и сермяга
Одной лишь матери сыны!

Он заявляет, что в России
Должна быть русская и власть
Народной признана стихией, –
А коммунизм в ней должен пасть.

Возврата к старому, что скрылось,
Что отжило уже – не быть;
Но все, что лучшего в ней было,
В одно он с новым должен слить [1. Ф. 64. Оп. 1. Д. 3. Л. 124].

Стихи, конечно, "ученические", но на молодежь, уставшую от философских "размышлизмов" отцов, "проигравших" Родину, они действовали. Тем более, что здесь можно при желании обнаружить и перекличку со славянофильскими идеями, и со всем тем национал-государственным "вздором", выплеснувшимся в XX в. на Европу и "русские берега".

Так, РНСД и возникшая в ней Партия русских "освобожденцев" (ПРО), поддерживавшие тесные связи с НСДАП (Национал-социалистическая немецкая рабочая партия) и выступавшие за освобождение России от "террора III Интернационала", не допускали мысли об участии еврейства и масонства в управлении родиной, в то время как у младороссов, повторяю, эта тема была закрыта. Впрочем, это различие не мешало им на раннем этапе своей деятельности выступать практически в едином строю по защите Германии и преклоняться перед идеями фашизма, прежде всего в области строительства национального трудового государства.

В документах Управления гестапо в Мюнхене отложился ряд дел, связанных с деятельностью РНСД и Союза младороссов, за которыми велось тщательное наблюдение. Один из функционеров РНСД Мелленгор писал 12 мая 1934 г. имперскому наместнику Шпренгеру в Висбадене: "Наше движение имеет лишь одну цель: уничтожение III Интернационала и создание тесного дружественного союза между III Империей Адольфа Гитлера и национал-социалистической Россией. В этом союзе мы видим единственную гарантию политического и экономического оздоровления мира". Заканчивалось письмо формулой: "Слава Гитлеру! Слава России!" [1. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 171. Л. 385].

В свою очередь, Союз младороссов в своем обращении к русским в Германии 4 апреля 1934 г. подчеркивал: «Мы присутствуем при событиях чрезвычайной исторической важности. Против германской национальной революции, разбившей коммунистическую опасность в Зап. Европе и вызвавшей возрождение германской нации, теперь в мировом масштабе ведется планомерная лже и клеветническая кампания. В борьбе против национальных сил, которые сегодня победили в Германии и завтра победят в России, идет "Коминтерн" рука об руку с дегенерировавшими либеральными и социал-демократическими кругами... Наш прямой долг перед национальным

русским делом требует, по мере сил, содействовать рассеиванию той лжи, посредством которой международные силы стараются спутывать национальную революцию в Германии» [1. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 171. Л. 514].

Хотя придется еще раз сделать оговорку, что говорить о некоей адекватности позиций указанных организаций, даже без еврейской темы, нельзя. Все было гораздо сложнее. В отличие от РНСД, не позволявшего себе какой-либо критики в адрес НСДАП, с которой Германия, судя по словам российских национал-социалистов, "снова нашла веру в себя и шествует вперед" [1. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 171. Л. 353]. Союз младороссов не был так "мягок". 24 февраля 1935 г. в газете "Бодрость" была помещена статья о съезде колхозников в Москве с выдержками из выступления Н.И. Бухарина, отмечавшего, что «в данное время германские фашисты охвачены мыслью о том, что только германская барская раса является истинной расой; славяне относятся к более низкостоящей расе; "азиатские" народы вообще неполноценные люди». Автор статьи, подчеркивая, что все "крайности германского национал-социализма, все объяснения Альфреда Розенберга, все недвусмысленные выражения японских и польских газет выставляются Сталиным настоящей сущностью фашизма", делает один вывод: русские националисты за границей в этой сложной ситуации «должны доказать на деле, что истинный русский "фашизм" никогда не станет инструментом в руках враждебно против России настроенных сил». Симптоматично, что гестапо охарактеризовало содержание статьи как "нападки младороссов на НСДАП" [1. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 171. Л. 531–534].

В "Очаговой политучебе" за сентябрь 1938 г. прямо подчеркивалось: "Тот фашизм, который мы в свое время приветствовали, весьма далек от того, что сейчас называется фашизмом... Фашистами мы сейчас отнюдь не являемся, и не быть в фашистском блоке... для нас совершенно естественно" [1. Ф. 64. Оп. 17 Д. 6. Л. 50 об.]. И еще: "Называя себя фашистами и приветствуя фашистскую идею, мы подразумевали под фашизмом движение, спиритуалистическое и идеалистическое, направленное к социальной правде в мировом масштабе и при учете национальной качественности, движение чуждое расового эгоизма, противоположное по духу и на практике германскому национал-социализму" [1. Ф. 64. Оп. 1. Д. 6. Л. 51 об.].

Здесь можно долго дискутировать с младороссами, в головах у которых относительно политических проблем, по выражению одного из их лидеров, был полный "бардак". Важно другое: убеждение в том, что Родина в опасности, подвигало их на ее защиту – одни, повинаясь призыву Казем-Бека, записывались в 1940 г. во французскую армию, другие видели свой долг в том, чтобы объявить себя ни европофобами, ни еврофилами, а русскими.

Соответственно, один из самых интересных и сложных сюжетов связан с отношением младороссов к России/СССР, с оценкой своей роли в современном им мире. Так, один из лидеров младороссов в июне 1939 г. отчетливо и высокопарно писал в "Очаговой политучебе": "Младоросское движение за рубежом несет и пропагандирует русские идеи в мире, знакомит внешний мир с настоящими задачами России, с устремленностью Русской нации, с ее традициями и историческим путем. Это то звено, которое связует русскую действительность с действительностью мировой, т.е. выполняет как раз то, чего не может делать сейчас Россия, скрытая под официальной маской коммунизма" [1. Ф. 64. Оп. 1. Д. 6. Л. 8].

Здесь интересны прежде всего слова о пропагандистской работе, о том, что жатится под коммунистической личиной: "Фашизированный Сов. Союз по своему авторитарному образу правления, по своему революционному происхождению, по своей социальной направленности и по ряду своих идеологических черт несравненно более родственен фашистским державам, чем либеральной Франции или буржуазно-капиталистической Чехии" [1. Ф. 64. Оп. 1. Д. 6. Л. 50 об.].

Практически, здесь не было бы и предмета для спора, если отбросить Коминтерн для одних и расовую теорию для других. Но условное наклонение несвойственно истории, поэтому обращаюсь к любопытной, в чем-то парадоксально-утопичной,

оценке младороссами степени своих известности и влияния на Родине: "Идеи младоросского движения известны в России... Тот путь, который привел русских зарубежных националистов к восприятию младоросского движения – этот же путь ведет к тому же совершенно даже самостоятельно и внутри русские массы. Потенциальных младороссов в России сейчас большинство. И это большинство активное. Оно принуждено следовать указаниям режима... но в то же время в нем идет все время процесс нарастания и созревания идей чисто русского национализма. Потенциальных младороссов там можно найти среди героев страны, среди военных, летчиков, интеллигенции, рабочих. Вот почему, следя за советской действительностью, так часто наталкиваешься на выявление тех настроений, тех действий среди русских масс, которые так созвучны и понятны младороссам зарубежным" [1. Ф. 64. Оп. 1. Д. 6. Л. 8 и об.]. Отсюда уже можно сделать два утверждения.

Первое – русский национализм не следует трактовать в узконациональных рамках. Как было показано выше, в рядах младороссов имелось немало представителей самых различных "племен" – от ассирийцев до якутов. Что же служило критерием для младоросского определения "русского национализма"? Тезис о ведущей роли русского народа? Верно, но не совсем. Думается, что здесь надо говорить несколько шире, а именно – о естественном и органическом мировосприятии жизни в России, всеми населяющими ее людьми. Причем государствообразующим, в силу историко-культурного бытия, является русское "племя", свободное от расовых предубеждений.

Второе – судя по всему для самих младороссов, "младороссами" являлись и Чкалов и Рихтер, Стаханов и братья Старостины, Ботвинник и Карацупа. Более того, идя к абсолюту (абсурдному!), самым "славным младороссом" можно назвать Сталина. Отсюда еще один вывод: не национальность, а заслуги перед Отечеством – критерий для приобщения к младороссам.

Хотя со Сталиным было все сложнее. Достаточно вспомнить попавшую на страницы всех эмигрантских газет скандальную историю о конфиденциальной встрече в парижском кафе в 1937 г. А.Л. Казем-Бека с бывшим русским дипломатом, перешедшим на советскую службу А.А. Игнатьевым. "Выслеженный" глава младороссов уличался чуть ли не в прямом предательстве "русского дела". "Досталось" и его собеседнику. Однако, несмотря на всю шумиху, контакты были продолжены. Сам "любитель" кофе писал великому князю Дмитрию Павловичу следующее: "С Игнатьевым виделся еще раз. Он напуган, но видит выход из положения для самого лишь в том, чтобы своему военному начальству сделать доклад о нас, как о силе, которая нужна и выгодна делу обороны страны. Из этой личной заинтересованности Игнатьева, который теперь думает о самозащите, для нас открываются неожиданные и обширные перспективы. Мне придется через пару недель встретиться с Игнатьевым в Виши, где он будет уже иметь сведения о том, как реагировали в Москве на всю эту историю" [1. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1. Л. 146]. Из этих скудных свидетельств (более подробная информация, возможно, хранится в недоступных автору архивах) можно сделать несколько предположений.

Первое – советская разведка "разрабатывала" Казем-Бека. Имевший прочные связи с некоторыми французскими государственными деятелями, обладавший авторитетом в русской эмиграции, встречавшийся с Муссолини и рядом других крупных европейских политических фигур, глава младороссов мог быть использован как агент влияния. Такая тактика разведки СССР вошла уже в ее практику, и примеров "удачных приобретений" было достаточно.

Второе и менее вероятное – через руководимых Казем-Беком младороссов, живущих по многим странам, советское руководство могло попытаться получать интересующую его информацию.

Третье, совсем неприемлемое – шел обычный процесс вербовки на разведслужбу с присвоением звания и выплатой денежного довольствия. Но... Казем-Бек был из тех интеллектуалов, которых можно было привлечь на свою сторону высокими идеями, а отнюдь не "презренным металлом".

Сам Казем-Бек с его патриотической "философией" и склонностью "играть роль" не мог проигнорировать контакты с графом Игнатьевым по проблемам обеспечения обороноспособности Родины. Здесь надо учитывать и психологию встречи: вели разговор два дворянина, посвятившие свою жизнь России, которой угрожал автор "Майн кампфа".

Какой-либо фиксированный результат встреч укрыт в архивах. Но суть исследуемой проблематики состоит не в том, чтобы детализировать биографию Казем-Бека, вернувшегося в 1956 г. в СССР и ставшего работать в Московской Патриархии, а в ином – в алогизме теоретических изысков младороссов. Именно теоретических, так как их практическая деятельность ограничилась эпизодами пропагандистской работы среди экипажей советских торговых судов, заходивших во французские порты.

Слабость младороссов была и в том, что они как бы проводили жизнь в "своеобразном зале" ожидания "поезда" в Россию, но уже без Сталина. В этом же скрывалась и их инерционная сила, позволявшая сохранять себя длительное время. Однако вторая мировая война напрямую поставила перед ними проблему выбора пути. Она решалась в пользу "русскости", но этот термин мог толковаться по-разному.

Для одних он выкристаллизовался в активное "оборончество" и защиту внешней политики СССР.

Для других "русскость" в военных условиях определялась возможностью помочь той же Франции, вступив добровольцами в ее армию, для защиты от германской агрессии. Защищая Францию, они защищали Россию.

Для третьих "русскость" диктовала следующие строки: «Национальный подъем должен быть пропитан насквозь русскостью, он должен быть связан с духом и плотью России. А ты (Казем-Бек. – В.К.) нам доказываешь что нужно умирать за Данциг! Никаких Европ! и особенно не связывать определенно нац. русские интересы с какой-нибудь европейской коалицией, – это большая ошибка (повтор Сталина. – В.К.). Мы с каждым, чьи интересы совпадают с нашими. Мы против всех если интересы их нам угрожают... Мы молчим и живем одним сознанием: какое счастье быть русским, сыном великой страны! у которой все есть, ибо это мир, которой ничего не нужно! и особенно "великих европейских событий"... Мы верим в наш народ, он выгребет, устроит свою жизнь, усилит мощь – и этот факт сам по себе будет благоденственным для всего мира. А прибавив к этому русское чувство всемирности и человечности, Россия в полной мере выполнит тогда свое великое историческое назначение среди других народов» [1. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1. Л. 87–87 об.].

Для четвертых она проверялась в ходе борьбы с Красной Армией в составе различных русских "национально-освободительных формирований".

Для пятых "русскость" требовала возвращения на Родину, даже если там и оставался Сталин.

Тем временем "национальная революция" откладывалась на неопределенное время – Гитлер наступал. Европейские младороссы теряли связи. Их мирная жизнь, нарушаемая лишь дискуссиями да интригами, уходила в прошлое. Сам А.Л. Казем-Бек после нападения Германии на СССР объявил о роспуске Младоросской партии.

В сущности, это была лишь констатация происшедшего, когда война пожирала интеллектуальную мысль самодеятельных философов. Приходило время действий, время выбора. Младороссы, как организация, сошли с политической сцены, но их идеи, мысли, размышления и сейчас представляют не только исторический интерес для тех, кто задумывается о судьбе и пути России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Российский государственный военный архив.
2. Независимая газета. 1999. 29 IX. С. 3.

ИЗ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И ЛЕКСИКИ

На протяжении всей истории отечественного славяноведения российские ученые проявляли глубокий интерес к проблемам возникновения славянской письменности, деятельности первоучителей Кирилла и Мефодия и их роли в создании первого у славян литературного языка, распространению письма и литературы у славян в эпоху Средневековья. В исследовании этих и других проблем палеославистики особое место неизменно занимал и занимает в настоящее время язык первых славянских переводов, язык сохранившихся древнейших памятников письменности.

В ряду крупнейших отечественных ученых нашего времени, внесших весомый вклад в мировую славистику, выделяется Раля Михайловна Цейтлин – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук, почетный доктор Великотырновского университета. Ее монографии “Лексика старославянского языка” (1977), “Лексика древнеболгарских рукописей X–XI вв.” (1986), “Сравнительная лексикология славянских языков X/XI–XIV/XV вв. Проблемы и методы” (1996), как и многочисленные другие труды по проблемам славянской лексикологии, семасиологии и лексикографии, опубликованные в авторитетных научных изданиях России и зарубежных стран, известны всем, кто серьезно занимается этими областями языкознания.

Серьезное внимание специалистов в разных странах привлек к себе сразу же по выходе из печати “Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.)” (1994) – совместный труд Р. М. Цейтлин и ее чешских коллег (редакторы Р. М. Цейтлин, Р. Вечерка и Э. Благова). Долгожданный словарь этот стал уже настольной книгой исследователей славянских древностей.

Отдавая должное заслугам Р. М. Цейтлин в развитии отечественного славяноведения, редакция журнала “Славяноведение” публикует небольшую подборку статей Е. М. Верещагина, Ж. Ж. Варбот и Т. И. Вендиной, приуроченную к 80-летию Р. М. Цейтлин, желает ей доброго здоровья и свершения ее творческих начинаний.

© 2000 г. Е. М. ВЕРЕЩАГИН

ССЫЛКИ НА ТАРГУМ АКВИЛЫ В ПРОСТРАННОМ ЖИТИИ КИРИЛЛА ФИЛОСОФА

В протоколах диспута первоучителя Кирилла с хазарскими мудрецами¹ имя Аквилы упоминается всего один раз.

Желая подтвердить христианский догмат о боговоплощении (согласно которому божество вмещается в человека), Философ поначалу показал, что вездесущий Бог парадоксальным образом способен обитать в некоторых ограниченных объемах. Он сослался на теофании Моисею и Иову, когда, согласно Ветхому Завету, божественное присутствие замечалось в купине, облаке, буре и дыме (Исх 19:17–18; Иов 38:1 и 40:1). Этого, однако, было явно мало: аргументами от Писания следовало еще показать, что божество может обитать и в человеке.

О явлении Бога во плоти человека упоминается в Новом Завете. Между тем, поскольку во время диспута первоучитель сослался только на Ветхий Завет (или *Танах*²), – авторитет Нового Завета иудеи, естественно, не принимали, – ему было важно отыскать соответствующую пророческую преемственность именно у ветхозаветных авторов. И он, как ему показалось, ее отыскал!

Философ сослался на молитву этнарха Моисея, но не в версии масоретского Танаха или Септуагинты, а в версии Аквилы (причем ясно назвал его переводчика): **И како Мѡѡсїа рече доухомъ свѣтымъ въ своей молитвѣ, роуцѣ распротеръ въ грѣмѣ каменнѣ и въ гласѣ трубнѣмъ не авлаи ны са к томоу, господи щедрый, но въселиса въ нашу оутробоу, утѣмъ наша грѣхы. Авла бо тако глаголетъ** (подчеркнуто нами. – *Е.В.*) [1. С. 15]³.

Этот текст, при буквальном прочтении, действительно говорит о возможности вселения божества в трубу человека.

Верещагин Евгений Михайлович – д-р филол. наук, главный научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

¹ Протоколы вероучительных диспутов, состоявшихся в столице Хазарии весной 861 г., составили в Пространном житии Кирилла три обширных главы (с IX по XI). Здесь и далее Житие цитируем по рукописи XV в. собрания бывш. Московской Духовной Академии, как она опубликована П. А. Лавровым [1. С. 1–36].

² ТаНаХ – акронимическое наименование Свщ. Писания, принятое в среде иудеев. Акроним составлен из трех слов: תורה (*тора*; «закон»), נביאים (*неви'им*; «пророки») и כתובים (*кетувим*; «писания»).

³ Кажется, этот фрагмент исследовал Ф. Гривец [2]; указанная статья была нам недоступна. В свою итоговую монографию [3] ученый не перенес содержания этой статьи.

Аквила (или *Акила*; Ἀκύλα, Aquila; в раввинистической литературе обычно упоминается с атрибутом: אַקִילָה גֵר «Акила Гер» [т. е. Прозелит]; его имя передается также как אֲוִקְלוֹס [Онкелос]) – ученый книжник, живший при императоре Адриане (первая половина II в.), создатель таргума (перевода) Танаха с иврита на греческий, причем его перевод весьма отличается от Септуагинты. О личности Аквила и о его переводе см. подробнее [4. С. 101–102, 563–572; 5. Кол. 605–613; 6; 7; 8. С. 704–710].

Поскольку таргум Аквила отличался максимально возможной близостью к исходному тексту, «этот перевод пользовался особым почитанием среди евреев, которые при спорах с христианами отдавали предпочтение этому переводу перед принятым христианами александрийским переводом ‘70 толковников’» [9]. Ориген свидетельствует о большой популярности версии Аквила, а из 146 новеллы Юстиниана можно увидеть, что эта версия читалась за синагогальным богослужением [8. С. 706]. Что же касается христиан, то они Аквила, из-за «извращения» им мессианских чтений, не признавали.

Полный текст таргума Аквила не сохранился. Во фрагментах он дошел до нас в составе Экзапл⁴ Оригена (публикацию см. [10; 11]).

Молитва Моисея в той форме, которая представлена в Житии, – это плод компиляции первоучителя: упоминание о гrome и трубном гласе он взял из стиха Исх 19:16, а концовку заимствовал из стиха Исх 34:9. Эта последняя, однако, в Септуагинте (цитируется по изданию [12]) упоминания об *утробе* не содержит: Εἰ εὐρυτὰ χάρις ἐνώπιόν σου, σὺ μλορεὐθήτω ὁ κύριός μου μεθ’ ἡμῶν⁵, и об этом первоучитель, конечно, знал. У Аквила же упоминание об *утробе* – можно вычитать.

Перед нами встает целая серия загадок, на которые пока нет ответа.

С одной стороны, Кирилл, как считается, знал иврит⁶. Следовательно, он был способен обратиться к Танаху на иврите. Упоминание об *утробе* можно вычитать из него не в меньшей степени, чем из Аквила.

С другой стороны, считается также, что в среде хазарских книжников был распространен иврит, в том числе во времена поездки Кирилла (см. [16; 17])⁷. Стало быть, и люди, к которым первоучитель обращался, были в состоянии воспринять молитву Моисея на иврите, и они, вероятно, как всегда бывает, отнеслись бы к оригиналу с еще большим доверием, чем к таргуму, пусть и весьма авторитетному.

Как бы то ни было, первоучитель Кирилл предпочел сослаться на таргум Аквила. И это – уже в третий раз – удивительно, поскольку, как утверждается в специальной литературе (см., например, [8. С. 706]), синагогальное чтение таргума Аквила в диаспоре (в среде эллинизированных иудеев, в том числе в Хазарии⁸) к IX в. уже прекратилось. Завершилась акция масоретов по внедрению в богослужение Танаха на иврите (с устранением всех домасоретских версий, в первую очередь иноязычных). И тем не менее Кирилл дает ссылку на Аквила!

Загадки на этом не прекращаются: признав доказательную силу перевода Аквила, первоучитель фактически покинул Септуагинту, (вероятно, невольно и неосознанно) выразил сомнение в ее авторитетности, и (пусть временно) перешел на позиции иудеев. Он признал авторитетность того из чисто иудейских таргумим, который христиане отвергали наиболее последовательно.

⁴ Вслед за другими исследователями (ср., например, [4. С. 103]), для именованя по-русски Оригенова свода Ехарфа использую, хотя и ощущаю неудобство, существительное во множественном числе: *Экзаплы*.

⁵ По-русски фрагмент читается так: «Если я приобрел благоволение в очах Твоих, Владыка, то да пойдет Владыка *посреди нас*» (Исх 34: 9; см. [13]).

⁶ Действительно, в Пространном Житии Кирилла говорится, что проведя зиму в Корсуни, первоучитель *научи са тоу жидовьстѣи бесѣдѣ и кнѣгамъ* (гл. VIII). О других свидетельствах, согласно которым Кирилл знал иврит, см. [14; 15].

⁷ Заметим кстати, что в ответном письме хазарского царя Иосифа сановнику Хасдаю ибн-Шафруту засвидетельствована традиция диспутов о вере, имевшаяся в Хазарии [17. С. 78 и сл.]. О независимом от Жития Кирилла свидетельстве о диспуте Философа с хазарами см. еще [18].

⁸ Присутствие боспорских евреев в Хазарии, как кажется, несомненно.

Мы не можем привести в подлиннике текст Аквилы, на который ссылался Кирилл. Как упоминалось, гаргум Аквилы сохранился лишь фрагментарно, и в Экзаплах Оригена стиха Исх 34:9 – нет. Тем не менее можно быть вполне уверенным, что первоучитель дал точную цитату.

В стихе Исх 34:9 (см. [19]) читается: יִלְרֶנָּה אֲדֹנָי בְּרִבְבוֹ⁹. Сложный предлог בְּרִבְבוֹ¹⁰ [b^eqérew] «внутри, посередине»¹¹ (буквально «во утробе», поскольку значение сеголатного имени רִבְבָּ – «внутренности»¹²) в Септуагинте переведен по смыслу и синкретично: μεθ' ἡμῶν «посреди нас, с нами»¹³. Аквила же, по свидетельству Кирилла, этот предлог этимологизировал и, соответственно, перевел по элементам.

Он вообще держался строгой literalности (в любом контексте почти всегда переводил определенное ивритское слово Танаха одним и тем же греческим¹⁴) и давал этимологические переводы (т. е. воспроизводил внутреннюю форму композитов и дериватов). Тем самым он не признавал сложных предлогов и переводил их по членам – точно так же, как все прочие предложно-падежные единства.

Так, он регулярно расчленял и сложный предлог בְּרִבְבָּ. Например, в одном из стихов из Беседы Моисея с Богом (Исх 3:20), употреблен этот предлог: «...поражу Египет всеми чудесами Моими, которые сделаю среди его (בְּרִבְבוֹ)». Аквила переводит: ἐν ἐγκάτω αὐτοῦ, тогда как в Септуагинте – простой предлог: ἐν αὐτοῖς. Точно так же, т. е. используя оборот ἐν ἐγκάτω (букв. «во утробе»: τὸ ἐγκάτων – «внутренности») на месте простого предлога в Септуагинте, он перевел: Чис 14:14, Втор 4:5, Пс 35/36:2¹⁵, 45/46:6, 54/55:5, 81/82:1, Ис 19:3, Мих 6:14 (материал выявлен на основании двух конкордансов: [22; 23]).

Не удивительно поэтому, что и в Исх 34:9 Аквила, безусловно, дал этимологизирующий перевод. Мы вправе сделать столь категоричное утверждение, поскольку Аквила с удивительной рутинностью давал ἐν ἐγκάτω, когда встречал בְּרִבְבָּ, а ἐν ἐγκάτω на славянский переводится, в зависимости от глагола, или как **въ оутробоу** или как **въ оутробѣ**.

Наша цель состоит только в том, чтобы выявить случаи обращения к Аквиле в протоколах диспутов, и оценки позиции Кирилла Философа сейчас не следует ждать. Ясно, конечно, что контекст Исх 34:9 отнюдь не имеет в виду человеческую, «физиологическую», утробу. Тем не менее Кирилл его в качестве аргумента – выставил.

⁹ Если цитруемая синтагма на иврите закончена по смыслу и, следовательно, ясна ее огласовка, то она дается в непунктированном виде.

¹⁰ Если ивритская лексема (или непредикативное словосочетание) употребляется внеконтекстно, то при первом употреблении даем огласовку и ставим дагеш. При дальнейших употреблениях пунктирование опускается.

¹¹ Сложными предлогами являются сочетания простого предлога-префикса с полнозначным именем (в status constructus), которое в таком случае утрачивает свою денотативную семантику, – לְפָנַי, לְפָנֶיךָ, לְפָנָיו, לְפָנֶיהָ и др. (см. [20; 21]).

¹² В прямом значении сочетание предлога בְּ с существительным רִבְבָּ в Танахе представлено: Иов 20:14 и Пс 108/109:18 (ср. последний случай: בְּרִבְבוֹ כַּמִּים וְתַבַּח אֲדֹנָי); в Септуагинте: καὶ εἰσῆλθεν ὡς ὕδωρ εἰς τὰ ἐγκάτω αὐτοῦ; по Синайской псалтыри: И **внѣде** [клятва, т.е. «проклятье»] **ѣко вода въ жтробѣ** его; в русск. переводе: «И да войдет оно [проклятье], как вода, **во внутренность** его»).

¹³ Впрочем, в Септуагинте встречается, хотя гораздо реже, чем у Аквилы, также и расчлененный перевод предлога: Пс 50/51:12 בְּרִבְבֵי קוֹשׁ נֶכְוֶן וְרוּחַ נֶכְוֶן передан как καὶ πνεῦμα εὐθὲς ἐγκαινίσον ἐν τοῖς ἐγκάτοις μου (по Синайской псалтыри: Ἴ ἄχ' правъ **обнови** **въ жтробѣ** мои; синодальный перевод: «и дух правый **обнови** **внутри** меня»).

¹⁴ Знаменитым примером этимологического перевода Аквилы является самое первое Танаха, когда Πῶς ἤρξα «в начале» (в Септуагинте ἐν ὀρχῆ) он перевел ἐν κεφαλῶν (буквально: «во главе»), поскольку Πῶς ἤρξα «начало» содержит в себе ἤρξα «голова». Первая глава книги Бытия в переводе Аквилы воспроизведена и подробно проанализирована в монографии [4. С. 567–570].

¹⁵ Первой дается нумерация псалмов по Септуагинте, затем (после косой черты) – по Танаху.

Таков след таргума Аквилы в Пространном житии Кирилла. Его обнаружить нетрудно, поскольку прямо названо имя переводчика.

Но является ли след Аквилы единственным? Ниже излагается догадка, которая может свидетельствовать, что в Житии Кирилла Аквила встречается еще два раза. Сигнал дает лексема **помазанныи**, дважды представленная в протоколах.

В X главе Кирилл рассматривает тему возможной замены одного богоданного закона-завета другим и утверждает, что такая замена уже состоялась (см. подробнее [24]). В ответ иудеи возразили: **всакъ Жидовинъ се вѣсть въ истинноу, ако боудеть тако, но не оуже время пришло есть о помазанѣмъ** [1. С. 17].

Далее в той же главе содержится запись дискуссии вокруг знаменитых пророчеств Даниила о седмицах, которые, по мнению первоучителя, уже исполнились. **Данїль бо рече, утѣ аггела наоученъ: ѡ· недѣль до Христа игоумена, еже есть ѡ· и· ѡ· лѣтъ, запечатлѣти видѣніе и пророчество** [1. С. 18]. Первоучитель цитирует (с пропусками и перестановками) Дан 9: 24–25. Затем Кирилл спрашивает своих оппонентов: **камень, оуторгъса утѣ горы без роукъ чловѣческъ, кто есть? утвѣщаша они: помазанныи** [1. С. 18].

Аквила, выбирая эквивалент ключевому термину מָשִׁיחַ «Мессия» (по-гречески «Христос»¹⁶), в своем переводе, – особенно во фрагментах, хотя бы отдаленно допускающих прообразовательное истолкование, – избегал лексемы χριστός (букв. «помазанный»; причастие от глагола χρίω «помазывать»), и, чтобы отмежеваться от любых аллюзий, связанных с именем Иисуса Христа, употреблял причастие ἠλεικμένος (букв. «натертый маслом»; от глагола ἄλειψω «натирать маслом»). «Явно антихристианскую тенденцию носит слово ἠλεικμένος, которое Аквила употребляет для перевода библейского מָשִׁיחַ (Мессия = помазанный), вместо применяемого в Септуагинте более обычного слова χριστός»; критику подобной практики можно найти уже у бл. Иеронима [5. Кол. 611].

На всем протяжении диспута Кирилл пользуется лексемой **Христось**, и при обсуждении пророчеств Даниила он говорит (см. выше): **до Христа игоумена** (по Танаху: מָשִׁיחַ וְגַם; в Септуагинте¹⁷: ἕως Χριστοῦ ἡγουμένου; чтение Аквилы не сохранилось¹⁸). Между тем хазарские хахамим (мудрецы) применительно к тому же самому фрагменту из пророка Даниила употребили лексему **помазанныи**. Греческий эквивалент лексемы представлен у Аквилы в стихе из книги Даниила, непосредственно следующим за цитатой Кирилла (Дан 9: 24–25), а именно в Дан 9:26: καὶ μετὰ τὰς ἑπτὰ εβδομάδας... ἐξολοθρευθήσεται ἠλεικμένος [10. Т. 16. Р. III. Col. 2921]; в ивритском тексте в 26-м стихе, конечно, представлена та же самая лексема, что и в стихе 25-м: מָשִׁיחַ יכרֵי.

Итак, если с доверием отнестись к протоколам, то Кирилл на диспуте, имея в виду Мессию, постоянно пользовался термином Септуагинты **Христось**, а его хазарские оппоненты – термином Аквилы **помазанныи** (лексема представляет собой точную деривационную кальку греч. эквивалента ἠλεικμένος). В этом, конечно, выявилась непримиримость двух позиций.

На повестку дня встает задача поиска дальнейших следов Аквилы в протоколах диспутов Кирилла в Хазарии. Если они отыщутся, то, не исключено, придется пересмотреть традиционные представления о том, как проходили беседы¹⁹.

¹⁶ Обстоятельный анализ культурно-исторической (и отчасти богословской) семантики ключевой лексемы מָשִׁיחַ см.: [25; 26].

¹⁷ В Септуагинте книга пророка Даниила дана в версии таргума Феодотиона.

¹⁸ В синодальном русском переводе: «до Христа Владыки».

¹⁹ Об увлеченности Кирилла Танахом во время Хазарской миссии см.: [27; 28].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лавров П. А.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930.
2. *Grives F.* Akvilov fragment v ŽK // Bogoslovni Vestnik, 1935. Т. XV.
3. *Grives F.* Konstantin und Method, Lehrer der Slaven. Wiesbaden, 1960.
4. *Корсунский И.* Перевод LXX. Его значение в истории греческого языка и словесности. Сергиев Посад, 1897.
5. *Клаузер И.* Аквила // Еврейская энциклопедия. М., 1991. Т. I.
6. *Prolegomena // Patrologiae Graecae / Ed. J.-P. Migne.* 1857. Т. 15. Origenis Opera omnia. Hexaplorum Origenis quae supersunt.
7. *Field F.* Prolegomena // Origenes Hexaplorum quae supersunt. Oxford, 1871. V. I.
8. *Schürer E.* Geschichte des jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi. Leipzig, 1886. Т. 2.
9. Сказания о начале славянской письменности. Вступительная статья, перевод и комментарии Б. Н. Флори. М., 1981. С. 120.
10. *Patrologiae Graecae / Ed. J.-P. Migne.* 1857. Т. 15; 1857–1860. Т. 16. P. I–III. Origenis Opera omnia. Hexaplorum Origenis quae supersunt.
11. *Origenes Hexaplorum quae supersunt / Ed. F. Field.* Oxford, 1871–1875. V. 1–2.
12. *Septuaginta, id est Vetus Testamentum graece iuxta LXX interpretes / Ed. A. Rahlfs.* Stuttgart, 1971. V. 1–2.
13. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М., 1968.
14. *Mins E. H.* Saint Cyril really knew Hebrew // Travaux publiés par l'Institut d'études slaves. Paris, 1925. V. 2.
15. *Horálek K.* Св. Кирилл и семитские языки // For Roman Jakobson. The Hague, 1956.
16. *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962. С. 331 и сл.
17. *Ковцов П. В.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.
18. *Берлин И.* Исторические судьбы еврейского народа на территории Русского государства. Пг., 1919. С. 95.
19. תורה נביאים וכתובים. Biblia Hebraica Stuttgartensia, quae [...] / Ed. R. Kittel. [...] Editio secunda emendata opera W. Rudolph et H. P. Rüger. Stuttgart, 1984.
20. Грамматический очерк языка иврит // Иврит-русский словарь / Составил Ф. Л. Шапиро. Под ред. проф. Б. М. Гранде. М., 1963. С. 750.
21. *Ламбдин Т. О.* Учебник древнееврейского языка. М., 1998. С. 189–190.
22. Konkordanz zum Hebräischen Alten Testament [...] ausgearbeitet und geschrieben von G. Li-sowsky. Stuttgart, 1993.
23. *Hatch E., Redpath H. A.* A Concordance to the Septuagint [...]. Oxford, 1897. V. 1–2.
24. *Верещагин Е. М.* История возникновения древнего общеславянского литературного языка. Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М., 1997. С. 57–76.
25. Theologisches Begriffslexikon zum Neuen Testament / Herausgegeben von L. Coenen, E. Beyreuther u. H. Bietenhard. S.l., R.Brockhaus Verlag, 1993. S. 760–767.
26. *König E.* Hebräisches und aramäisches Wörterbuch zum Alten Testament [...]. Leipzig, 1931. S. 251–252.
27. *Верещагин Е. М.* Ветхозаветные аллюзии в новонайденном каноне славянского первоучителя Кирилла // *Е. М. Верещагин.* Христианская книжность Древней Руси. М., 1996. С. 185–192.
28. *Верещагин Е. М.* Аллюзии из Танаха в новонайденном каноне славянского первоучителя Кирилла // *Jews and Slavs.* V. 7 (в печати).

© 2000 г. Ж. Ж. ВАРБОТ

О СЛАВЯНСКОМ РОДСТВЕ ПРАСЛАВЯНСКОГО ГЛАГОЛА

**skočiti*

Исследователи признают для праслав. **skočiti* достаточно надежным родство с рядом лексем в других индоевропейских языках: др.-в.-нем. *scehan* 'спешить', др.-исл. *scaga* 'выдаваться, выступать', др.-ирл. *scuchid* 'уходить', греч. κεκῆνας 'заячий' (Гесихий); с некоторыми сомнениями и оговорками упоминается вероятность родства с лит. *šókti* 'прыгать', лтш. *sākt* 'начинать'; при этом реконструируется исходный индоевропейский корень **skek-* 'прыгать, быстро двигаться', с чередованиями корневого гласного [1. С. 922–923; 2; 3. С. 573]. Что касается внутриславянского родства праслав. **skočiti*, то в этимологических словарях обычно приводятся только **skokъ*, **skakati* и дальнейшие производные. Махек же особо отметил сохранение в славянских языках лишь рефлекса индоевропейского корня с огласовкой **o* [4].

Решительным шагом в направлении преодоления изоляции **skočiti* в славянской лексике было предположение Р. Якобсона о родстве **skočiti* и обозначений щекотки – рус. *щекотать*, ц.-слав. *скъкътати* – на базе семантики легкого движения [5]. Однако среди приведенных автором родственных глаголов потенциальными продолжениями производящего глагола для обозначения щекотки оказываются лишь глаголы со звуковой семантикой (польск. *szczekać* 'лаять', рус. *щекать* 'бойко говорить, тараторить'), что ослабляет всю версию.

Перспективную морфолого-этимологическую гипотезу о возможности расширения славянского родственного окружения **skočiti* предложил А. Вайян. Рассматривая морфологию **skočiti* на фоне одноструктурных славянских глаголов, Вайян предположил сохранение рефлекса исходной глагольной основы в производном имперфективе, истолковав как таковой ст.-слав. *зацицати* 'наемкать' (первично 'застигать, поражать' – ср. польск. *zaskoczyć*, с.-хорв. *zaskòčiti*), а на основе последнего реконструировал (по модели рече- – *прорицати*) глагольную основу настоящего времени **šteče-* [6].

- Представляется, что реконструированная Вайяном (и необходимая для связи **skočiti*, ст.-слав. *зацицати* и рус. *щекотать*) глагольная основа сохранилась в славянских

языках, хотя и в морфологически преобразованной форме: речь может идти о группе болг. диал. *чѣкам* ‘тыкать, колоть’ [7], ‘ковырять, брать по-немногу’ [8], ‘ломать (хлеб на части)’ [9], с.-хорв. диал. *čōkat* ‘клевать’ [10], словен. *ščekati* ‘доить’, которые предполагают праслав. **(š)čekati*; ср. еще родственную группу др.-рус. *ущькнути* ‘ушипнуть’, рус. *чкнуть* ‘ударить’, польск. *szczyknąć* ‘ушипнуть, сорвать’ < праслав. **ščьknŕiti*; сюда же, с преобразованием корневого вокализма и основы, с.-хорв. *čėknuti* ‘шипнуть’ и рус. диал. вост. *щечить* ‘теребить, дергать, щипать; таскать украдкой’ [11. С. 656], псков. *щекануть* ‘уколоть’ [12. С. 310], а также производные основы укр. *щакати* ‘раскалывать дерево’, чеш. *ščíkati* ‘рвать листья с деревьев на корм скоту’, польск. *szczykać* ‘щипать, срывать’. Эти родственные основы **(š)čekati*, **(š)čьknŕiti*, **(š)čikati*, **(š)čakati* (с и.-е. *s-mobile*) с семантикой ‘слегка касаться, ударяя или укалывая; щипать, зацеплять’ были реконструированы мною ранее как производящая база для праслав. **ščekotъ / *skokotъ* ‘щекотка’, с опорой на параллелизм употреблений в русских говорах *птица щечит вишню* (вост.) [11. С. 656] и *птицы ощекотали все ягоды* (курск.) [12. С. 171], так что значение ‘щекотать’ было истолковано как развитие первичного ‘слегка касаться, ударяя, укалывая’ [13; 14. С. 24, 83–84]. Тогда же было предложено введение в это этимологическое гнездо и группы южнославянских глаголов, которые были возведены к праслав. **kačiti*: словен. *káčiti* ‘дразнить, раздражать’, с.-хорв. *káčiti se* ‘цепляться’, болг. *закача* ‘подцепить, поддразнить’; развитие значений реконструировалось как ‘касаться, задевать’ → ‘раздражать, дразнить’ [14. С. 24–25]. Семантика этой последней группы, восходящей к **kačiti*, – ‘дразнить, раздражать’ – явно близка к ст.-слав. *защичати* ‘намекать’, которое Вайян связал со **skočiti* (см. выше). Таким образом, реконструкция основ **(š)čekati*, **(š)čьknŕiti* ‘слегка касаться, ударяя или укалывая; щипать, зацеплять’ с производными **(š)čikati* и **kačiti* позволяет обосновать вхождение в это этимологическое гнездо лексики с семантикой ‘щекотать, щекотка’ и ‘дразнить, намекать’ (то есть собственно ‘раздражать как прикосновением, так и словом’).

Остается вопрос о степени вероятности семантической связи между **(š)čekati*, **(š)čьknŕiti* ‘слегка касаться, ударяя или укалывая; щипать’ и **skočiti* (структурная близость обозначений щекотки к **skočiti* представлена болг. *скокот* ‘щекотка’). Для обоснования вероятности этой связи существенна реальность взаимосвязи значений ‘двигаться’ и ‘касаться’, что обнаруживается семантикой лексем в гнездах праслав. **segnŕiti*, **segati* (ср. укр. *сягнути* ‘достать, схватить’ и рус. *сигать* ‘прыгать’, *шаг*, *шагать*), **trogati* (ср. рус. *трогать* ‘касаться’ и ‘двигаться’, укр. *трогати* ‘дергать, тянуть’). Кроме того, следует учитывать и семантическую составляющую ‘щипать’ у основ **(š)čekati*, **(š)čьknŕiti*, которая также близка к идее движения: см. о движении как ‘резании, отрывании (пространства)’, в частности – в рус. *драть/удрать*, *дранать*, *вырваться*, *резвый* [15]. Поэтому представляется возможным генетически отождествить реконструированные праслав. **(š)čekati*, **(š)čьknŕiti* с и.-е. **skek-*, к которому возводятся традиционно праслав. **skočiti* и его индоевропейские соответствия. Инфинитив **(š)čekati* должен быть *-a*-тематизацией корневой основы ***ščekiti* (ср. основу настоящего времени **šteče-* у Вайяна), от которой и был образован итератив **skočiti*.

При предлагаемом генетическом объединении **(š)čekati* и **skočiti*, основа **kačiti* ‘дразнить, раздражать’ и ‘поднимать’, ранее введенная в гнездо **(š)čekati* [14. С. 24–25], оказывается непосредственным производным от **(s)kokъ* или **(s)kočiti* (с вторичным удлинением корневого **o*). Однако это не означает обязательности реконструкции развития значения ‘раздражать’ из семантики прыжка [3. С. 207]. Скорее и **kačiti* с

его комплексной семантикой 'раздражать' и 'поднимать', и тождество корневой структуры **skokotъ* 'шекотка' и **skočiti* 'прыгать' свидетельствуют о сохранении синкретизма обозначаемого движения 'касаться, ударяя или укалывая; щипать, зацеплять', свойственного глаголу *(š)čekati, и в основе *(s)kok- (производящей для *kačiti).

Введение праслав. *(š)čekati 'касаться, ударяя или укалывая; щипать, зацеплять' (> 'шекотать') в гнездо и.-е. **skek-* предполагает большую конкретизацию семантики последнего ('прыгать; быстро двигаться' – см. [1. С. 922]), подтверждает вероятность принадлежности к этому гнезду лексики со значениями круга 'добыча, грабеж' – ср. др.-в.-нем. *scāch* [1. С. 923] и позволяет сопоставлять все это гнездо с теми ностратическими соответствиями, которые были предложены В. М. Иллич-Свитычем для праслав. *ščekotъ/*skokotъ [16].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Pokorný J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1949–1959. Bd. I.
2. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. М., 1971. Т. 3. С. 645.
3. *Snoj M.* Slovenski etimološki slovar. Ljubljana, 1997.
4. *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Druhé vyd. Praha, 1968. S. 547.
5. *Иacobсон Р.* Ущекоталь скача // *Lingua viget. Commentationes slavicae in honorem V. Kiparsky.* Helsinki, 1965. S. 84–85.
6. *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves. Paris, 1966. Т. 3. P. 414.
7. *Bernard R.* Quelques mots du dialecte de Bălgari. Notules II // *Révue des Études slaves.* 1959. Т. XXXVI. P. 67–68.
8. *Горов Г.* Странджанският говор // *Българска диалектология.* София, 1962. Кн. I. С. 156.
9. *Стойчев Т.* Родопски речник // *Българска диалектология.* София, 1970. Кн. V. С. 217.
10. *Zore L.* Pačetkovače // *Rad JAZU.* 1899. Knj. 138.
11. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 2. М., 1955. Т. IV.
12. Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. Спб., 1858.
13. *Варбот Ж. Ж.* О возможностях диахронического истолкования морфонологической вариантности в славянских отглагольных именах // *Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов.* Варшава, август 1973. Доклады советской делегации. М., 1973. С. 108–109.
14. *Варбот Ж. Ж.* Праславянская морфонология, словообразование и этимология. М., 1984.
15. *Топоров В. Н.* К этимологии др.-инд. *kram-* 'шагать, ступать' // *Этимология.* 1994–1996. М., 1997. С. 158–159.
16. *Иллич-Свитыч В.М.* Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь. б – К. М., 1971. С. 204–205.

© 2000 г. Т. И. ВЕНДИНА

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО РЕКОНСТРУКЦИИ

Работы этнолингвистов по дескрипции различных форм культуры показали, что культура воплощается не только в материальных, но и духовных, языковых сущностях, поскольку естественный язык является универсальным средством конструирования концептов “языка культуры”. “Облеченная в языковую оболочку культура “говорит” с человеком и существует в непрестанном диалоге с ним” [1]. При этом каждая культура “говорит” на своем языке, словарный состав которого во многом определяется архетипом языкового сознания народа. Задача исследователя поэтому заключается в том, чтобы найти “ключ” к дешифровке этого языка, “деконструировать” и заново обдумать словесный состав нашего знания. Но как и в чем искать конкретное основание пугающе пестрого и разнородного материала “языка культуры”? Думается, что его основой является с м ы с л, значение его единиц. Человек живет в пространстве смыслов. И язык, и культура есть результат действия законов смыслообразования. “Именно принадлежность к единому смысловому пространству объединяет повседневную жизнь отдельного человека и историческую практику, интеллектуальную рефлексию и бессознательную память социального коллектива, а также великое множество иных проявлений человеческой активности в сплошной континуум культуры” [2]. Поэтому для лингвиста ключом к тайнам многослойного мыслительного универсума любой культуры является язык, именно он формирует понятия и организует восприятия в связную картину мира.

Пребывание в мире смыслов обрекает человека на языкотворчество, механизм которого включается всегда избирательно, когда в субъектно-объектных отношениях присутствует элемент необходимости. И эта необходимость дает возможность понять, что было важным для языкового сознания человека. Застывая в завершенных номина-структурах, смыслы опредмечиваются, организуя ментально-культурное пространство языка, ключ к освоению которого содержится в ответах на вопрос что и как актуализировалось в акте номинации, ибо характер номина-структуры во многом задается чертами самого человека, особенностями его восприятия и оценки мира. Поэтому язык ничего не придумывает, а выражает лишь глубинные смыслы бытия.

В связи с этим чрезвычайно отрадным явлением для лингвистики явилась публикация в 1994 году “Старославянского словаря” [3]. В создании этого словаря огромная заслуга принадлежит Р. М. Цейтлин, данью глубокого уважения к которой

является эта статья. В отличие от словаря любого живого языка (или диалекта), при составлении которого всегда присутствует факт избирательности фиксируемой лексики (многие диалектные словари вообще являются словарями дифференциального типа), “Старославянский словарь” дает исчерпывающее описание 18 древнейших памятников славянской письменности, среди которых евангелия-апракосы и евангелия-тетры, Синайская псалтырь, Синайский евхологий, Супрасльская рукопись, Енинский апостол и др. Эта сквозная проработанность огромного массива материала дает основание рассматривать Словарь как своеобразный “текст”, в котором “зашифрована социальная информация”. Лексика, представленная в Словаре, является продуктом смыслополагания, следствием действующего в каждом языке (как живом, так и мертвом) законов смыслообразования, в связи с чем она позволяет реконструировать “восприятие” средневекового человека, поскольку все эти тексты создавались для него. Кроме того, Словарь позволяет выявить некоторые общие тенденции и характеристики культуры раннего средневековья и понять, каков был человек в ту далекую от нас эпоху, в чем заключалось его своеобразие и отличие от людей XX века.

В этом осмыслении и реконструкции языкового сознания средневекового человека чрезвычайно продуктивным оказывается обращение к внутренней форме слова, которое дает исследователю уникальную возможность – проследить движение мысли в акте номинации, услышать голос человеческой личности, познающей и осваивающей мир. Апелляция к внутренней форме слова позволяет понять те субъективные мотивы, которые послужили толчком для языкового словотворчества и вместе с тем выявить общие закономерности, поскольку субъективные мотивы, как правило, репрезентируют более общие, объективные закономерности. А так как в любом языке словообразовательно маркируется то, что является социально, культурно или биологически значимо в сознании народа, то можно предположить, что словотворческий акт определенным образом организует смысловое пространство языка, обуславливая отбор значимых фактов и устанавливая наличие связи между ними (ведь то, “что не описывается на этом “языке”, как бы вообще не воспринимается общественным адресатом, выпадает из его поля зрения” [4]). Внутренняя форма слова, таким образом, позволяет выявить культурно-историческую специфику языка с учетом системообразующих культурно-национальных отношений между единицами языка и культурно значимыми концептами. Она является ключом к ответу на вопрос, поставленный в 1987 г. Е. Ф. Тарасовым: “Включена ли культура в язык, если – да, то – как?” [5]. Исследование вопроса что и как словообразовательно маркируется и даст ответ на вопрос, что является значимым в языке культуры. Поэтому предметом нашего исследования были дериваты как репрезентанты переживающего я-сознание ментально-культурного пространства старославянского языка.

Первое знакомство читателя со Словарем обнаруживает, что перед ним язык совсем иной культуры, конфессиональной. В этом языке явления природы отражены довольно скупо, а главное – словообразовательно практически никак не детерминируются, поскольку в основном это все праславянская лексика, ср. **вѣтръ**, **гора**, **громъ**, **дъждь**, **рѣка** и др. [для сравнения можно привести ситуацию в любом живом литературном или диалектном языке, являющемся репрезентантом секулярной (элитарной или народной) культуры, где перед нами предстает огромный мир природы, в котором словообразовательно маркируются и ландшафт, и атмосферные явления, и растительный, и животный мир]. Зеркальным отражением этой ситуации является и средневековая живопись, в которой пейзаж или ландшафт как таковые отсутствуют. “Художники почти вовсе обходят вниманием реальную природу, не воспроизводят пейзажа, не замечают особенностей отдельных людей, не обращают внимания на то, что в разных странах и в разные эпохи люди одевались по-разному, жили в иных жилищах, имели другое оружие. Индивидуализации они предпочитают типизацию, вместо проникновения в многообразие

жизненных явлений исходят из непримиримой противоположности возвышенного и низменного, располагая на полюсах абсолютное добро и абсолютное зло” [6. С. 22], лишь позднее, по-видимому, сначала в поэзии пробуждается интерес к природе, картины которой позволяют глубже передать внутренние переживания и чувства героя.

Таким образом, отсутствие лексической и словообразовательной детализации семантической сферы “Природа” в старославянском языке нельзя объяснить лишь ограниченностью языкового материала старославянских памятников. Корни этой ситуации лежат значительно глубже. Они связаны с архетипом языкового сознания. Представляя собой первичный образ, доминанту *коллективного бессознательного*, архетип задает общую структуру личности и последовательности образов, всплывающих в сознании при пробуждении творческой активности, инвариантом которой является языковое словотворчество. В старославянском языке таким архетипом сознания был Бог. “Бог и человеческая душа представляли для эпохи средневековья абсолютную ценность, природа же обладала ценностью относительной” [6. С. 76]. Именно этот регулятивный принцип средневековья предопределял всю логическую структуру его культуры, оказав влияние на устройство такого базового концепта любого языка, как Человек. Человек рассматривался как творение Божье, созданное по образу и подобию его. В богословской проповеднической литературе средневековья приводилось даже доказательство того, что Бог начертал на лице человека, что он – Божье творение. Латинское *homo dei* читалось следующим образом: “Два глаза образуют две буквы “o”, “h” – неполноценная буква, она лишь пособляет другим в слове “homo”, брови над глазами и нос между ними образуют букву “m”, ухо имеет форму буквы “d”, ноздри и пространство между ними и ртом – греческая буква “E”, рот – “i”. Все вместе читается “Homo dei” [7].

Поэтому весь лексикон старославянского языка организован вокруг человека, именно эта идеографическая сфера является наиболее лексически “проработанной”. Взгляд на “самого себя” является для средневекового человека более важным, чем взгляд на окружающий мир. Причем и здесь наблюдается своеобразие “языка культуры” средневековья. Как свидетельствуют памятники старославянской письменности, чувственная, физическая природа человека не представляла особого интереса, интерес проявлялся прежде всего к оценке человека как личности, личности социальной и духовной, “интеллигибельной” (хотя слова *личность* и нет в старославянском языке первых памятников письменности¹, как нет его и в классическом греческом языке, переводы с которого осуществляли просветители Кирилл и Мефодий, однако именно личность средневекового человека раскрывается в его взглядах на жизнь, его представлениях о собственной жизни, ее ценностных императивах).

По-видимому, именно этим обстоятельством объясняется тот факт, что в старославянском языке “портрет” человека практически не прорисован, внешний облик человека описывается очень скупо – единичным глаголом (ср. *бродѣти* ‘обрастать бородой’²) и прилагательными со значением ‘красивый’ (ср. *благолѣпнѣ* ‘красивый, прекрасный’; *добролчнѣнѣ* ‘красивый’; *краснѣ* ‘красивый’, среди которых лишь одно прилагательное *добролчнѣнѣ* относилось только к человеку, а два других могли

¹ Интересно, что и древнерусский язык не знал слова *личность*. “В древнерусском языке, – писал В. В. Виноградов, – до XVII в. не было потребности в слове, которое соответствовало бы, хотя отдаленно, современным представлениям о личности, индивидуальности, особи. В системе древнерусского мировоззрения признаки отдельного человека определялись его отношением к Богу, общине или миру, к разным слоям общества, к власти, государству, родине, родной земле с иных точек зрения и выражались в других терминах и понятиях. Отдельные признаки личности были рассеяны по разным обозначениям и характеристикам человека, человеческой особи (*человек, людие, ср. людин, лице, душа, существо* и др.). Общественному и художественному сознанию древнерусского человека до XVII в. было чуждо понятие... об отдельном человеческом “я” как носителе социальных и субъективных признаков и свойств” [8].

² Весь иллюстративный лексический материал цитируется по [3] без указания соответствующей страницы.

атрибутировать и предметы). При этом надо обратить внимание на следующую интересную особенность: все эти прилагательные не имеют своего антонима, факт вполне оценочный для средневекового человека, который не мог и не смел отрицательно оценивать творение рук Божьих (попутно заметим, что дериваты с корнем **жрд-**: **жрѡдѣнь**, **жрѡдѣнь** характеризуют человека не как существо физическое, а как существо разумное, а точнее неразумное, так как имеют значение 'неразумный', 'глупый').

Само мышление в средневековье носило, по-видимому, дидактический характер, отсюда расположенность видеть нравственный смысл во всем – в истории, в быту и, конечно, в человеке. Человек из объекта художественного наблюдения в античности в средние века превращается в субъект морального выбора. Поэтому акцент в портрете человека делается на личность – личность духовную и социальную, а не физическую. Не случайно средневековье часто называют "незнакомое с портретом тысячелетие"³ и первым портретом Средневековья становится портрет Христа⁴.

Таким образом, отсутствие портрета средневекового человека в лексиконе древнейших памятников письменности (так же, как и отсутствие лексико-словообразовательной детализации семантической сферы "Природа") объясняется не столько лексическим своеобразием этих памятников, сколько семантико-аксиологическими константами средневековья, тяготевшего к воплощению вечных истин и непреходящих ценностей.

Именно эти высшие смыслы и ценности оказываются в центре языкотворческой деятельности Кирилла и Мефодия. Не случайно названия человека как существа социального в старославянском языке значительно уступают названиям, характеризующим человека как существо духовное, мыслящее и страдающее. В номинации этой группы имен отчетливо прослеживается принцип оппозиции. Описание человека идет как бы "сверху вниз" – от заданной божественно предопределенной сущности к ее греховным нарушениям, поскольку личность рассматривалась прежде всего в ее отношении к Богу. В одних именах идея соотношенности с Богом выражается эксплицитно:

– либо самой словообразовательной структурой слова, через его корневую морфему (особенно ярко это идея передается именами, и прежде всего прилагательными, ср. **безбожьнь** 'безбожный'; **богоборьнь** 'борющийся против бога'; **боготорьнь** 'борющийся против бога'; **боголюбивь** 'любящий бога, набожный'; **богозъвань** 'избранный богом'; **боголъпнь** 'богоугодный'; **богомръзъкъ** 'враждебный богу'; **богоносивь** 'носящий в себе бога'; **богочъстивь** 'чтущий бога'; **хръстолюбъвьнь** 'христоролюбивый'; **хръстоненавидьнь** 'ненавидящий Христа'); существительные: **безбожьнь** 'в знач. сущ. безбожник'; **богоборьць** 'богоборец'; **богосварьникъ** 'богоборец'; **боговидьць** 'видящий бога'; **боголюбьць** 'человек, любящий бога'; **богоносьць** 'человек, носящий в себе бога'; **богочътьць** 'набожный, благочестивый человек'; **хръстоборьць** 'противник Христа'; **хръстолюбьць** 'христоролюбец') и значительно слабее глаголами (ср. **богословествити** 'проповедовать, восхвалять бога'; **богословити** 'проповедовать, восхвалять бога');

– либо через систему его значений, и здесь опять ярче всего представлены

³ По-видимому, здесь мы сталкиваемся не только с отголосками древнегреческой традиции, для которой также было характерно отсутствие интереса к индивидуальным особенностям внешности человека (не случайно в греческом театре актеры скрывали под маской свое лицо), но и «с традициями ближневосточной учительской прозы (Библия, сирийские поучения Ахикара)... Весь этот тип прозы, его поэтика исключает "пластичность", природа или вещи упоминаются лишь по ходу сюжета и никогда не становятся объектом самостоятельного описания, выражающего незаинтересованную радость глаз... Действующие в этой прозе люди, как правило, не имеют не только внешних черт, но и "характера" в античном смысле этого слова» [9]. Об этом же говорит и история древневосточного искусства, которое "ограничивало круг портретируемых лиц лишь фараонами и жрецами, тогда как масса простых людей изображалась орнаментально, сериями однотипных, безликих знаков" [10].

⁴ Эго архетипом, по-видимому, послужил плат Вероники в Лукке. Евангелист Лука, портретист Христа и Богоматери, стал в XV в. покровителем художников [11].

прилагательные (ср. **зълочьстьнъ** 'безбожный человек'; **неподобьнъ** 'безбожный, бесчестный, развратный'; **хоульнъ** 'богохульствующий'; **благовѣрьнъ** 'набожный, благочестивый'; **благочьствивъ** 'набожный, благочестивый, богобоязненный'; **доброговѣннъ** 'набожный, благочестивый'; **доброчьстьнъ** 'благочестивый, набожный'; **чьствивъ** 'благочестивый, набожный'; **млостивъ** 'набожный'); глаголы, ср. **благочьствовати** 'быть набожным, благочестивым'; **блзнить сѧ** 'богохульствовать'; **блсвимисати** 'богохульствовать'; **нечьствовати** 'быть безбожным, нечестивым'; **нечьстовати** 'быть безбожным, нечестивым'; **хоуловати** 'богохульствовать') и существительные (ср. **неподобьникъ** 'безбожник'; **оудьникъ** 'тот, кто угоден богу'; **хоульникъ** 'богохульник, еретик').

В других именах эта идея выражается имплицитно, через обозначение тех атрибутивных признаков и символов, которые являются сопутствующими образу Христа (ср. существительные: **блаженникъ** 'блаженный (наименование святых)'; **мчченикъ** 'мученик'; **правьдникъ** 'праведник'; **святъць** 'святой'; **проповѣдатель** 'проповедник, провозвестник'; **свѣтитель** 'несущий свет'; **страстоносьць** 'страдаец, мученик'; **нищелюбьць** 'любящий бедных'; **чловѣколюбьць** 'тот, кто любит людей'); прилагательные: **облаженъ** 'блаженный'; **кротостьнъ** 'исполненный кротости'; **безгрѣшьнъ** 'безгрешный'; **безгнѣвьнъ** 'беззлобный'; **безъловивъ** 'беззлобный, кроткий, беспорочный'; **тръсвятъ** 'трижды святой'; **любовницъ** 'любящий бедных'; **милосрьднъ** 'милосердный, участливый'); глаголы: **зълострадати** 'испытывать страдания'; **пострадати** 'претерпеть страдания'; **скръѣвѣти** 'страдать, мучиться'; **тжжити** 'печалиться, страдать, мучиться'; **миловати** 'проявлять милосердие, сострадание'; **милосрьдовати** 'проявлять милосердие, сострадание'; **оущедрити** 'смилоствиться, сжалиться, проявить сострадание, милосердие' и т. д.).

В третьих – оппозитарно, через противопоставление божественного и греховного в человеке. И здесь онтологическим ключом к пониманию реальности и человека становятся категории добра и зла. При этом человек мыслится как существо греховное (ср. классическое изречение Григория Богослова: "Человек тварь, но он имеет повеление стать Богом"), отсюда довольно многочисленная группа имен (всех трех частей речи), в которых актуализируются всевозможные прегрешения человека. Все эти имена являются своеобразной иллюстрацией диалога с Богом, который как бы спрашивает, а человек отвечает за свои перед ним прегрешения. Среди них, в частности, такие, как:

– отсутствие стыда (ср. существительные **бесрамькъ** 'бесстыдник'; **вестоудьникъ** 'бесстыдник'; **вестоудьць** 'бесстыдник'); прилагательные: ср. **бесрамьнъ** 'бесстыдный'; **вестоудьнъ** 'бесстыдный'; **оукорьнъ** 'позорный, постыдный, бесчестный'; глаголы: **осрамлати сѧ** 'стыдиться'; **посрамити сѧ** 'устыдиться, постыдиться'; **стыдѣти сѧ** 'стыдиться, совеститься'; **оусрамлати сѧ** 'стыдиться');

– гнев (ср. прилагательные: **гнѣвливъ** 'гневающийся, злобный'; **гнѣвьнъ** 'гневный, злобный'; глаголы: **гнѣвати сѧ** 'сердиться, гневаться'; **погнѣвати сѧ** 'разгневаться, рассердиться'; **прогнѣвати сѧ** 'разгневаться, прогневаться'; **разгнѣвати сѧ** 'разгневаться, рассердиться'; **ѡрити сѧ** 'гневаться, сердиться');

– похоть, разврат, прелюбодеяние (ср. существительные: **блждьникъ** 'развратник'; **люводѣница** 'блудница'; **прѣлюводѣн** 'прелюбодей'; прилагательные: **блждьнъ** 'развратный'; **неподобьнъ** 'развратный'; **поустошьнъ** 'распутный'; **похотьнъ** 'похотливый'; глаголы: **блждити** 'развратничать'; **прѣлюводѣвати** 'прелюбодействовать'; **растълѣти** 'развратиться, совратиться');

– обжорство, ибо "все, что нарушает меру, от бесов – таков суровый приговор сурового подвижника египетской пустыни Пимена" [12], ср. существительные: **великѣдъ** 'обжора'; **ѣдьца** 'обжора'; прилагательные: **ненасыщенъ** 'ненасытный'; **несытьнъ** 'жадный, ненасытный'; глаголы: **обѣсти сѧ** 'объесться');

– пьянство (ср. существительные: **винопивѣца** ‘пьяница’; **пивѣца** ‘пьяница’; **пиганица** ‘пьяница’; прилагательные: **пианъ** ‘пьяный’; **шоумьнъ** перен. ‘пьяный’; глаголы: **оупивати** ‘напиваться (допьяна)’; **оупити сѧ** ‘напиться (допьяна)’);

– зависть (ср. существительные: **завидан** ‘завистник’; **завистьникъ** ‘завистник’; прилагательные: **завидливъ** ‘завистливый’; **завистьливъ** ‘завистливый’; глаголы: **завидѣти** ‘завидовать’; **рвьновати** ‘завидовать’);

– злодейство (ср. существительные: **зълодѣи** ‘злодей, творящий зло’; **лагатель** ‘тот, кто строит козни, творит зло’; прилагательные: **зълобивъ** ‘причиняющий зло’; **зълодѣинъ** ‘злодейский’; **зълукъзннъ** ‘злокозненный’; глаголы: **зълосътворити** ‘причинить зло’; **зълковати** ‘вредить, причинять зло’; **оузлобити** ‘причинить зло’; **ажкавновати** ‘причинять зло, строить козни’; **напастъствовати** ‘причинять зло, строить козни кому-либо’; **проказьлѣти** ‘строить козни, злоумышлять’);

– алчность, сребролюбие (ср. существительные: **лихкомлян** ‘корыстолюбец’; **сребролюбѣць** ‘сребролюбец, корыстолюбец’; прилагательные: ср. **любомѣннъ** ‘корыстолюбивый, алчный’; **несытъ** ‘жадный, ненасытный’; в глаголах подобных лексем не встретилось);

– ложь, клевета, предательство, обман (ср. существительные: **лицемѣръ** ‘лицемер’; **лѣжесвьѣдѣтель** ‘лжесвидетель’; **лѣжнипослухъ** ‘лжесвидетель’; **лѣстыць** ‘обманщик’; **прѣльстникъ** ‘обманщик, соблазнитель’ (< **прѣльстити** ‘обмануть, обольстить’); **прѣдавьникъ** ‘предатель’; **клеветьникъ** ‘клеветник’); прилагательные: **лживъ** ‘лживый’; глаголы: **блазнити** ‘обманывать, обольщать’; **лстити** ‘1) обманывать; 2) лукавить, соблазнять’; **крадоводити** ‘обманывать, обольщать’; **сълъгати** ‘солгать, обмануть’; **обръпѣтити** ‘обмануть’; **лжепослушьствовати** ‘лжесвидетельствовать’; **лѣжесвьѣдѣтельствовати** ‘лжесвидетельствовать’);

– жестокость (ср. существительные: **лютьць** ‘жестокый человек’; **нечловѣкъ** ‘жестокосердный человек’; **мжчитель** ‘мучитель’; **томитель** ‘мучитель’; прилагательные: **горькъ** перен. ‘жестокый’; **жестосръдивъ** ‘жестокосердный’; **тажькосръдъ** ‘жестокосердный, бессердечный’; глаголы: **ожестити сѧ** ‘ожесточиться’; **ожесточити** ‘ожесточить’; **ожестѣти** ‘очерстветь’);

– гордыня (этот признак маркируется в основном глаголами: ср. **възносити сѧ** ‘гордиться, кичиться’; **велнчати** ‘гордиться’; **вельмждровати** ‘быть самонадеянным’; **надоути сѧ** ‘возгордиться’; **надымати сѧ** ‘перен. гордиться’; **разгрѣдѣти** ‘возгордиться’; прилагательное: **велнчавъ** ‘надменный, заносчивый’).

Наряду с этой греховой личностью, материал старославянских памятников позволяет составить представление о личностном идеале средневекового человека. И хотя эта “идеальная личность” как предметная реальность могла и не существовать в обществе, однако как наиболее совершенная, близкая к божественному идеалу она существовала в сознании человека. Вступая в диалог с конкретным человеком, “она из сферы сознания переходила в сферу поступков. Идеальное становилось реальным” [13]. Как реализацию этого личностного идеала можно рассматривать следующие словообразовательно детерминируемые в названиях лиц добродетели:

– доброта, особенно способность делать добро людям (ср. существительные: **благодѣтнникъ** ‘тот, кто делает добро’; **благодѣтель** ‘благодетель’; прилагательные: **благосънъ** ‘добрый, милостивый’; **благотворивъ** ‘делающий добро’; **прѣблагъ** ‘очень добрый’; **добродѣтѣльнъ** ‘добродетельный’; **добродѣтанъ** ‘добродетельный’; **добродѣл** ‘добродетельный’; глаголы: **благодѣяти** ‘оказывать благодеяние, делать добро’; **благосътворити** ‘сделать добро’; **добросътворити** ‘сделать добро’; **добротворити** ‘делать добро’; **оублажити** ‘сделать добро’);

– щедрость (ср. существительные: **подадатель** ‘дарующий, податель’; **податель** ‘дарующий, податель’; **раздавьникъ** ‘тот, кто раздает, раздаривает свое имущество’; **давѣць** ‘даритель’; **датель** ‘даритель’; прилагательные: **богатъ** ‘щедрый’; попутно

обратим внимание на мотивацию лексемы **БОГАТЪ**, проливающей свет на привычки сознания средневекового человека, для которого богатство – это дар Бога (ср. глагол **ОБОГАТИТИ** ‘обогащать, одарить’), а потому богатый человек по определению должен быть щедрым; глаголы: **ДАРИТИ** ‘дарить, давать’; **ДАРОВАТИ** ‘подарить’; **ДАРЬСТВОВАТИ** ‘дарить, давать’; **ПОДАГАТИ** ‘дарить’; **РАЗДАВАТИ** ‘раздавать’; **РАЗДАГАТИ** ‘раздавать, раздавать’; **ОДАРИТИ** ‘одарить’);

– вспомоществование, способность прийти людям на помощь (ср. существительные: **ДОБРОПОМОЩНИЦА** ‘хорошая помощница’; **ПОМОЩНИКЪ** ‘помощник’; **ПОСПѢШНИКЪ** ‘помощник’; **СЪПОСПѢШНИКЪ** ‘помощник’; **СЪДѢИСТВЫНИКЪ** ‘помощник, сподвижник, соратник’ (< **СЪДѢИСТВОВАТИ** ‘содействовать, помогать’); глаголы: **ПОМОГАТИ** ‘помогать’; **СЪПОМОГАТИ** ‘помогать, способствовать’; **ПОСПѢХОВАТИ** ‘помогать’; **ПОСПѢШАТИ** ‘помогать’; **ПОСПѢШЕСТВОВАТИ** ‘помогать’; **ПОСПѢААТИ** ‘помогать’);

– миролюбие, кротость (ср. существительные: **КРОТОЛЮБИЦЪ** ‘миролюбивый человек’; **МИРОТВОРЬЦЪ** ‘миротворец’); прилагательные: **КРОТОСТЪНЪ** ‘исполненный кротости’; **ВЕЗЪЛОВИВЪ** ‘беззлобный, кроткий’; **ВЕЗЪЛОВИВЪНЪ** ‘беззлобный, кроткий’; **ОУМАЛКНЪ** ‘смиранный’; глаголы: **СЪМИРИТИ СЯ** ‘примириться’; **СЪМЪРИТИ** ‘смирить гордыню’; **ОУКРОТЪТИ СЯ** ‘успокоиться, смириться, стать кротким’; **ОУМИРИТИ** ‘умиротворить, успокоить’);

– бедность (ср. существительные: **ВЕЗМЪЗДНИКЪ** ‘бессребреник’; **ТРѢБОУЯН** ‘нуждающийся, бедный’); прилагательные: **БѢДЪНЪ** ‘бедный, убогий’; **ОУБОГЪ** ‘очень бедный, нищий’; **ОКАЯНЪНЪ** ‘бедный, обездоленный’; глаголы: **ОБНИЦАТИ** ‘обеднеть, обнищать’; **ОУБОЖАТИ** ‘обеднеть, обнищать’);

– гостеприимство (ср. существительные: **СТРАНЬНОПРИМИЦЪ** ‘гостеприимный человек’); прилагательные: **ЛЮВОСТРАНЪНЪ** ‘гостеприимный’; глаголы: **ГОСТИТИ** ‘угощать’).

Интересно, что каждая из частей речи “вносит свои краски” в портрет средневекового человека как существа духовного. Так, если прилагательное, описывая человека, делает акцент на его вере (ср. **ВѢРЪНЪ** ‘набожный’; **МАЛОВѢРЪ** ‘маловерный’; **НЕВѢРЪНЪ** ‘неверующий’; **ХОУДОВѢРЪНЪ** ‘недостаточно глубоко верующий’), то глагол – на восхвалении Бога, поэтому здесь одну из самых больших тематических групп образуют глаголы со значением ‘хвалить, превозносить’, ср. **СЛАВИТИ** ‘восхвалять, славить, прославлять (обычно бога)’; **СЛАВОСЛОВИТИ** ‘славить, прославлять’; **ХВАЛИТИ** ‘хвалить, восхвалять, славить, прославлять (бога)’; **БЛАГОСЛОВЕСИТИ** ‘вознести хвалу’; **БЛАГОСЛОВАТИ** ‘восхвалять’; **БЛАЖИТИ** ‘восхвалять’; **ВЕЛИЧИТИ** ‘превозносить, восхвалять’ и т. д.).

Кажется, что тематическое содержание памятников [а это история земной жизни Иисуса Христа, представленная в евангелиях, всевозможные поучения (ср., например, Хиландарские листки с поучениями Кирилла Иерусалимского); наставления (ср. Рыльские листки с наставлениями Ефрема Сирина), заповеди святых отцов (ср. Синайский евхологий), монашеские правила (ср. Зографские листки с монашескими правилами Василия Великого), жития святых (ср. Супрасльская рукопись)], должно было бы предопределять общий абрис портрета средневекового человека как человека сугубо религиозного и высоко нравственного. Однако лексико-семантический анализ дериватов со значением лица свидетельствует о том, что образ человека, предстающий в этих памятниках, как сказал бы М. М. Бахтин, амбивалентен. С одной стороны, это, действительно, святой человек (**МОЛИТВЫНИКЪ** ‘священник’; **ЧЪРНОРИЗЪЦЪ** ‘монах’; **ОШЪЛЬЦЪ** ‘отшельник’; **ТРОУДЪНИКЪ** ‘подвижник’ (< **ТРОУДИТИ** ‘вести аскетический образ жизни, претерпевать мученический подвиг’), праведник (**ПРАВЪДЪНИКЪ** ‘праведник’), умудренный знаниями и жизнью (**МЪДРЪ** ‘в знач. сущ. мудрец’; **СРЪДЦЕВЪДЪЦЪ** ‘знаток человеческого сердца, души’; **ХЪТЪРЪЦЪ** ‘1) знаток; 2) мудрец’ (< **ХЪТЪРЪ** ‘искусный, умелый’), который учит трудному искусству праведной жизни (**КАЗАТЕЛЬ** ‘наставник’ (< **КАЗАТИ** ‘поучать’); **ПѢСТОУНЪ** ‘воспитатель, наставник’; **НАСТАВЪНИКЪ** ‘руководитель, наставник’), а с другой – это мирянин (**БѢЛОРИЗЪЦЪ**

'мирянин'), со всеми его житейскими радостями (*пласъць* 'танцор, плясун'; *сви-рьць* 'тот, кто играет на свирели') и невзгодами (*сльзоточьникъ* 'тот, кто проливает слезы'), погрязший в своих грехах (*грѣшьникъ* 'грешник'; *блѣдникъ* 'развратник'; *зълодѣи* 'злодей, творящий зло'; *прѣльстѣникъ* 'обманщик, соблазнитель') и пороках (*бесрамъкъ* 'бесстыдник'; *завидан* 'в знач. сущ. завистник'; *сьребролю-вьць* 'сребролюбец, корыстолюбец'; *великядъ* 'обжора'; *вннопивьца* 'пьяница'), переживающий, однако, радость прощения, искупления. Причем один из них не исключает другого, оба они как бы взаимодополняют друг друга, едины и целостны. И это тем более интересно, что предметом исследования были произведения религиозного, так сказать учительного содержания, предопределяющие образ идеологизированный, официально-догматический, но никак не стихийный, живой.

Думается, что уже сам материал говорит о том, что предлагаемый подход к "реконструкции" переживающего я-сознания средневекового человека оказывается чрезвычайно перспективным, так как благодаря уникальности языка, а именно его способности сохранять и концентрировать все многообразие человеческого опыта-знания, он позволяет проникнуть в тайны повседневной жизни средневекового человека и услышать голоса людей далекой от нас эпохи. А поскольку каждая культура, по определению Ф. Ницше, это самореализация человека, то постигая человека, и в частности его язык как средство воплощения его творческой мысли, мы можем, погружаясь на разную глубину его истории, понять общие тенденции развития его культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Телия В. Н.* Деконструкция стереотипов окультуренного мировидения во фразеологических знаках // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. М., 1999. С. 92.
2. *Пелипенко А. А., Яковенко И. Г.* Культура как система. М., 1998. С. 19.
3. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). М., 1994.
4. *Успенский Б. А.* История и семиотика // Избранные труды. М., 1994. Т. I. Семиотика истории. Семиотика культуры. С. 10.
5. *Тарасов Е. Ф.* Язык и культура: методологические проблемы // Язык и культура. Сборник обзоров. М., 1987. С. 29.
6. *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М., 1984.
7. *Гуревич А. Я.* Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства М., 1990. С. 261.
8. *Виноградов В. В.* Личность // *Виноградов В. В.* Из истории слов. М., 1994. С. 10.
9. *Аверинцев С. С.* Истоки и развитие раннехристианской литературы // История всемирной литературы. М., 1983. Т. I. С. 507–508.
10. *Коган М. С.* Философская теория ценности. СПб., 1997. С. 94.
11. *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового запада. М., 1992. С. 150.
12. *Аверинцев С. С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997. С. 24.
13. *Свирида И. И.* Человек в контексте культуры // Человек в контексте культуры. Славянский мир. М., 1995. С. 8.

© 2000 г.

Л.С. КИШКИН

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ПРАГЕ: ПРАЗДНОВАНИЕ "ДНЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ"¹

Этот связанный с именем Пушкина праздник торжественно отмечался всюду, где жили русские беженцы, прежде всего в странах Европы, там их было особенно много (в 1920-е годы более миллиона). По существу "День русской культуры" (ДРК) был единственным праздником, в котором дружно и охотно участвовали все эмигранты, независимо от политических взглядов и места в социальной иерархии. Он помогал им, оказавшимся вдали от родины, сберечь историческую память и сохранить в своем сознании общность культурно-этнических корней. Его значение в жизни расплывчатого по странам и континентам русской диаспоры нельзя переоценить.

У праздника "День русской культуры" есть своя предыстория. П.Б. Струве вспоминал, что мысль "о национальном объединении во имя культуры" возникла в разгар революции. По его словам тогда «накануне большевистского переворота в Санкт-Петербурге должна была быть основана "Лига русской культуры"» [4. С. 17]. Однако ни в ту пору, ни позже этого не случилось, но произошло нечто другое, родственное близкое неосуществленному замыслу, преследовавшему цели русского культурного единения, и в то же время по смыслу как бы ставшее предтечей ДРК.

Идея ежегодного торжественного празднования дня рождения Пушкина возникла в 1920 г. среди членов петербургского "Дома литераторов". Первое такое чествование поэта как олицетворения всей русской культуры состоялось в 1921 г. Его организаторами были Ахматова, Блок, Гумилев, Кони (см. [5]). Через несколько лет, в 1924 г. (125 лет со дня рождения поэта), это начинание было подхвачено русскими эмигрантами в Эстонии (см. [6. Предисловие]).

Однако формальное провозглашение "Дня русской культуры" как всеэмигрантского праздника произошло через год в Чехословакии. В начале 1925 г. несколько русских эмигрантских организаций в Праге ("Педагогическое бюро по делам низшей и средней школы за границей", "Союз русских академических организаций", "Объединение русских учительских организаций за границей", "Объединение русских эмигрантских студенческих организаций") (см. [6. Ед. хр. 1]) внесли предложение: всем оказавшимся за рубежом русским ежегодно и повсеместно праздновать "День русской культуры", приурочив его ко дню рождения А.С. Пушкина. Уже на учредительном заседании ДРК было принято решение вступить в сношения с эмигрантскими организациями в Англии, Америке, Африке (Тунис, Алжир, Египет), Австралии, Бельгии, Болгарии, Венгрии, Румынии, Германии, Греции, Италии, Испании, Канаде, Латвии, Польше, Турции, Франции, Харбине, Чехии, Швейцарии, Югославии, Южной Аме-

Кишкин Лев Сергеевич – д-р филол. наук, консультант Института славяноведения РАН.

¹ Публикация продолжает серию опубликованных ранее статей на одну общую тему: "Русская эмиграция в Праге..." [1; 2; 3].

рике, Эстонии (см. [6. Ед. хр. 1]). В подавляющем большинстве эмигрантских организаций предложение о проведении ДРК получило полную поддержку (см. [4. С. 3–4; 6. Ед. хр. 4]).

Несколько забегаая вперед скажем, что празднику ДРК, который отмечался более чем в 20-ти странах, начиная с 1925 г. и до конца 1930-х годов, предстояло сыграть важную роль в жизни всего русского зарубежья. Вот что писали о нем виднейшие представители эмигрантской культурной элиты.

Е.Ф. Шмурло: «"День РК" есть напоминание самим себе нашего великого прошлого, напоминание о тех великих духовных ценностях, которые результат 1000-летней творческой работы предшествующих поколений, стали нашим неотъемлемым достоянием, навеки нашим, и не могут быть, ни при каких обстоятельствах ни изжиты, ни утрачены» [7. С. 7].

А.А. Кизеветтер: «"День русской культуры" нам дорог потому, что в этот день мы чувствуем себя духовно объединенными» [4. С. 15].

П.Б. Струве: «"День русской культуры" – не только полезное, но и необходимое установление некоего национального самоуглубления. Мы – русское зарубежье, мы – "в рассеянии сущие", сознавая это установление, следуем великой, неудержимо нас движущей тяге к культурно-национальному объединению... Национальная культура есть тот веками, бесчисленными соборными усилиями создаваемый Храм, в котором все живые силы нации, блюдя живую память о прошлом и храня наследие предков, своим любовным рвением и дружным трудом умножают это достояние и передают его поколениям, им на смену идущим» [4. С. 17].

Таким образом, в основе празднования ДРК лежала очень важная для эмигрантов идея культурно-патриотического единения и сбережения исторической памяти, насущная идея духовного и национального выживания на чужбине. Именно поэтому эта идея сразу нашла себе всеобщий сочувственный отклик и регулярное празднование "Дня русской культуры" заняло столь большое место в жизни эмиграции.

Русские пражане немедленно и с энтузиазмом откликнулись на предложение о всеобщем праздновании "Дня русской культуры". В марте 13-го числа был создан "Комитет Дня русской культуры в ЧСР", во главе с графиней С.В. Паниной. Членами этого Комитета в разные годы были: проф. Е.В. Сперанский, проф. В.В. Зеньковский, кн. П.Д. Долгоруков, проф. И.И. Лапшин, проф. М.М. Новиков, А.Л. Бем, В.Г. Чирикова, Н.И. Астров, С.И. Варшавский, Н.Д. Зарецкий, Н.Н. Дорффев, Н.А. Цуриков, Н.А. Еленев и др. В том же 1925 г. впервые праздновался ДРК. 6 июня в Праге состоялось торжественное заседание, на котором выступили с речами о Пушкине и русской культуре графиня С.В. Панина, профессора А.А. Кизеветтер и С.В. Завадский [1. С. 20, 21]. К первому празднованию в Праге была выпущена однодневная газета "День русской культуры".

Подготовка и ежегодное торжественное проведение ДРК составляли основное занятие Комитета. В этой работе, как и в самих праздниках вместе с Комитетом участвовали десятки эмигрантских организаций (так в 1929 г. их было 27). Программы проведения ДРК, как уже отмечалось, тематически не походили одна на другую, хотя постоянные элементы в их построении и были (молебны в храме св. Николая и торжественное заседание с последующим концертом). Обычно на организуемых Комитетом ДРК торжественных заседаниях присутствовали и выступали с приветствиями представители Городской администрации и государственной власти... Нередко в разных формах в русских праздниках участвовали также чешские артисты, певцы, профессура. Особенно показателен в этом отношении 1928 г., когда чехи не только вместе с эмигрантами праздновали ДРК, но и сами широко отмечали его. Это был год столетия со дня рождения Л.Н. Толстого. Группа чешских культурных организаций обратилась тогда к учителям, деятелям культуры, журналистам и книготорговцам с предложением самим праздновать ДРК. В здании Пражской городской ратуши в тот год на торжественном собрании выступили председатель Чешской Академии наук Й. Поливка, председатель Чехословацкого Сената А. Прокупек, писатель Ю. Медек, профес-

сор литературы Ю. Горак. А. Прокупец в своем выступлении сказал: "Мы воздаем сегодня свою благодарность Русской культуре, гордости русского народа, Славянства и всего мира" [4. С. 9]. Ответную благодарственную речь произнес проф. М.М. Новиков.

В 1929 г. Комитет решил провести празднование под лозунгом "смена поколений". На состоявшемся 3 июня в зале Мещанской беседы вечере проф. А.Н. Фатеев произнес обращенную к молодежи напутственную речь, за которой последовала литературно-музыкальная программа, составленная из выступлений представителей разных возрастов эмигрантской молодежи. А в целом празднование ДРК в 1929 г. выглядело так: 8 июня в храме св. Николая епископом Сергием был отслужен молебен, в тот же день в зале Сметаны Общественного дома состоялся концерт Чешской филармонии, посвященный русской музыке; 3 июня в Виноградском театре прошел спектакль "Преступление и наказание" по роману Достоевского; 6 июня Вас. И. Немирович-Данченко выступил по радио с речью о значении ДРК; 7-го числа в ратуше на Старом месте состоялось торжественное заседание чешской общественности, на котором с речью о русской культуре выступил проф. В.А. Францев. Преподаватели Народного университета прочли в Праге и провинции серию лекций. Были и другие мероприятия. Сообщения о праздновании ДРК в ЧСР появились в ряде газет – "Руль", "Неделя", "Россия и Славянство", "Народни политика", "Народни листы" и др. В связи с празднованием 1929 года Комитет ДРК послал из Праги 34 поздравления аналогичным организациям в другие страны. В нем говорилось: "Комитет Дня русской культуры в Чехословакии шлет Вам привет и выражает твердую уверенность, что Русская культура восторжествует в освобожденной России" [6. Ед. хр. 4. Л. 3 об.]. В ответ были получены приветы от ДРК из Ковно, Бельгии, Женевы, Харбина, Белграда, Лондона и других мест.

Ввиду того, что в марте 1934 г. исполнилось 125 лет со дня рождения Н.В. Гоголя, празднование ДРК в 1934 г. было увязано с этой датой. Поэтому 6 июня на торжественном заседании в Городской ратуше, организованном Комитетом ДРК и Чешско-русской Еднотой², после официальных приветствий прозвучали посвященные Гоголю речи профессора Карлова университета И. Горака и профессора Русского Народного университета в Праге С.В. Завадского. Вторым крупным событием праздника был состоявшийся 8 июня 1934 г. оперно-драматический вечер, подготовленный Комитетом ДРК в ЧСР.

Празднование ДРК в 1935 г. не было связано с какой-то литературной или исторической датой. Оно было посвящено русской культуре вообще. 6 июня в здании Городской ратуши состоялось организованное Чешско-русской Еднотой торжественное заседание, на котором от имени Едноты выступил ее председатель проф. Й. Навратил, от Комитета ДРК в ЧСР – С.В. Панина, доклад на тему "Из истории проникновения русской культуры на Балканы" произнес доцент Карлова университета доктор Ю. Гейденрейх. Основным мероприятием в 1935 г. был состоявшийся 7 июня в зале Унита академический вечер, на котором после вступительного слова г-р. С.В. Паниной прозвучал доклад П.Н. Савицкого "История русских географических открытий". Затем последовал концерт, на котором исполнялись произведения А.К. Лядова, М.П. Мусоргского, П.И. Чайковского, А.С. Аренского. Кроме этих главных событий праздника ДРК в 1935 г. были и другие. С рядом популярных лекций выступили тогда, как обычно и в другие годы, профессора Русского свободного университета. Лекция А.Л. Бема, прочитанная в Ужгороде 22 июня, называлась "Мировое значение Пушкина", а лекция А.Н. Церикова, прочитанная 13 июня в Градце Кралеве, – "Пушкин как национальный учитель". А вот темы некоторых других лекций, подготовленных в 1935 г. к ДРК: М.М. Новиков "Жива ли Культура в современной России" (Моравская Острава, 1 июня), В.Ф. Булгаков "Жизнь и твор-

² Чешско-русская Еднота (Единство) – так называлось, основанное в Праге в апреле 1919 г. чехами и русскими культурное общество, имевшее целью изучение чешской и русской жизни.

чество Льва Толстого" (Кладно, 3 июня), А.Н. Фотиев "Культурное самопознание русского народа" (Плзень, 3 июня).

Не имея возможности говорить в коротком сообщении более подробно обо всех видах празднования ДРК в Праге и тем более во всей Чехословакии (это могло бы быть темой отдельной специальной работы), отметим только еще особенности проведения празднеств в 1937, Пушкинском, году, когда 13 мая в зале Городской библиотеки Праги на торжественном заседании после С.В. Паниной с речью "Заветная встреча" выступил специально приехавший из Парижа И.С. Шмелев, после чего состоялся большой концерт, на котором читались стихи Пушкина, звучала музыка Рахманинова, Римского-Корсакова, Гречанинова, исполнялись романсы на слова поэта. 8 июня в Общественном доме прошло посвященное Пушкину торжественное собрание Чешско-русской едноты. Кроме того, в том году были организованы публичные лекции проф. В.А. Ледницкого на тему "Пушкин и Мицкевич" и проф. Е.А. Ляцкого "О Пушкине". По уже установившейся традиции 15 июня в храме св. Николая епископ Сергей отслужил молебен, после которого о. Исаакий произнес слово о Пушкине. Как и в прежние годы, с рядом лекций и докладов в дни пушкинской годовщины выступили профессора Русского народного университета. На протяжении всего 1937 г. Комитет ДРК в Чехословакии работал в тесном сотрудничестве с общегосударственным Пушкинским комитетом в Праге.

После пушкинской годовщины интенсивность деятельности "Комитета ДРК в ЧСР", который с 1938 г. возглавил сменивший С.В. Панину кн. П.Д. Долгоруков, резко снизилась, хотя сам Комитет формально еще несколько лет (до мая 1942 г.) просуществовал.

Но вернемся к работе Комитета в годы, предшествующие Протекторату и войне. Помимо регулярного проведения ежегодных июньских празднеств, организация которых была в центре его деятельности, он готовил издания по истории русской культуры. О них следует сказать особо.

С самого начала существования "Комитета ДРК в ЧСР" при нем была создана Редакционно-издательская комиссия. В ее состав вошли Н.И. Астров (председатель), С.И. Варшавский, А.А. Кизеветтер, В.А. Мякотин, М.М. Новиков, В.А. Розенберг и Е.Ф. Шмурло. Первыми плодами деятельности этой Комиссии стали сборник "Зодчие русской культуры" (1926) и брошюра А.А. Кизеветтера "Московский университет и его традиции" (1927) (см. [8. С. 127]). Первое из этих изданий представляет немалый интерес и поныне. Тематика сборника подчинена одной цели – сбережению в сознании оказавшихся за пределами России людей памяти о ее огромных духовных, культурных и научных богатствах. В сборнике "Зодчие русской культуры", как сказано в предисловии к нему, "сознательно обойдены" те, о ком существует огромная литература (Петр I, Лев Толстой, Достоевский). Исключение сделано только Пушкину, как "патрону" Дня русской культуры. Поэтому, отдавая должное ценности каждой из статей сборника, не можем не остановиться на замечательной в своем роде статье С.В. Завадского о Пушкине. Своей статьей С.В. Завадский как бы аргументирует правильность увязки празднования "Дня русской культуры" с днем рождения Пушкина. Трудно удержаться, чтобы не привести ряда цитат из статьи "Заветы Пушкина". Они не утратили своего значения.

Непосредственно о заветах в статье сказано: "Собственно литературные заветы Пушкина таковы: будь прост и понятен; будь содержателен, но не гонись непременно за значительным содержанием; находи для содержания соответствующую форму, зодчески завершенную и сжатую, прилежно учись владеть безупречно языком и стихом, но умей скрывать черновую работу" [7. С. 24].

"Кроме литературных, Пушкин оставил нам и общечеловеческие заветы: общественно-воспитательное значение его не подлежит сомнению. Он исключительный по силе учитель и воспитатель" [7. С. 25].

"Второй завет Пушкина: будь русским, но не отделяй себя от других народов и не бойся, что, перенимая у других хорошее, ты перестанешь быть самим собой" [7. С. 27].

"Дальнейший пушкинский завет – завет приятия жизни... Он решительно предпочитал мажор минору и грусть в его душе была просветленной и примиренной" [7. С. 28–29].

Пушкину как средоточию всей русской культуры находившиеся в Праге эмигранты уделяли исключительное внимание. Его имя, как и связанный с ним праздник, были той опорой, которая позволяла им выжить вдали от Родины и не терять духовной связи с ней. И совсем не случайно А.А. Кизеветтер называл Пушкина "неугасимым светильником нашего национального сознания" [9], а С.В. Завадский – "источником живой воды" [10]. В 1929 г. силами эмигрантов был выпущен "Пушкинский сборник". Он тоже, если не формально, то по существу по своей направленности связан с деятельностью "Комитета ДРК в ЧСР", поскольку многие его авторы были членами Комитета или же тесно сотрудничали с ним.

Выше уже отмечалось, что в празднованиях ДРК не раз принимали участие и чешские официальные лица, и ученые, и певцы, и музыканты, что способствовало сближению русской и чешской культур. Ознакомление чехов с русской культурой входило в планы работы Комитета ДРК. Это нашло свое отражение и в его издательской деятельности. По инициативе Редакционно-издательской комиссии при Комитете учеными-эмигрантами была подготовлена целая серия книг, которые в чешских переводах вышли в пражском издательстве Н. Отто. Вот названия только некоторых книг из этой серии: Е.Ф. Шмурло "Россия в Европе и Азии" (1926); А.А. Кизеветтер "Корифей русской сцены" (1926); И.И. Лаппо "Россия и освобождение балканских славян" (1928); В.А. Розенберг "Русские журналисты и публицисты" (1929). К ряду этих книг примыкают еще два сборника: "Русская музыка и ее творцы" (1927), авторы которого И.И. Лапшин и С.П. Орлов, и "Россия в борьбе за освобождение балканских славян" (1927), авторы – Е.Ф. Шмурло, М.А. Иностранцев, А.В. Флоровский, Б.А. Евреинов и Е.Ф. Максимович (см. [8. С. 1227]). Даже беглое знакомство с результатами деятельности Редакционно-издательской комиссии при "Комитете ДРК в ЧСР" позволяет составить себе представление о ее значительном объеме. Перечисленные книги обычно выходили накануне празднования ДРК.

Мы попытались коротко рассказать о праздновании Дня русской культуры в Чехословакии, опираясь на те отрывочные сведения о них (литературные и архивные), которые уцелели и дошли до нас. Несмотря на их фрагментарность и по большей части номинально-информативный характер, они, как думается, все же дают некоторое представление о том, какой мощной единящей силой была русская культура для разноликой массы эмигрантов и не только живших в ЧСР. Ведь праздник ДРК регулярно отмечался в Алжире, Англии, Бельгии, Болгарии, Германии, Данциге, Египте, Китае, Латвии, Литве, Польше, Финляндии, Франции, Швейцарии, Югославии и Эстонии, где были свои Комитеты ДРК, а также в Австрии, Греции, Дании, Италии, Норвегии, США, Турции и на Филиппинских островах (см. [4. С. 3–4]).

В своей, уже цитированной нами, статье "Смысл Дня русской культуры", размышляя о культурном единении эмигрантов, А.А. Кизеветтер писал: «Как часто говорится, что русские люди вообще, а русские эмигранты в особенности, не могут сообща выполнить никакого общественного дела. Посадите за один стол четырех россиян для обсуждения какого-либо дела, и в их среде тотчас же обнаружится пять различных течений, ибо все четверо потянут в разные стороны, а у одного из четверых явится сразу два исключających друг друга плана...»

Да, это правда, посадить за один стол нескольких русских – задача не такая легкая. Но я никогда не соглашусь с тем, что эта несговорчивость указывает на неспособность русских людей к единению на почве общего дела...

Русские люди очень часто ссорятся в общественной работе только потому, что они очень часто занимаются вопросами и делами, не имеющими практического значения. Тут-то каждый стоит неуступчиво, за маленький оттенок своей мысли, готовый чуть-ли не умереть "за единый аз". Но лишь только русские люди сойдутся около живого практического дела – и вы тотчас увидите, как дело закипит и пойдет своим чередом

несмотря ни на какие препятствия и ссоры» [4. С. 15–16]. Вот таким "живым практическим делом", по мысли А.А. Кизеветтера, и был "День русской культуры" не только для "пражских" эмигрантов, но и для всего русского "рассеяния". Приведенная цитата из статьи А.А. Кизеветтера, да простится мне ее объем, связана с его раздумьями о смысле ДРК, но она имеет и более широкое, универсальное значение, существенное для наших дней.

Не утратили своей актуальности и слова Е.Ф. Шмурло, что День русской культуры ставит себе целью "указать на те вечные ценности, которыми владеем мы". На вопрос, "в чем же заключаются эти сокровища?", ученый ответил так: "1. Русский народ создал большое, сильное государство... 2. Россия – стала мировой державою... 3. Россия на протяжении веков служила прочным оплотом Западной Европе со стороны Востока... 4. Русский народ выполнил на Востоке цивилизаторскую миссию мирового значения... 5. Россия последних двух веков служила опорой южному славянству... 6. Особо важное значение реформ императора Александра II. Разнообразие и многосторонность народных достижений за последние 50–60 лет. 8. Печать национальности на наших достижениях (религиозная мысль, философская мысль, поэзия и художественная проза, зодчество, изобразительное искусство, музыка, сцена, наука)" [7. С. 9–10].

И последнее, о чем следует еще сказать. Конечно, ДРК, помимо всего сказанного о нем, был еще и своеобразным щитом от ностальгии, которая в той или иной степени была присуща большинству русских эмигрантов. Ежегодное торжественное празднование ДРК как-бы приближало к изгнанникам их Родину, вселяло надежду на встречу с нею. Оказавшиеся из-за великого раскола в изгнании наши соотечественники в 20–30-х годах жили с мечтами о новой успокоившейся и благоустроенной России, в которую они когда-нибудь вернуться, связывая это с ДРК. Кто знает, может быть и нам, пока мало успешно ищущим в конце XX в. новые ориентиры, тоже нужен свой "День русской культуры" и свое живое практическое дело, общее для всех, сближающее всех нас и единящее, зовущее к лучшему будущему.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кишкин Л.С. Русская эмиграция в Праге: культурная жизнь, 1920–1930-е годы // Славяноведение. 1995. № 4.
2. Кишкин Л.С. Русская эмиграция в Праге: печать, образование, гуманитарные науки, 1920–1930-е годы // Славяноведение. 1996. № 4.
3. Кишкин Л.С. Русская эмиграция в Праге: поэты, прозаики, мемуаристы // Славяноведение. 1998. № 4.
4. День русской культуры. Прага, 1928.
5. День русской культуры. Харбин. б/г.
6. ГАРФ. Ф. 5850. Оп. 1.
7. Зодчие русской культуры. Прага, 1926.
8. Русские в Праге. Прага, 1928.
9. День русской культуры. Белград, 1928.
10. День русской культуры. Прага, 1925.

© 2000 г. О.А. КАЗНИНА

Дж.С. СМИТ О ЛИТЕРАТУРЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ: Д.П. СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ

Для профессора Оксфордского университета Дж.С. Смита русская литература XX в. – предмет не только научного интереса, но и литературного, художественного и чисто человеческого пристрастия¹. Дж.Смит был первопроходцем в изучении литературы русской эмиграции XX ст. Он увидел в ней не только историческое явление, обусловленное государственной политикой новой России, но и ощутил особое состояние русского духа, независимое от того, где человек находится географически: на том или на этом берегу. И в своей и в чужой стране он может оказаться посторонним, принужденным либо приспособляться к окружению, подчиняя свое "я" тому или иному "мы", либо искать путей освобождения. Судьба литературного критика и идеолога евразийства Д.П. Святополк-Мирского в этом отношении – уникальный пример изгнанничества, представляющий особый интерес в ряду творческих и научных увлечений Дж.Смита.

К изучению жизни и творчества Святополк-Мирского ученый приступил осенью 1973 г. С годами судьба русского эмигранта стала частью его собственной жизни. Кажется даже, что Д.П. Святополк-Мирский "повлиял" на ученого, как влияют давние друзья и знакомые. К этой личности Дж. Смита привлекли прежде всего блестящие работы о литературе, его восхитила точность и острота суждений, невероятная продуктивность русского критика. В то же время его привел в недоумение загадочный русский характер, с его переменчивостью и капризностью, и странная, трагическая судьба. Проследившая все этапы творчества, собирая крупинцы биографических фактов, Дж.Смит хотел дойти до сути явления "смены вех" Д.П. Святополк-Мирского, в котором с такой резкостью отпечатались противоречия его времени.

Этой задаче в значительной степени послужил сборник "Несобранные статьи о русской литературе" Д.П. Святополк-Мирского, выпущенный Дж. Смитом в 1989 г. [2]. Книга не претендовала на полноту освещения наследия критика. В ней дается лишь немного из того, что создал Д.П. Святополк-Мирский, автор десятка книг и трехсот статей на русском, английском, французском и других языках. Однако то, что вошло в сборник, подобрано с целью наиболее полно представить "эволюцию" критика, его неуклонное погружение в новую для него коммунистическую идеологию, подорвавшую всю систему его ценностей.

Для "Русских писем", открывающих сборник, характерна объективность, выверенность и дисциплинированность суждения. Серию очерков под таким названием, по-

Казнина Ольга Анатольевна – д-р филол. наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы РАН.

¹ Дж.Смит известный переводчик русской поэзии, издавший не одну антологию. Недавно он выпустил в России том переводов Б. Слуцкого с параллельными текстами [1].

священных современной русской литературе, Д.П. Святополк-Мирский направил из Афин в Лондон в 1921 г. для публикации в журнале "The London Mercury", а затем продолжал писать "Русские письма" уже в Англии. В этих очерках он рассказывал английским читателям о символистах и о предшественниках евразийцев, группе "Скифы", о поэзии и политике, о литературе большевистской России и литературе эмиграции, о русской философской эссеистике в дореволюционной России и продолжении ее традиций в русском зарубежье. Впервые в английской печати он назвал имена многих молодых русских писателей и поэтов, раскрыл значение творчества маститых писателей-философов – В.В. Розанова, П.А. Флоренского, Л. Шестова и Н.А. Бердяева. В одном из очерков он обратил внимание английских читателей на книгу Н.С. Трубецкого "Европа и человечество", с появления которой началась история евразийства.

Другие работы Д.П. Святополк-Мирского, вошедшие в сборник, показывают весь спектр интересов критика: в него вошла статья о Пушкине, написанная в 1923 г. для университетского журнала "The Slavonic Review" (позднее эта статья выросла в диссертацию и монографию о Пушкине), статья о Марине Цветаевой для "The New Statesman" (1926), статьи о В.Я. Брюсове, И.Э. Бабеле, Б.Л. Пастернаке, О.Э. Мандельштаме, С.А. Есенине для журналов "Современные записки" и "Воля России", подборка статей о литературе для евразийских периодических изданий "Версты" и "Евразия" (о Л.Н. Толстом, В. Хлебникове, А.П. Чехове). Все статьи даются на том языке, на котором они были опубликованы, без перевода.

1925–1927 гг., по мнению Дж. Смита, были периодом наиболее продуктивного и уравновешенного творчества Д.П. Святополк-Мирского. Об этом свидетельствуют вышедшие в эти годы монографии по истории русской литературы. В сборнике приводится глава о русской прозе 1910–1925 гг. из книги "Contemporary Russian Literature: 1881–1925" (1926), которая недавно наконец появилась в русском переводе [3]. В сборник включена самая значительная, идеологически продуманная статья Д.П. Святополк-Мирского о евразийстве, которая была опубликована в английском "Славянском обозрении" в 1927 г. В этой статье уже проявилась направленность идейных исканий критика. При анализе политических перспектив движения Д.П. Святополк-Мирский сближает и даже отождествляет евразийство с большевизмом. Он сопоставляет выдвинутый евразийцами принцип "идеократии" – власти, основанной на идее, – с организацией коммунистического общества, в котором правит одна партия со своей идеологией. Основным тезисом статьи является "необходимость пересмотра и переоценки всех дореволюционных идей и ценностей". Д.П. Святополк-Мирский пишет о русской революции: "Событие такого масштаба не может не изменить наших представлений о сути вещей и заставляет нас по-новому посмотреть на историю". Русская интеллигенция должна учиться у истории, она обязана творчески переоценивать свои взгляды и меняться под воздействием исторических событий. Такой способностью, отмечает он, в наибольшей мере обладают коммунисты, а в эмигрантской среде самые большие надежды подают евразийцы. В заключение Д.П. Святополк-Мирский пишет, что хотя евразийство выросло из консервативной традиции русской мысли, оно, тем не менее, неуклонно эволюционирует влево и находит сторонников в Советской России.

Программная статья "Веяние смерти в пореволюционной литературе", опубликованная во втором номере "Верст" за 1927 г., выдержана в том же ключе, однако в отличие от первой, написанной по-английски, она произвела эффект разорвавшейся бомбы в среде русской эмиграции. Основная мысль статьи заключалась в том, что вся дореволюционная поэзия говорит о смерти, а новейшая, в лице Гумилева, Цветаевой, Пастернака и Маяковского, призывает к жизни. Статья несла в себе отрицание тех духовных ценностей, которые хранила в изгнании эмиграция и в которые верил когда-то и сам Д.П. Святополк-Мирский. Публикация привела к давно назревавшему разрыву напряженных отношений критика с эмигрантской литературной средой. Но на этом критик не остановился. 30 июня 1931 г. он опубликовал статью под назва-

нием "Почему я стал марксистом" в английской рабочей газете "Daily Worker", а 1 сентября статья на ту же тему появилась в "Nouvelle revue française" в Париже под названием "история одного освобождения" [4]². В этом очерке, который завершает подборку статей в сборнике, Д.П. Святополк-Мирский пошел до конца в переоценке всех ценностей. "Освобождение", как явствует из этого очерка, состояло в "сбрасывании оков" идеалистического мировоззрения и в переходе на материалистические позиции. Автор признавался, что всегда питал внутреннюю склонность к материализму, однако крепкие пути традиционного философского образования связывали его с идеализмом. От пут идеализма его освободило знакомство с работами Ленина и Сталина.

С переоценкой русской идеалистической философии и русского религиозного ренессанса логически связан в очерке Д.П. Святополк-Мирского пересмотр взглядов на евразийство. Теперь он полностью отрицает значимость движения: «Евразийство – это не более чем типичный продукт того мистического и метафизического "ренессанса", который охватил Россию после поражения революции 1905 г. Идеалистические, мистические или виталистические фантазии – это естественное убежище для разлагающейся буржуазии, у которой нет смелости для материалистического мировосприятия, то есть для того, чтобы видеть вещи такими, каковы они есть» – пишет он [2. Р. 360].

Д.П. Святополк-Мирский дает в этом очерке самокритичное объяснение своей увлеченности евразийством, которое, наверно, можно распространить и на некоторых других участников движения: "В те годы, когда я сблизился с евразийцами, мы, эмигранты, привыкшие считать себя элитой нации, ощутили себя настоящими париями, людьми низшими – и по отношению к удачливой буржуазии Запада, и по отношению к победившим рабочим и крестьянам собственной страны. Поэтому было таким утешением узнать, что все происходящее – только видимость, что русская культура ближе к Богу, чем западная, что на самом деле революция свершилась во имя *нашей* России, что ее марксистская скорлупа будет со временем сброшена и мы вернемся в наше отечество с честью и вновь станем вождями и сливками нации" [2. Р. 362]. Развивая далее эту мысль, Д.П. Святополк-Мирский пишет: «Революция разбила наш класс, эмиграция поставила нас в совершенно новые условия, лишив нас того, что принадлежало нам "по праву"».

Свой интерес к евразийству, в частности к проблеме национальной культуры, Д.П. Святополк-Мирский объясняет тем впечатлением, которое произвела на него литература Советской России: "Главным аспектом, в котором раскрывалась для меня национальная проблема в 1924–26 годах, была советская литература. (...) Бабель, Пастернак, Маяковский явились подлинным голосом того подвижного единства, которое представлялось нам Россией..." [2. Р. 362]. Знакомство с советской литературой позволило, продолжает он, более глубоко всмотреться в те перемены, которые происходили в СССР, литература пробудила интерес к другим источникам познания новой России. К 1928 г. он почувствовал, что "незаметно для самого себя, но твердо и решительно" перешел на коммунистические позиции.

Впоследствии, анализируя эволюцию Д.П. Святополк-Мирского, критики не раз отмечали, что в своих суждениях он и ранее бывал чрезвычайно переменчив. По слову А. Бахраха, он "сжигал то, чему поклонялся, не скрывая, что знает сжигаемому цену" [6]. Эту переменчивость во взглядах и резкую смену вех Д.П. Святополк-Мирского его преемник на русской кафедре Лондонского университета Г.П. Струве определил как "духовное озорство". Однако это "озорство" закончилось трагически, игра с идеями и убеждениями повлекла за собой крушение судьбы.

Новые детали к истории эволюции взглядов Д.П. Святополк-Мирского прибавляет еще одна этапная публикация Дж. Смита – издание отдельной книгой 163 писем Д.П. Святополк-Мирского к П.П. Сувчинскому за 1922–1931 гг. [7]. П.П. Сувчинский (1890–1985), музыковед, историк искусства и публицист, был одним из основателей

² В сокращенном виде очерк перепечатывался в [5].

евразийства. Они познакомились в Берлине в 1922 г. и с этого момента постоянно переписывались. Письма Д.П. Святополк-Мирского раскрывают изнаночную сторону его драматической истории отношений с евразийством и евразийцами: от первых шагов к сближению с ними до кризиса и раскола движения, в котором Святополк-Мирский и Сувчинский сыграли не последнюю роль.

В письмах Святополк-Мирский всегда стремится быть ярким и остроумным, и в них особенно очевидным становится его высокомерное отношение к таким "старомодным" ценностям как верность своим убеждениям. Он декларирует свою принципиальную беспринципность: "Я вообще человек без убеждений, и прирожденный, хотя и не всегда открытый, враг идей вообще". А о своем отношении к евразийству он пишет, что "бывает евразийцем в четные, и европейцем в нечетные годы" [8, Р. 23]. Более откровенно и более остро, чем в печати, Д.П. Святополк-Мирский высказывается в своих письмах о писателях, поэтах, философях. Его суждение о Розанове лаконично и диалектично: «Гениальное, привлекательное и глубоко уродливое явление. Все "дурное русское" сосредоточилось в нем...», "сочетание огромного гения с определенной какой-то мразью, безличностью, пошлостью..." [8. Р. 34–35].

В письмах в подробностях раскрывается история создания и издания журнала "Версты" и газеты "Евразия", упоминаются, по-видимому, все заметные участники движения, а также близкие к евразийскому кругу люди: Цветаева, Ремизов, Шестов. В письмах с особой ясностью просматривается отчетливая линия безусловного признания поэзии Цветаевой, как бы ни складывались их личные отношения. Д.П. Святополк-Мирский не мог лукавить, когда по поводу сборника "После России" (1928) в письме к другу воскликнул: "Какой все-таки ... поэт!" [8. Р. 107].

Отношения критика и поэта – особая линия в исследованиях Дж. Смита. Доклад, прочитанный на Лозаннской конференции в 1982 г., был, по-видимому его первым выступлением о Святополк-Мирском в печати. Позднее в дополненном и переработанном виде статья была опубликована в сборнике, посвященном М. Цветаевой [9]. В этих работах ученый раскрыл все перипетии отношений Цветаевой и Святополк-Мирского. Критик познакомился с творчеством Цветаевой в начале 1920-х годов, был заинтригован, но не сразу оценил ее. В 1924 г. в предисловии к составленной им антологии русской лирики Святополк-Мирский бросил несколько слов о Цветаевой, надолго оставшихся в памяти современников: "Талантливая, но безнадежно распушенная москвичка" [10]. Но прочитав сборник "Ремесло", затем написанные в Праге поэмы "Крысолов" и "Поэму Конца", Святополк-Мирский изменил свое мнение: он понял, что перед ним поэт "из когорты великих мастеров". Особенно сильное впечатление произвела на него поэма "Молодец".

Они познакомились в кругу евразийцев, с которым был тесно связан С. Эфрон. Знакомство переросло в увлечение. В 1926 г. Святополк-Мирский решил организовать визит Цветаевой в Лондон для чтения стихов перед русской аудиторией. 23 января 1926 г. он писал жившей в Лондоне А.В. Тырковой: "Я осмеливаюсь рассчитывать на Вашу помощь в одном деле, которое (может быть опрометчиво) затеваю: устройство вечера Марины Цветаевой в Лондоне. Она находится в очень бедственном положении (двое детей) и при нынешнем состоянии книжного рынка трудно рассчитывать на его поправление. (...) Мне очень хочется, чтобы это удалось, так как все-таки она сейчас первый (несомненно) русский поэт, во всяком случае младшего поколения, и положение ее ужасное и безысходное" [11].

Отношения с Цветаевой освещаются и в переписке Д.П. Святополк-Мирского с С. Андрониковой, опубликованной Дж. Смитом в соавторстве с Р. Дэвисом [12]. Саломея Андроникова-Гальперн (1888–1982) – легендарная "красавица тринадцатого года", которую обессмертили А. Ахматова (стихотворение "Тень") и О. Мандельштам (стихотворение "Когда, Соломинка, не спишь в огромной спальне..." в книге "Tristia"), а также известные художники К. Петров-Водкин, З. Серебрякова, К. Сомов, Б. Григорьев, С. Сорин, В. Шухаев, А. Яковлев. К моменту встречи с Дж. Смитом ей было под 90, но она обладала отличной памятью и являлась бесценным источником

сведений о русской литературной жизни ее времени. Со Святополк-Мирским она была знакома по Петербургу, поддерживала с ним отношения в парижской эмиграции. Андроникова была адресатом дружеских писем поэта. Так же как и Святополк-Мирский, она материально помогала Цветаевой в годы ее парижской эмиграции.

Публикация 22 писем к Андрониковой дополнена уникальными приложениями – подборкой любовных писем Святополк-Мирского к Вере Трейл (1906–1987) за март-июль 1930 г. Вера Александровна была, и до сих пор остается, судя по недавним публикациям [13], легендой своего века. Дочь А.И. Гучкова, жена П. Сувчинского, позднее шотландского коммуниста Р. Трейла, она поддерживала тесные связи с коммунистами и спецслужбами нескольких стран: России, Великобритании, Франции, Испании. Несмотря на многочисленные увлечения, Веру Трейл и Святополк-Мирского связывали длительные отношения, они продолжались во Франции, в Англии и даже в России. Письма раскрывают непознанную сторону характера Святополк-Мирского, его удивительную наивность и незащищенность. Он был способен выдерживать идейную борьбу с евразийцами, остракизм эмиграции, жесткое давление английской университетской среды, в последние годы выталкивавшей его из своих рядов, но перед Верой Трейл устоять не мог: его дрейф от идеализма к коммунизму, а потом и возвращение в Россию во многом являются ее заслугой.

Переписка с М.Т. Флоринским за 1925–1932 гг. [4] проливает свет на некоторые малоосвещенные события этого периода в жизни Святополк-Мирского. М.Т. Флоринский (1894–1981) стал одним из близких друзей Святополк-Мирского в первые годы его жизни в Лондоне. Флоринский работал ученым секретарем П.Г. Виноградова, а после смерти ученого, в 1926 г., не найдя себе места в Англии, переехал в Нью-Йорк. Как и многих его соотечественников, Америка привлекала Флоринского более широкими возможностями в карьере и более высокой зарплатой, при той же стоимости жизни, что в Европе. Благоприятные обстоятельства, сложившиеся в Америке, позволили Флоринскому, юристу по образованию, сделать удачную научную карьеру в области историографии. По материалам работы с П.Г. Виноградовым он написал книгу "The End of the Russian Empire" (1931), а позднее подготовил двухтомный труд по истории России ("Russia: A History and an Interpretation", 1953). 13 марта 1926 г. Флоринский писал Святополк-Мирскому из Нью-Йорка: "Встретили меня здесь очень мило, у меня великолепная отдельная комната на службе, денег дают значительно больше, чем в Лондоне, а жизнь стоит не многим дороже, по крайней мере я устроился гораздо комфортабельнее, чем в Лондоне, и не дороже. (...) Здесь чувствуется масса возможностей, которых нет в Европе, но страшно думать, что три тысячи миль отделяют меня от Лондона, Капри и Саида..." [14, Р. 124]. В письме от 8 мая 1926 г. Флоринский предлагал и Святополк-Мирскому переехать в Америку: "Не согласились бы Вы переехать в Нью-Йорк? Колумбийский университет, вероятно, Вас взял бы с удовольствием" [14, Р. 127]. В 1928 г. Святополк-Мирский побывал в Америке во время летней сессии и выступил с лекциями в Колумбийском, Корнеллском и Чикагском университетах. 24 января 1930 г. он писал Флоринскому: "Я вдруг (не совсем вдруг) пришел к заключению, что мне надо переселиться в Америку. (...) Сожительство с Пэрсом (работа под руководством Б. Пэрса в Лондонском университете. – О.К.) становится нестерпимо. Кроме этого никаких перспектив лучшего. В СССР я все-таки, несмотря на мой коммунизм, поехать не могу – что ни говори, а социально чужд. Остается Америка" [14, Р. 133].

Год спустя, 30 декабря 1930 г., он обратился к М. Горькому со страстной просьбой помочь ему вернуться в Россию и с пылом убеждал его в своей преданности идеалам коммунизма: "Мое сокровенное желание посвятить какие у меня есть силы делу Ленина и Советских Республик" [15, Р. 93]. Он напоминал о своих связях с европейским коммунистическим движением, о том, что он написал книгу о Ленине, которая, как он надеялся, должна послужить ему пропуском в СССР.

1928 год, как отмечал Святополк-Мирский в одном из писем к М. Горькому, был для него переломным: он находился, по его словам, в самом начале той дороги, кото-

рая привела его "к полному и безоговорочному принятию коммунизма" [15. Р. 93]. В начале января этого года Святополк-Мирский и Сувчинский побывали у Горького в Сорренто. Непосредственное общение с писателем произвело на Святополк-Мирского неизгладимое впечатление. Он не раз подчеркивал, что эта встреча стала одним из поворотных событий в его жизни. В своем первом письме к Горькому, написанному сразу после встречи, Святополк-Мирский признается: "У меня чувство, как будто я был не в Сорренто, а в России, и эта побывка в России меня страшно выпрямила" [15. Р. 93]. В "истории одного освобождения" он писал: "Моему перевоспитанию немало способствовала личность Максима Горького (...) Эта встреча была для нас первым вдохом чистого материалистического воздуха, повеявшего из краев, не зараженных метафизическими миазмами, которыми мы до сих пор, дышали" [2. Р. 364].

История переезда Святополк-Мирского в Россию подробно освещается в переписке Святополк-Мирского с директором Института славянских исследований Б. Пэрсом и его секретаршей Д. Голтон, хранящейся в Британском музее. Часть писем к Голтон была написана в России, и в них отчетливо видно, в каких сетях слезки и доносов он оказался. Возможно, в дальнейших планах Дж. Смита стоит издание этой переписки.

Ученый крайне дотошный в разыскании фактов и в стремлении к полной исчерпанности научного и документального материала, Дж. Смит обладает поистине писательской способностью создавать портреты своих героев, рисовать их окружение, проникать в тайные извивы души, исследовать внутренние противоречия. При этом его материалом являются не "художественные образы", а реальные люди; "эпистолярные романы" этих людей – это реальные архивные документы. Подход Дж. Смита к научной биографии раздвигает рамки литературоведческого исследования и указывает выходы в какую-то особую науку – психологию творческой личности. Его публикации о Святополк-Мирском ставят поистине "проклятые" вопросы, связанные с личностью "товарища князя". Дж. Смит убежден, что меняя вехи, Святополк-Мирский не был ни оппортунистом, ни приспособленцем и что изменение его убеждений, не будучи творчески плодотворным, все же было искренним. Однако это сложный вопрос.

История жизни Д.П. Святополк-Мирского заставляет задуматься о том, что блестящий ум, феноменальная эрудиция, великолепное образование сами по себе не дают человеку духовной устойчивости, не помогают в решающий – судьбоносный – момент сделать правильный выбор. Ему как будто не хватало нравственного центра тяжести, веры в авторитет более высокий, чем личный разум и личная воля. Всякая истина казалась ему относительной, поэтому он всегда готов был эффектно вывернуть ее наизнанку. Его изменчивые убеждения были удобными или эффектными масками для появления на общественной и литературной сцене. Возможно поэтому ему трудно было (как он пишет Сувчинскому) переносить общество И.А. Ильина, сурового и бескомпромиссного мыслителя, требовавшего волевого служения "объективной предметности", преданного своим идеям и убеждениям. И тем не менее со всеми своими слабостями Д.П. Святополк-Мирский остается для нас одним из самых блестящих литературных критиков русского зарубежья, судьба которого стала символом своего времени, сфокусировавшим в себе проблемы русской духовной истории той эпохи.

Рассмотренные публикации, связанные с именем Д.П. Святополк-Мирского [2, 7–9, 11–12, 14–17] (приношу извинения Дж. Смицу, если не все они мною упомянуты) были этапами подготовки итоговой биографической монографии. Долгое время Дж. Смит держал в столе ее текст, знакомя с ним в рукописи своих учеников и последователей и считая, что для публикации ему не хватает исчерпывающей полноты фактов. Его мучило сознание, что еще где-то и у кого-то лежат неизвестные, неразобранные архивы, способные раскрыть неизведанные тайны. Теперь, наконец, сомнения отброшены и в ближайшее время планируется появление полной научной биографии Д.П. Святополк-Мирского. Летом 2000 г. эта книга, на подготовку которой по существу ушло около трех десятков лет, выходит в свет на английском языке [17]. Ее выход

раскроет много загадок и развеет множество легенд, а также послужит образцом преданности ученого своему предмету.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Б. Слуцкий*. Things that Happened. М., 1999.
2. *Mirsky D.S.* Uncollected Writings on Russian Literature / Ed. with an Introd. and Bibliogr. by G.S. Smith. Berkeley, 1989.
3. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. London, 1992.
4. *Mirsky D.* L'Histoire d'une émancipation. // La Nouvelle Revue Française. 1931. 1 IX.
5. Литературная газета. 1932. 29 II.
6. *Бахрах А.* Самообольщенный князь // Новое русское слово. 1982. 31 X. С. 5.
7. *Smith G.S.* Jane Ellen Harrison: Forty-Seven Letters to D.S. Mirsky: 1924–1926 // Oxford Slavonic Papers. New Series. 1995. Vol. 28.
8. *Smith G.S.* The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii: 1922–1931 // Birmingham Slavonic Monographs. 1995. № 26.
9. *Смит Дж.* Марина Цветаева и Д.П. Святополк-Мирский // Марина Цветаева / Под ред. Робина Кембалла в сотрудничестве с Е.Г. Эткиндо и Л.М. Геллером. Bern-Berlin-Frankfurt-New-York-Paris-Wien, 1991. С. 192–206. (Ранее опубл. в: Proceedings of the Tsvetaeva colloquium. Lausanne, 30 June – 3 July, 1982).
10. *Святополк-Мирский Д.П.* Предисловие // Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака. Париж, 1924. С. XII.
11. *Smith G.S., Mirsky D.S.* Four Letters to Ariadna Tyrkova-Williams (1926), with an Unknown Review by Ariadna Tyrkova-Williams (1924) // The Slavonic and East European Review. 1993. Vol. 71. № 3. P. 482–489; *Кривопапов А.* Кто она, Вера Трейл-Гучкова? Последнее слово – за архивами НКВД // Известия. 1992. 22 IX.
12. *Davies R., Smith G.S.* D.S. Mirsky: Twenty-Two Letters (1926–34) to Salomea Galpern; Seven Letters (1930) to Vera Suvchinskaya (Traill) // Oxford Slavonic Papers, New Series. 1997. Vol. XXX. P. 90–120.
13. *Brassat A.* Agents de Moscou. Paris, 1988. (Перевод отдельных глав: Иностранная литература. 1989. № 11. С. 226–249).
14. *Smith G.S.* The Correspondence of D.S. Mirsky and Michael Florinsky: 1926–1932 // The Slavonic and East European Review. 1994. Vol. 72. № 1. P. 115–139.
15. *Kaznina O., Smith G.S.* D.S. Mirsky to Maxim Gor'ky: Sixteen Letters (1928–1934) // Oxford Slavonic Papers. New Series. 1993. Vol. XXVI.
16. *Smith G.S.* D.S. Mirsky: Two Letters to Elizaveta Polonskaia (1935, 1936) on Translating Kipling and Christina Rossetti / The Slavonic and East European Review. 1995. Vol. 73. № 3; *Святополк-Мирский Д.П.* Стихотворения. Статьи о русской поэзии / Compiled and edited by G.K. Perkins and G.S. Smith, with an introduction by G.S. Smith. Berkeley, 1997.
17. *Smith G.S.* D.S. Mirsky: A Russian-English Life (1890–1939). Oxford, 2000 (в печати).

© 2000 г. Т.Н. ДЖАКСОН

НОРВЕЖСКИЙ КОНУНГ ОЛАВ ТРЮГГВАСОН – "АПОСТОЛ РУССКИХ"? (ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ)

В "Саге об Олаве Трюггвасоне" монаха Одда Сноррасона [1] (несохранившийся латинский оригинал – около 1190 г., три редакции исландского перевода – около 1200 г.) и в восходящей к Одду "Большой саге об Олаве Трюггвасоне" [2] (около 1300 г.) содержится, наряду с повествованием о миссионерской деятельности конунга Олава (995–1000), рассказ о его непосредственном участии в крещении "конунга Вальдамара" (князя Владимира Святославича) и всех людей "в Гардарики" (на Руси).

"Сагу об Олаве Трюггвасоне" Одд завершает (гл. 78 редакции *U*) следующей характеристикой своего главного героя: ...[*hann*] *at retto ma kallazt postoli Nor ðmanna* " ...[он] по праву может быть назван апостолом норманнов" [1. S. 261].

Ф.Б. Успенский недавно высказал предположение [3], что формула "апостол норманнов" "в саге Одда первоначально включала и русских", а Олав мог быть так назван "в том числе и благодаря успеху своего миссионерского предприятия при дворе князя Владимира" [3. С. 161]. Последнее утверждение допустимо только в рамках текста "Саги об Олаве Трюггвасоне"; за рамками этого текста оно, по меньшей мере, некорректно, ибо Русь, как известно, не принимала христианства по инициативе норвежского конунга.

Реконструировав латинский оригинал – **apostolus nordmannorum* – и "ориентируясь при этом на узус латинских исторических описаний" [3. С. 162], исследователь подыскивает значение, в котором Одд мог использовать применительно к Олаву этот эпитет, и находит подходящее, на его взгляд (однако далеко не типичное для Северной и Западной Европы той эпохи), в труде Лиудпранда Кремонского (середина X в.), в тексте которого он обнаруживает отождествление (в соответствии с византийской точкой зрения) норманнов и руссов: "[Византия] имеет с севера венгров, печенегов, хазар, руссов, которых мы иначе называем еще норманнами" [4.I.11 – перевод Ф.Б. Успенского].

С одной стороны, трудно согласиться с утверждением исследователя, что, «с позиций "стороннего наблюдателя", усматривавшего в облике Руси X в. преимущественно скандинавские черты, именно норманны олицетворяли собой эту страну» [3. С. 161], поскольку у Лиудпранда (*Habet quippe ab aquilone Hungarios, Pizenacos, Chazaros, Russios, quos alios alio nos nomine Nordmannos apellamus...*) уточнение относится не только к руссам, но и ко всем перечисленным выше народам ("...коих мы называем

Джаксон Татьяна Николаевна – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

нордманнами, [пользуясь] по отношению к разным [народам] разными именами"). Более того, в другом месте того же труда Лиудпранд заявляет следующее: "Ведь на немецком языке (*lingua Teutonum*) *nord* означает север, а *man* – человек: поэтому-то северных людей и можно называть норманнами" [4.V, 15] (перевод А.В. Назаренко в [5. С. 291]).

С другой стороны, очень сомнительно, что в поисках «чужой, внешней точки зрения, под которую, предположительно, "подстраивался" автор в латинском оригинале» [3. С. 161] Одд обратился к сочинению Лиудпранда, оставив без внимания скандинавскую латиноязычную традицию, и в частности труд монаха Теодорика (1177–1180), послуживший ему одним из источников. Следует отметить, что у Теодорика этническим *Northmanni*, "норманны", употребляется в контексте, в свою очередь свидетельствующем о заимствовании из континентальной латиноязычной литературы: "Хуго, доброй памяти каноник Святого Виктора в Париже, муж всесторонне образованный, так упоминает наш народ в своей хронике: Норманны (*Northmanni*), – говорит, – выйдя из Нижней Скифии (под ней он несомненно понимал Верхнюю, которую мы называем Швецией), приплыв на кораблях в Галлию и войдя по реке Сене, огнем и мечом все разорили. И Сигиберт, монах из Жамблу, в хронике своей так пишет: Норманны (*Northmanni*) – говорит, – свирепейший северный народ, приплыв в Галлию на боевых кораблях, вошли в реку Луару и дошли до Тура, опустошая все [на своем пути]. Таким образом, о наилучший из мужей, из этих [сообщений] очевидно, что и до времен Харальда (Прекрасноволосого. – Т.Д.) были в этой стране (т.е. в Норвегии. – Т.Д.) мужи, сильные в воинских делах..." [6. С. 3–4 – перевод А.В. Подосинова].

Приведенный текст с очевидностью указывает на то, что *Northmanni* Теодорика – это собирательное обозначение скандинавов, по крайней мере, норвежцев и шведов. Кстати сказать, применительно к датчанам и шведам *Nordmanni* выступают у Эйнхарда (перв. пол. IX в.), труд которого, в свою очередь, послужил Теодорику в качестве одного из основных источников [7.XII, 3; XIV, 1]. Ср. у Адама Бременского (около 1070 г.): «Эйнхард пишет: "Северный берег и все острова Балтийского моря населяют даны и свеоны, которых у нас называют нортманнами"» [8.II.16].

При том, что именно Одду принадлежит авторство мотива о крещении Олавом Руси, а значит, он мысленно причислял Русь к странам, крещенным Олавом, Русь отсутствует у Одда в перечне стран, обязанных Олаву своим крещением. В главе 52 редакции А читаем: *En þat er sagt at Olafr konungr T.s. cristnaði fim lond* "И так говорится, что Олав крестил пять стран". Но ниже по тексту перечисляются *шесть* стран: *En þessi eru heiti landa þeira er hann cristnaði Noregr. Hialtland. Orkneyar. Færeyyar. Island. Grønland* "А вот названия тех стран, которые он крестил: Норвегия, Шетландские острова, Оркнейские острова, Фарёрские острова, Исландия, Гренландия" [1. S. 154–155].

По Успенскому, в латинском тексте Одда было названо пять стран, но переводчик текста Одда с латинского на древнеисландский добавил шестую страну, Норвегию, поскольку он уже воспринимал термин *Norðmenn* (< **Nordmanni*) не только в собирательном смысле ("скандинавы вообще"), но и в его этнонимически конкретном значении ("норвежцы") [3. С. 159–160]. Это остроумное построение имело бы право на существование, если бы в более ранних источниках речь не шла о пяти странах, крещенных Олавом, и если бы среди них не было Норвегии.

О пяти странах, однако, говорится (без именованя их) в поэме XII в. "Перечень норвежских королей", восходящей к труду Сэмунда Мудрого [9. S. 578]; у двух исландских скальдов второй половины XII в. – в поэме "Рекстефья" Халлар-Стейна [9. S. 527–528] и в анонимной "Драпе об Олаве", приписанной позднее Халльфреду Трудному Скальду [9. S. 570], – и это Исландия, Гренландия, Оркнейские острова, Шетландские острова и Норвегия; а также в "Обзоре саг о норвежских конунгах" (около 1190 г.), известном, как полагают исследователи, переводчику Одда: *...kristnaði hann fimm lqnd: Nöreg ok Ísland ok Hjaltland, Orkneyjar ok it fimmta Færeyyar...* "...крестил

он пять стран: Норвегию и Исландию, и Шетландские острова, Оркнейские острова и пятьми – Фарёрские острова..." [10. Вл. 22].

Как видим, пять стран, названных скальдами (Норвегия, Исландия, Шетландские острова, Оркнейские острова и Гренландия), отличаются на одну страну от тех пяти стран, которые названы в "Обзоре" (Норвегия, Исландия, Шетландские, Оркнейские и Фарёрские острова), но в совокупности скальды и "Обзор" дают все те шесть наименований, которые мы находим у Одда.

скальды	Норвегия	Исландия	Шетландские о-ва	Оркнейские о-ва	Гренландия	
"Обзор"	Норвегия	Исландия	Шетландские о-ва	Оркнейские о-ва		Фарёрские о-ва
Одд	Норвегия	Исландия	Шетландские о-ва	Оркнейские о-ва	Гренландия	Фарёрские о-ва

Так что более вероятным, нежели предложенное Успенским, мне представляется иное объяснение упоминания в исландском тексте Одда шести стран, включающих в себя Норвегию: скорее всего, переводчик Одда соединил две дошедшие до него традиции (может быть, даже не утрудив себя пересчетом поименованных стран).

Вслед за Оддом шесть стран назвал автор "Красивой кожи" (около 1220 г.): речь здесь идет обо "всей Норвежской державе" (*allt Nóregsveldi*) и пяти странах в придачу [11. Вл. 145]. В "Саге об Олаве Трюггвасоне" по "Кругу земному" (около 1230 г.) Снорри Стурлусон подробно рассказывает о крещении Олавом Норвегии, а также Исландии и Гренландии [12. В. XXVI]; а в "Саге об Олаве Святом" мы читаем, как Олав Харальдссон расспрашивал знающих людей о соблодении введенного до него христианства на Оркнейских, Шетландских и Фарёрских островах [12. В. XXVII. Вл. 74]; т.е. "список" Снорри включает те же шесть стран.

Итак, по Успенскому, описав крещение Руси с помощью Олава Трюггвасона и охарактеризовав Олава как **apostolus nordmannorum*, т.е. "апостол русских", Одд все же не назвал Руси среди стран, крещенных Олавом. Тем более этого не сделал переводчик саги монаха Одда, отнесший русских "к совершенно иной этнографической рубрике". Последняя мысль якобы подтверждается пассажем "Большой саги", "опирающейся на сагу Одда как на источник", где, «руссы упоминаются уже в одной связке с поляками и венграми, крестившимися "во дни Оттона III"» [3. С. 163].

К сожалению, и в данном случае, увлеченный своим построением, исследователь не посмотрел на источник несколько шире (не глубже хронологически, а именно шире в контекстуальном плане). В противном случае он бы обнаружил, что автор "Большой саги" здесь же [2. S. 157–158] дает четыре примера из церковной истории, доказывающих, что Бог мог использовать некрещенных людей для проповеди христианства, а также рассказывает о походе Оттона III, сопровождаемого Олавом Трюггвасоном, по Восточному пути с целью обращения язычников в христианство. Тем самым автор "Большой саги", по меткому наблюдению Б. Фидьестёля [13. S. 138], отмечает два возможных возражения на невероятное утверждение Одда (репродуцированное и "Большой сагой"), будто Олав был апостолом русских: одно – связанное с тем, что Олав в рассматриваемый момент сам не имел полного крещения (только *prima signatio*), второе – с точки зрения хронологии.

Подведем итоги. Повтор и различная обработка сюжетов в сочинениях западно-скандинавской историографии (к каковым относятся и исландские королевские саги) делают каждый дошедший до нас письменный текст особой формой воплощения исторической памяти, тем более что даже во времена Снорри Стурлусона (как показал М.И. Стеблин-Каменский) еще жива была "техника творческого пересказа" [14. С. 178]: текст не воспринимался как застывшая вербальная форма, а его запись сопровождалась творческой переработкой. Соответственно, каждый отдельно взятый

текст может быть правильно осмыслен только в более широком контексте сочинений, причастных к его генезису.

Что касается миссионерской деятельности норвежского конунга Олава Трюггвасона, то ряд источников XII в. (скальдические стихи и "Обзор саг о норвежских конунгах") сохранил образ Олава как крестителя пяти стран. Историческая точность этого тезиса оспаривается исследователями, хотя категоричность такого утверждения снимается ремаркой Одда Сноррасона: *Sua ær at virþa sem Olafur konungr hinn fyrri æfnaði oc setti grunduollinn cristinnar með sinu starfi. En hinn síðarri Olafur reisti ueggi* "Следует признать, что первый Олав (Трюггвасон. – Т.Д.) собрал материалы и заложил основы христианства своим трудом. А второй Олав (Харальдссон. – Т.Д.) возвел стены" [1. S. 156]. Версия крещения Руси при посредстве Олава – это конструкция Одда Сноррасона, она находится в противоречии с большим количеством более достоверных источников и не выдерживает, по мнению ученых [15], серьезной критики: принято считать, что Одд сделал Олава участником обращения Руси в целях возвеличения своего героя [16].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Saga Óláfs Tryggvasonar av Oddr Snorrason munkr / Finnur Jónsson. København, 1932.
2. Óláfs saga Tryggvasonar en mesta / Ólafur Halldórsson. (Editiones Arnarnænar. Ser. A. B. 1–2). København, 1958–1961. B. I–II.
3. Успенский Ф.Б. К одной из древнескандинавских версий крещения Руси (конунг Олав как "апостол норманнов" в саге монаха Одда) // Восточная Европа в древности и средневековье: Контакты, зоны контактов и контактные зоны. XI Чтения; памяти В.Т. Пашуто. Материалы к конференции. М., 1999. С. 158–163.
4. Liudprandi episcopi Cremonensis Antapodosis // Die Werke Liudprands von Cremona / J. Becker. 3. Aufl. Hannover; Leipzig, 1915.
5. Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999.
6. Theodrici monachi Historia de antiquitate regum Norwagiensium // Monumenta historica Norvegiæ: Latinske kildeskriver til Norges historie i middelalderen / Gustav Storm. Kristiania, 1880. S. 1–68.
7. Einhardi vita Karoli Magni / O. Holder-Egger. Hannover, 1911.
8. Adam Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum / B. Schmeidler. Hannover; Leipzig, 1917.
9. Finnur Jónsson. Den Norsk-Islandske Skjaldedigtning. B – Rettet text. København, 1973. B. I: 800–1200.
10. Ágrip af Nóregskonunga sögum / Bjarni Einarsson // Íslenzk fornit. Reykjavík, 1984. Bl. 1–54. B. XXIX.
11. Fagrskinna: Nóregs konunga tal / Bjarni Einarsson // Íslenzk fornit. Reykjavík, 1984. Bl. 55–373. B. XXIX.
12. Snorri Sturluson. Heimskringla. I–III / Bjarni Aðalbjarnarson // Íslenzk fornit. Reykjavík, 1941–1951. B. XXVI–XXVIII.
13. Fidjestøl B. Olafur Tryggvason som misjonær. Eit litterært bilete // Ordet og Sverdet: Historiske foredrag på Moster 1984–1993. Oslo, 1993.
14. Стеблин-Каменский М.И. Становление литературы // Стеблин-Каменский М.И. Мир саги. Становление литературы. Л., 1984.
15. Рыдзевская Е.А. Легенда о князе Владимире в саге об Олаве Трюггвасоне // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. М.; Л., 1935. Т. II. С. 5–20.
16. Jackson T. The Role of Óláfr Tryggvason in the Conversion of Russia // Three Studies on Vikings and Christianization. Oslo, 1994. P. 1–17.

© 2000 г. Х. БАРАН, Е.В. ДУШЕЧКИНА

ВОКРУГ "СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ":
ИЗ ПЕРЕПИСКИ Р.О. ЯКОБСОНА И А.В. СОЛОВЬЕВА

Одним из непреходящих интересов в исключительно разнообразном научном творчестве Р.О. Якобсона было "Слово о полку Игореве". Первую работу об этом произведении он написал уже в 1916 г. в рамках университетского семинара А.А. Шахматова [1. С. 682]¹. В 1931 г. появилась первая печатная статья Якобсона о "Слове" [2], а год спустя ученый занял по отношению к нему ту позицию, которую будет отстаивать на протяжении всей дальнейшей жизни: в рецензии на брошюру А. Вайяна, датировавшего памятник XV в., Якобсон, полемизируя с французским исследователем, решительно настаивает на древнем его происхождении [3].

Еще в 1925 г. Андре Мазон, стоявший во главе французской славистики, охарактеризовал "Слово о полку Игореве" как "текст, который остается подозрительным" [4]. Впоследствии он неоднократно повторял свои сомнения, а к концу тридцатых годов выступил в печати с развернутой гипотезой о вторичном характере "Слова" по отношению к "Задонщине" [5].

У Якобсона, настаивавшего в ряде статей чехословацкого периода на полноценности, значимости культурных традиций славянского средневековья (напр. [6–7]), эта позиция французского слависта вызывала страстное возражение. На публичную лекцию Мазона о "Слове", состоявшуюся в 1937 г. и получившую широкий резонанс, он откликнулся заметкой в чешской газете "Lidové poviny" [8]. Эмоциональность, которая всегда сопутствовала его реакции на сомнения в подлинности "Слова" (см., например, [9–10]), проявляется уже в его довоенной переписке. Так, например, 20 февраля 1938 г. он шлет открытку Е.А. Ляцкому, также участвовавшему в полемике с Мазоном, в которой пишет: "(...) искренне сожалею, что не мог послушать ваше, как мне передавали, превосходное выступление в защиту Слова. Очень хотелось бы поговорить с Вами и об этом абсурдном походе против Слова и былин (...)"².

Важнейшим эпизодом в борьбе Якобсона со "скептиками" была деятельность Нью-Йоркского семинара по изучению "Слова" (1943–1944), которым он руководил вместе с бельгийским византологом А. Грегуаром. Итогом работы этого научного коллектива явилась вышедшая в 1948 г. монография "La Geste du Prince Igor" [11].

Переписка Якобсона с филологами Европы и Америки, которым он рассылал экземпляры новой книги, свидетельствует о его стремлении найти надежных союзников в споре с Мазоном и его сторонниками: "Я получаю много писем от самых знаменитых специалистов в мире по этому вопросу, – пишет он С.И. Карцевскому 20 сентября 1948 г. – Все заявляют о нашем стопроцентном торжестве. Но кто из них

Баран Хенрик – профессор, университет штата Нью-Йорк, г. Олбани.

Душечкина Елена Владимировна – д-р филол. наук, профессор филологического факультета СПбГУ.

¹ Примечания см. в конце статьи.

повторит это публично?" [12. С. 184]. Любое отступление от взгляда на "Слово", категорично высказанного в "La Geste du Prince Igor", вызывало у Якобсона крайне чувствительную (если не болезненную) реакцию. На некоторое время он даже прервал отношения со своим соавтором Грегуаром, сделавшим в пространной рецензии на коллективную монографию нечто вроде примирительного риторического жеста в адрес Мазона³.

Среди европейских ученых, которым Якобсон послал монографию о "Слове", оказался и А.В. Соловьев. Александр Васильевич Соловьев (1890–1971) был одним "из ведущих авторитетов нашего столетия по средневековой истории Восточной Европы"⁴ [14, С. i], ученым "необычайно широкого творческого диапазона", который, как писал о нем А. Поппе, изучал "русскую историю средних веков, историю русского, византийского и славянского права, историю богомилов и катаров, русскую литературу с древнейших времен по XX век, русскую музыку и геральдику" [15. С. 164]. Сам же Соловьев, за несколько лет до смерти подводя в письме В.Т. Пашуто итоги своей научной деятельности за пятьдесят лет, едва ли не критически оценивал широту или, по его выражению, "разбросанность" своих научных интересов [16. С. 349]. Работы Соловьева, напечатанные в европейских, советских и американских изданиях, отражены в двух библиографиях [17; 16. С. 166–170]⁵.

Переписка Якобсона с Соловьевым началась в 1948 г. Хотя ее основной научной темой является "Слово о полку Игореве", она содержит и ряд других сквозных мотивов. Многие из этих писем могут служить очередным свидетельством заинтересованного и бережного отношения Якобсона к судьбам коллег в послевоенной Европе. Кроме того, эта переписка проясняет ряд важных моментов жизни Соловьева, биография которого, несмотря на несколько обстоятельных печатных откликов на его кончину [18–120], до сих пор остается малоизвестной, особенно в России.

А.В. Соловьев (по матери внук П.Н. Рыбникова) родился в местечке Калиш (Гродненская губерния). Он закончил Варшавский университет, где учился сначала на юридическом, а потом на филологическом факультете. Во время первой мировой войны Соловьев оказался в Ростове-на-Дону. Там, чтением университетских курсов по славянскому праву и по русской истории, началась его преподавательская деятельность. В 1920 г. Соловьев эмигрировал в Югославию. Получив место в Белградском университете, в 1928 г. он защитил докторскую диссертацию "Законник короля Стефана Душана", в 1930 г. стал экстраординарным, а в 1935 г. – ординарным профессором по кафедре истории права южных славян.

Вскоре после окончания войны Соловьев был лишен права преподавания. Причиной послужил ряд работ о сербском гербе, которые во время оккупации он напечатал в одном из официальных изданий. Но уже в 1947 г. ученый снова получил возможность вернуться к педагогической деятельности, заняв профессорское место и должность декана на юридическом факультете новооткрывшегося университета в Сараево. Именно в этот период, плодотворный как в научном, так и в педагогическом отношении, с открытки, посланной им из Сараево, и началась его переписка с Якобсоном. Вскоре, однако, она прервалась.

9 октября 1949 г. Соловьев и его жена Наталья Николаевна были арестованы. Политическим фоном их ареста явился разрыв отношений между Югославией и Советским Союзом, а непосредственной причиной стало недонесение Соловьевым югославским властям об ознакомлении с текстом резолюции Информбюро от 28 июня 1948 г. об исключении Югославии из Коминформа, который ему предоставил посетивший его болгарский юрист [21. С. 245]. Положение Соловьева усугублялось еще одним обстоятельством: когда после войны новые югославские власти отобрали паспорта, выданные русским эмигрантам правительством короля Александра, ученый и его жена предпочли взять советский паспорт, который, как оказалось, вовсе не давал права на въезд в СССР.

Жена Соловьева была выпущена из тюрьмы через шесть месяцев после ареста, в то время как сам он провел в заключении почти полтора года: сначала под следст-

вием, а потом в ожидании суда, состоявшегося весной 1951 г. Суд, признав Соловьева виновным, приговорил его к уже отбытому им в заключении сроку. Поскольку ученый был лишен всех гражданских прав, семья существовала на заработки Н.Н. Соловьевой, преподававшей иностранные языки. Вскоре Соловьевы оказались под новой угрозой: им был предъявлен ультиматум – либо добровольный отъезд на Запад, либо насильственное выдворение в одну из соседних "социалистических" стран (Болгарию, Румынию, или Венгрию), "где по лагерям доживали тогда многие заслуженные представители русской эмиграции Югославии" [21. С. 246]. Ситуацию спасла бывшая гувернантка Н.Н. Соловьевой, швейцарка, которой отец Н.Н. во время революции помог уехать из Петербурга. Благодаря ее содействию в получении виз, в декабре 1951 г. семье ученого удалось переехать в Швейцарию.

О тяжелом положении, в котором оказался Соловьев в 1949 г., Якобсон упоминает в письме историку М. Шефтелю от 24 октября 1950 г.: «Недавно я прочел работу Соловьева в "Исторических записках" [22] и нахожу ее весьма стимулирующей. Теперь он в югославской тюрьме»⁶. Контакты ученых возобновляются летом 1951 г. В ответ на письмо Соловьева (несохранившееся) Якобсон шлет длинное послание (№ 5), несомненно составленное с оглядкой на вероятность перлюстрации: в начале он дает обзор новой литературы о "Слове о полку Игореве", а в конце добавляет сведения, ради которых, быть может, и посылалось это письмо. Сообщив о своем переходе из Колумбийского университета в Гарвард, он добавляет, что "двое молодых американских ученых Лант⁷ и Лорд⁸, которые были прошлым летом в Югославии, этим летом опять поедут туда заниматься". "Туда поедет и моя ученица, талантливая американская фольклористка Барбара Латтимер⁹, – продолжает Якобсон. – Надеюсь, что Вы с ними встретитесь и получите более подробную информацию о нашей научной работе". 2 сентября, не называя фамилии Соловьева, Б. Латтимер пишет Якобсону: "(...) только что вернулась из Сараево; мой визит был очень приятным и удачным. Там я нашла "Историческую грамматику" Буслаева, полученную им от Рыбникова – я везу ее Вам, вместе с рядом других вещей. Кроме того, я сделала несколько фотографий»¹⁰. Этот фрагмент проясняет письмо самого Соловьева от 11 декабря 1951 г., написанное уже из Швейцарии: "Наконец-то (...) мы отдыхаем после всех бедствий последних двух лет. Miss Barbara посетила нас в Сараево в последние дни августа с Вашим рекомендательным письмом. (...) Я сказал ей также, что охотно перееду в США, где я хотел бы преподавать историю славянского права и историю славянских народов вообще".

Высказанное здесь желание переехать в Штаты объясняется тем непростым положением, в котором Соловьев оказался в Швейцарии: "(...) на седьмом десятке надо было в который раз налаживать жизнь" [21. С. 246]. Постоянной темой его писем Якобсону в 1952–1953 гг. становится поиск работы и возможностей продолжить полноценную исследовательскую и педагогическую деятельность.

Та научная область, которая была для Соловьева основной, в Швейцарии не была востребована: "Чем дольше я сижу здесь, тем больше вижу, что (...) устроиться не удастся. Швейцария перегружена своими профессорами (их тут по списку до двух тысяч!), никакого интереса к славистике тут нет"¹¹. Ученый подает заявления на открывшиеся вакансии в несколько университетов Европы и Америки, регулярно советуясь по этому поводу с Якобсоном: "Вся моя надежда на Вас. Хоть мы с Вами лично не знакомы, но Вы себя показали самым надежным другом и, надеюсь, можете мне начать новую деятельность. Физически я вполне поправился и готов еще долго жить и работать"¹². Однако, в это время Соловьеву шел уже шестьдесят второй год, и при возрастном лимите для университетских преподавателей (65 лет) устроиться ему на постоянную работу было практически невозможно. Поэтому неудивительно, что ни одна из его попыток так и не увенчалась успехом.

Особенно тяжелым оказался для Соловьевых 1952 год. Материальное положение спасла Наталья Николаевна, получившая место машинистки в ООН. Сам Соловьев временами впадает в депрессию, осознавая себя в тупиковой ситуации, в своеобразной

профессиональной ловушке; одновременно с этим, его беспокоит мысль о том, что в результате какого-нибудь политически неосторожного шага его жена может лишиться работы. Эта тревога несколько раз прорывается в письмах Якобсону: "Сейчас я (...) в глупом положении. Сотрудничать с Востоком я не хочу, мне тошно читать их журналы, но сотрудничать с Западом – может повлечь неприятности, и мы можем лишиться заработка. (...) Очень хотелось бы участвовать в Вашем издании эпоса, но не сделать ли это под псевдонимом? – Денисов, Петров – пусть это будет Ваш ученик"¹³. В том же письме Соловьев, которому вдруг показалось, что западные коллеги перестали поддерживать с ним контакты, почти с отчаянием восклицает: "Ради Бога, не прерывайте тоже отношений со мною и поймите меня. Мне очень ценно Ваше дружеское ко мне расположение, но я знаю – Вы не всесильны"¹⁴. Тем не менее ученый пытается преодолеть эти "полосы упадка духа" и найти в себе силы продолжать работу: "Казалось, что проще сидеть в Швейцарии с семьей и отказаться от научных амбиций (...). Однако, я чувствую, что этого нельзя делать. Надо еще бороться и делать то, что мне завещано моей жизнью; нельзя складывать руки"¹⁵.

К концу года Соловьев становится приват-доцентом в Женевском университете и получает возможность преподавания в университете швейцарского городка Невшатель, куда он ездит раз в неделю¹⁶. Из его письма Якобсону видно, что сам Соловьев оценивал эту ситуацию как не вполне удовлетворительную: "(...) приват-доценту ничего не дает материально, а и морально не утешает. Подсунули мне историю Византии (вместо славян), пришлось очень много готовиться, потратить много времени, а слушателей за все время было два постоянных! А Византия такой широкий предмет, что специалистом я в ней уже не стану. Между тем она мне мешает заниматься славянством"¹⁷. Сетует он и на местные академические условия: "Здесь я задыхаюсь в медвежьем углу: книг никаких, научной жизни никакой, научного органа нет. Есть только фабрика дипломов для персов и египтян – (две трети студентов здесь – иностранцы!). Выехать никуда не могу"¹⁸. Несколько месяцев спустя он возвращается к той же теме: "(...) иногда чувствую себя заброшенным здесь – никакого интереса ни у кого к славистическим темам"¹⁹. При этом Соловьев продолжает испытывать ощущение – совсем неоправданное! – своей научной изоляции: "Единственно с Югославией у меня научная переписка и единственно там аккуратно печатают мои статьи и платят гонорары, к(о)т(орые) я не могу получить. Вот парадокс нашего времени"²⁰.

В конце 1955 г., почти сразу после смерти С.И. Карцевского²¹, Соловьев становится его преемником в Женевском университете, где начинает читать лекции по русской литературе, о чем с некоторой долей иронии пишет Якобсону: «Начал читать лекции, но студентов пока мало. Правда, я начал с древних славян и древнерусской литературы, а студентам подавай Чехова и Горького. Но я иду постепенно: во втором семестре будет "Пушкин и Мицкевич", а в будущем году – более новая литература. Что нового в литературе?»²². Преподавательская деятельность Соловьева в Женевском университете длилась пять лет, и после его выхода на пенсию университет отдал должное его заслугам: «Меня все же погребли после ухода: выбрали "professeur honoraire". Это пустое звание, но по франц(узским) понятиям почетное»²³.

Незадолго до окончания работы в университете, Соловьев берется за крупный издательский проект: «С середины 1959 я очень занят французским изданием сочинений Достоевского [24]. Это своего рода "халтура", но она хорошо оплачивается и дала мне возможность уплатить взносы за 20 лет в пенсионную кассу»²⁴. Вскоре он берет на себя еще одно обязательство: "У меня много времени отнимает критическое издание сочинений Л. Толстого на франц(узском) языке (предисловие, проверка переводов, подробные примечания, корректуры) [25]. Это – подсобное занятие; но стараюсь, чтобы издание вышло безукоризненным (...). Из-за этих изданий писателей я, конечно, запустил средневековые и мечтаю о том, что через два месяца закончится работа по Толстому и тогда вернусь к любимым темам"²⁵.

Несмотря на загруженность кропотливой издательской деятельностью, оторванность от славистических центров и нехватку научной литературы, Соловьев все же находил время и возможность для работы над своими "любимыми темами", о чем свидетельствуют и его многочисленные печатные статьи, и письма Якобсону 1950-х – 1960-х гг. Вскоре после смерти Соловьева, случившейся 14 января 1971 г., вдова писала В.Т. Папуто: "Ему было 80 лет, когда он скончался, но голова у него была светлая очень долго, и когда он уже пупал часы, не понимал, ночь ли это или день, не знал, видел ли он меня и когда и т.д., он все-таки отвечал докторам, задающим ему научные вопросы (литература, искусство, история, геральдика, музыка), совершенно точно и указывал даже даты" [16. С. 362].

Контакты Соловьева и Якобсона в основном были эпистолярными. Установить, когда состоялось их очное знакомство, нам не удалось. Точно известно, что они виделись в сентябре 1955 г. на Международной славистической конференции ("с удовольствием вспоминаю нашу краткую встречу в Белграде", – пишет Соловьев²⁶) и на ряде других международных конгрессов. Об их последней встрече в апреле 1970 г. в Вашингтоне, куда А.В. и Н.Н. Соловьевы приехали навестить сына и где Якобсон в это время выступал с лекциями, Соловьев вспоминает в письме, написанном вскоре после возвращения в Женеву: "Мне было так приятно повидать Вас, послушать два Ваших столь интересных доклада и побеседовать с Вами"²⁷.

Из обширного корпуса корреспонденции ученых мы публикуем в основном только те выдержки, в которых говорится о "Слове о полку Игореве". Изучение этого памятника для Соловьева (как и для Якобсона) было не просто фактом научной биографии, но и страстным увлечением, а иногда даже наваждением. В этом отношении характерен фрагмент из его письма Якобсону от 18 февраля 1952 г.: «(...) три дня сряду мне не давала покою тема "Славные куряне". Вчера написал ее начисто, и теперь освободился от этих мыслей». Написанная им статья о "славных курянах" (как и другие его работы – четкая, логичная, экономная по стилю) была опубликована в основанной Якобсоном и его коллегами гарвардской серии по славистике [27].

"Слово о полку Игореве", а вместе с ним и "Слово о погибели Русской Земли" впервые возникают в одной из самых ранних работ Соловьева (1925), посвященной русскому национальному сознанию. Здесь он апеллирует к свидетельству обоих памятников о древности идеи "Русской земли" не только как историк, но и как неравнодушный участник "глубоких потрясений, народных несчастий, столкновений с иноземцами" [28. С. 69]²⁸. Непосредственно к "Слову о полку Игореве" Соловьев обращается лишь после начала "набега" (Якобсон) [9. С. 654] "скептиков" в конце 1930-х годов. В 1941 г. в Белграде его усилиями был собран и напечатан небольшой сборник [30], весь тираж которого (за исключением нескольких экземпляров) сгорел во время войны. По сути это был первый коллективный ответ Мазону русских ученых-эмигрантов. С тех пор "Слово" вошло в круг постоянных научных интересов Соловьева: за годы жизни в Швейцарии ученый публикует о нем и о связанных с ним памятниках около двадцати исследований (см. [31]); несколько статей вышло из печати уже после его кончины. Наряду с Якобсоном, Соловьев может считаться одним из ведущих специалистов по "Слову" на Западе. Его вклад в изучение этого памятника тем более примечателен, что работал он без доступа к рукописным материалам и часто (как видно из писем) без необходимой литературы.

Среди трудов Соловьева о "Слове" особенно выделяется большая статья об "историко-политическом кругозоре" автора "Слова", появившаяся в 1948 г. в "Исторических записках". В ней ученый, подробно прокомментировав многочисленные имена упомянутых в "Слове" князей и княгинь, приходит к выводу о принадлежности певца "черниговско-тмутараканской школе", той самой поэтической школе, к которой, якобы, принадлежал и Боян [22]. Как и в работе о национальном сознании, Соловьев опять обращается к "Слову о погибели русской земли", существование которого, по его мнению, является "самым сильным доказательством подлинности" "Слова о полку Игореве" [22. С. 97]. Высокая, даже гиперболизирующая, патриотическая тональ-

ность некоторых пассажей об этих памятниках, сильно контрастирующая с трагическими тонами статьи 1925 г., не только как нам думается, явилась данью времени и месту публикации, но и отражает послевоенные взгляды Соловьева. К статье 1948 г. (часто цитировавшейся и, по словам Д.С. Лихачева, "в общем превосходной" [32. С. 15]) восходит ряд дальнейших исследований Соловьева. В них ученый для прояснения общего политического замысла "Слова" и связанных с ним памятников, а также для толкования его "темных мест" привлекает сведения, извлеченные из летописей (особенно Ипатьевской) и других источников по русской и славянской истории.

Большинство из этих исследований достаточно хорошо известны, но одно из них осталось почти незамеченным. Речь идет о статье, опубликованной под псевдонимом "С. Тарасов" (см. письмо № 22), в которой, полемизируя с Лихачевым, Соловьев выдвинул гипотезу, что автором "Слова" был боярин Святослава, его "милостник" черниговец Кочкарь; "известную шаткость" этой догадки ученый сам признавал [33. С. 175]. Обзор американских работ о "Слове", предпринятый в свое время Якобсоном [34], способствовал закреплению в научной литературе этого псевдонима [см. 35. Т. 1, С. 29; Т. 3, С. 96–97]²⁹. По-видимому, идея об авторстве Кочкаря возникла у Соловьева довольно рано. По крайней мере, в открытке Якобсону от 28 сентября 1951 г. (сохранившейся лишь частично) он уже упоминает о двух своих заметках о "Слове" и отмечает необходимость проверки некоторых фактов: «Говоря о событиях 1180 г., упомянул ли Карамзин Кочкаря? Если так, то Гоголь мог взять это имя для образования "Кочкарев", – издание Ипатьевской летописи появилось лишь в 1843, после того, как Гоголь написал свою "Женитьбу"».

Одну из своих изящных заметок Соловьев завершает высказыванием французского историка Ф. де Куланжа: "Нужно всегда перечитывать тексты" [36. С. 484]. Можно сказать, что в этой фразе суть его собственного подхода, сочетавшего аналитические методы юриста, историка и филолога. Другая черта почти всех его работ о "Слове о полку Игореве" – полемичность по отношению к "скептикам", начиная с А. Мазона и кончая А.А. Зиминим. В статье 1941 г. ученый подвергает резкой критике заметку Б. Унбегауна [37], посчитавшего подозрительным использованный в "Слове" этноним "русичи": иронизируя над "юным славистом", учеником Мазона и одним из его "сателлитов" [38. С. 21, 33], он заодно борется и с французским мэтром. Приветствуя "La Geste du Prince Igor", Соловьев пишет Якобсону: «Я, как не-филолог, подхожу к вопросу о "фальсификате" с другой точки зрения: целесообразности подлога. Т(аким) о(бразом) мы друг друга дополняем» (№ 4). Подлинность "Слова" он доказывал историческими разысканьями, текстологическими исследованиями, анализом лексики славянских языков и диалектов, статистическими подсчетами, изучением ритмических единиц текста и т.д. В этом отношении примечательна фраза, которой Соловьев завершает одну из своих последних заметок о "Слове", напечатанную уже посмертно: «Это краткое сравнение, – пишет он о ритмической организации фразы "Комони ржут за Сулою..." и т.д., – лишний раз доказывает, что ни монах Иоиль (писавший бездарные вирши), да и никто другой не мог из многословия любого списка "Задонщины" отсеять шестнадцать слов и связать их в стройном чеканном ритме тридцати слов. Просто "Слово о полку Игореве" есть оригинал, а "Задонщина" – почтенное подражание, часто многословное и нестройное» [39. С. 334].

Предложенные ниже материалы хранятся в трех разных папках в архиве Якобсона: № 1–2, 4–28, 34–37 – МС 72, Box 46, Folder 18; № 3 – Box 11, Folder 29; № 29 – Box 12, Folder 9; № 30, 31, 32, 33 – Box 15, Folder 77. Тексты Соловьева печатаются по оригиналам, тексты Якобсона – по копиям, сохраненным отправителем. Оригиналы писем №№ 16, 18 находятся в Leeds Russian Archive: A.V. Solo'ev Collection, MS 1204/78–79.

Некоторые письма ученых представлены полностью; но в большинстве случаев мы отобрали лишь те фрагменты, которые относятся к "Слову о полку Игореве" и связанным с ним памятникам. При публикации особенности орфографии не сохраняются; исправления опечаток и описок не оговариваются; сокращения раскрываются

в угловых скобках. Ряд текстов, написанных по-английски (№№ 2, 4, 5, 8, 12, 14, 16–18, 21, 23, 25–26) и по-французски (№ 9), печатается в нашем переводе. Подчеркнутые в подлинниках слова и выражения в публикации выделены курсивом. Необходимые научные и биографические сведения приводятся в примечаниях; общеизвестные имена не комментируются.

1. *А.В. Соловьев – Р.О. Якобсону*³⁰.

Сараево, 8 октября 1948 г.

Многоуважаемый коллега,

Обращаюсь к Вам по совету А.В. Исаченка³¹, давшего мне Ваш адрес. Югославянская Академия в Загребе готовит издание памятников др(евнего) русского эпоса ("Слово о п(олку) Игор(еве)", "Слово о погибели р(усской) земли" и "Задонщина") в подлиннике с хорошим переводом и вступительной статьей, кот(орую) я написал уже³². Конечно, придется полемизировать и с Мазоном и с Фрчком³³ (меня изданные им тексты убедили, что "пространная редакция" – основная, а К(ирилло)-Бел(озерская) – лишь неумелое сокращение полной). Очень хотелось бы иметь Ваше издание [11], где, как говорят, Вы прекрасно разбили все доводы Мазона. Хотелось бы на это издание сослаться. Очень прошу Вас прислать мне экземпляр по прилагаемому адресу. Знаете ли Вы, что в 1941 г. в Белг(раде) были изданы "Заметки к Слово о п(олку) Игор(еве)", вып. 2-й (изд. Кондак(овского) Инст(итута)) [30]. Сейчас в № 25 "Историч(еских) записок" в Москве напечатана моя статья «Политический кругозор автора "Слова о полку Игореве"» [22]. В Сараеве я сейчас вплотную занялся историей богомилов; может быть, у Вас вышло что-нибудь новое по этому вопросу? Проф(ессор) Грегуар обещал напечатать в Бр(юсселе) одну мою статью о богомилах³⁴.

Примите уверения в истинном уважении.

А. Соловьев

(Алекс(андр) Вас(ильевич)).

2. *Якобсон – Соловьеву*

10 ноября 1948 г.

Дорогой профессор Соловьев,

Шлю Вам заказной почтой экземпляр нашего издания "Слова о полку Игореве" [11]. Мы были бы очень рады, если бы вы смогли напечатать рецензию на эту книгу в одном из югославских или русских журналов. Я полностью согласен с Вами, что пространная редакция "Задонщины" является наиболее древней. Вообще, замечания Фрчека [40] – довольно слабы. Видели ли Вы ценные работы о "Задонщине" Адриановой-Перетц в "Радянском литературознестве", 1947 и в последнем (5-ом выпуске) "Трудов Отдела древнерусской литературы [42–43]? Я слышал о Вашем вкладе в литературу о "Слове", напечатанном в 1941 г. [38], но никогда не имел возможности его получить. Был бы очень рад иметь его у себя. Был бы также очень признателен, если бы Вы смогли достать экземпляр этого издания или, по крайней мере, отгиск и послать его мне на адрес Колумбийского университета. Сборник работ о "Слове о полку Игореве" и древнерусской эпической традиции, в котором участвует

ряд американских ученых, наряду с Грегуаром и мной, должен скоро выйти в издательстве Колумбийского университета [44], и я Вам пошлю экземпляр. Надеюсь скоро достать и прочесть Вашу статью, напечатанную в "Исторических записках" [22]. <...>

3. Соловьев – Якобсону

30 декабря 1948 г.

Многоуважаемый Роман Осипович,

Довольно давно получил я Ваше любезное письмо от 10 ноября, а дней десять тому назад и книгу "La Geste d'Igor" [11], которая путешествовала гораздо дольше, чем письмо. Сердечное спасибо за этот прекрасный подарок.

Мне жаль, что моя работа уже сдана в печать, и придется на Вашу сослаться только в заключении.

Комментарии очень интересны – и М. Шефтеля³⁵ и Г. Вернадского³⁶; а Ваша большая статья [45] замечательна по богатству эрудиции и по глубокому, чисто филологическому разбору, который шаг за шагом уничтожает все сомнения и инсинуации А. Мазона. У Вас столько новых параллелей: особенно интересны "дева Обида = Adikia" и зачало хроники Манассии = запов "Слова". Прекрасно объяснение "седьмого века" как седьмой тысячи лет и анализ Ипатьевской летописи с 6600 года; вообще трудно перечислить все, чем я восхищен. Очень нравится мне и деление текста на предложения с №; так легче группировать, да и яснее ритмический строй.

Хотел бы написать на эту книгу рецензию в "Annales Kondakov" t. XII; А.В. Флоровский³⁷ обещает скоро сдать этот том в печать. Там уже лежит моя критика Фрчека³⁸.

Вероятно, Вы уже получили посланные Вам "Заметки к Слову" [30]. Я, как нефилолог, подхожу к вопросу о "фальсификате" с другой точки зрения: целесообразности подлога. Т(аким) о(бразом) мы друг друга дополняем.

С большим интересом жду новый том статей о русском эпосе.

Надеюсь через месяц послать Вам два новых этюда о богомилах; они уже в печати.

Некоторые Ваши поправки текста кажутся мне слишком смелыми; и я готов возразить на них – с музыкальной и стилистической точки зрения.

I. Вы предлагаете вместо "съ Дудутокъ" – "съду токъ". Но это нарушает ритм: самая короткая единица ритма в "Слове" – стопа в 4 слога, да и она обычно удваивается: 187, 68, 44, 33; исключением является стопа в 3 слога: 185 "Игорь спить Игорь бдить", но и она удвоена. Между тем одинокая стопа в 2 слога; "съду токъ" совершенно режет ухо и нарушает ритм первой песни о Всеславе: "отвори врата – Нову граду (5 + 4), расшибе славу Ярославу (5 + 4), скочи волком (4) до Немиги (4) со Дудуток (4), на Немизе (4) снопы стелют (4) головами (4)". Продолжаю думать, что Дудутки существовали, но конечно они – не Дудичи.

II. Вы отделяете "смагу мычючи в пламян(ЯТЬ!) роз(ЯТЬ)" от Жли и передаете ее русским женам. Но обратите внимание, что в "Слове" придат(очное) предложение с деепричастием всегда стоит *после* главного: 14, 25, 36, 54, 56, 65, 70, 115, 130, 134, 164, 175, 190, 191, 195, 217 или хотя бы после *подлежащего*: 28, 197; поэтому и в 6–7, 76, 109 я склонен отнести прид(аточное)предложения к предыдущим, где уже стоят: Игорь, дева Обида и Готские девы, т.е. подлежащие. Но предложение "Смагу мычючи в пламяне роз(ЯТЬ), жены Русские всплакашася, аркучи" выпадает из стиля "Слова", п(отому) ч(то) только тут придат(очное) стояло бы перед подлежащим. Да и по существу, мне не верится, чтобы плачущие жены размахивали факелами при

причитании; *обряд*а похорон нет, есть лишь причитания. И обряд-то похорон Тугоркана *половецкий*, а не христианский. Поэтому "пламяний рог"» (*единств(енное)* число, а в "Слове" при множ(ественном) подлежа(щем) и множ(ественное) орудие действия, 143, 151, 157, 112) надо оставить *Жле*; пусть она "персонификация абстракции" (р. 275), но сами Вы прекрасно доказали воплощаемость "Обиды" и если *la Violence* приобрела лебединые крылья, то и *la Lamentation* может иметь *половецкий* пламяний рог – не только погребальный, но и угрожающий.

Жалею, что нет возможности обсудить с Вами многое *à vive voix*. Примите сердечный привет от искренне уважающего АС.

4. Яковсон – Соловьеву

6 января (1949) г.

Большое спасибо за три очень интересные работы, которые Вы мне прислали. С большим удовольствием я прочел книгу о "Слове", которую Вы редактировали. Особенно ценны и убедительны в ней обе Ваши статьи [38, 47]. Ваш материал о "русичах" чрезвычайно богат. Работа Голенищева-Кутузова³⁹ – хороша [48], но сейчас уже ее опередили исследования Адриановой-Перетц и Лихачева. Работа Исаченко – слишком поверхностна [49]. Бицилли⁴⁰, которого я очень высоко ценю, к сожалению, вступил здесь в область, с которой он незнаком и его статья [50] демонстрирует, сколь редко встречается, даже среди первоклассных русских ученых, настоящее знание древнерусского языка и стилистики.

Надеюсь, что Вы уже получили наше издание "Слова", которое я Вам послал [11].
(...)

5. Яковсон – Соловьеву

15 июня 1951 г.

Дорогой профессор Соловьев,

Я был очень рад опять получить вести непосредственно от Вас. Спасибо большое за ваши действительно поощрительные слова о нашем исследовании, посвященном эпосу Всеслава [51]. Все работы, на которые мы там ссылаемся, доступны в главных американских библиотеках. При подготовке нашего исследования мы пользовались замечательным славянским отделом Нью-Йоркской Публичной библиотеки, а также библиотек Колумбийского и Корнельского университетов. В последнем находится хорошее собрание русских работ прошлого века по фольклору; мы нашли там, например, первое издание "Песен" Рыбникова, отсутствующее в нью-йоркских библиотеках [52]. Столь же замечательное собрание славянских и особенно русских изданий находится здесь, в Гарварде, и в Библиотеке Конгресса в Вашингтоне, одной из самых богатых в мире. Так что в этой стране нет никаких препятствий для исследований в области славяноведения. Я прочитал вашу статью о политическом кругозоре автора "Слова" [22] и из всей недавней литературы о "Слове" считаю ее наиболее перспективной: это лучшее исследование на данную тему и особенно pronunciately в выявлении причин упоминаний Полоцка в этом памятнике. Она гораздо более основательна, чем работа Лихачева с тем же названием [32], опубликованная в академическом сборнике статей о "Слове", вышедшем в 1950 г. под редакцией Адриановой. В этой книге содержится ряд интересных замечаний Еремина о "Слове", как памятнике политического красноречия [53] и Алексеева о некоторых образах сна [54]. Кроме того, полезные наблюдения содержит и другая

статья Лихачева в той же книге, посвященная фразеологии и образам "Слова" [55], а также и филологическая работа Булаховского [56]. Остальные статьи менее интересны. (...)

Очень важным вкладом в изучение поэмы и половецкого вопроса является книжка польского востоковеда Зайончковского⁴¹, "Związki językowe połowiecko-słowiańskie", изданная во Вроцлаве в 1949 г. [57]. Ее автор, обладающий громадной эрудицией, в частности, подчеркивает, что если бы автор "Слова" жил в XVIII веке, то он был бы величайшим востоковедом, которому каким-то чудом оказались известны восточные источники, открытые лишь в XIX и XX вв. Другой выдающийся тюрколог, Карл Менгес⁴² из Колумбийского университета, издает исключительно ценную и результативную монографию об ориентализмах в "Слове" [58]. Я являюсь редактором этой книги и надеюсь, что смогу выслать ее Вам к концу лета. Чтобы закончить с новостями о поэме, хочу сообщить Вам, что мы смогли купить для гарвардской библиотеки сенсационно интересный экземпляр первого издания "Слова", восемь страниц которого сильно отличаются от известных экземпляров. Это первый вариант первого издания, но редакторов не устроил ряд сносок и поэтому они изменили их, а также, частично, и перевод; поэтому они набрали заново восемь страниц и при этом сделали новые ошибки и опечатки в столбце, воспроизводящем текст "Слова", так что для будущих критических изданий текста мы имеем несколько исправлений. Когда моя статья об этом варианте выйдет в "Бюллетене" Гарвардской библиотеки [59], я вышлю Вам экземпляр, а также мой обзор всей недавней дискуссии вокруг Игоря и литературы, посвященной ему – я готовлю это сейчас для "Speculum" [60].

Сейчас я высылаю Вам несколько своих отписок по славянской мифологии [61] и о сравнении эпоса Всеслава с сербским "Zmaj Ognjeni Vuk" [62]. Сожалею, что, готовя вторую из этих работ, я совсем забыл о прекрасном фрагменте из письма Вашего деда (опубликованном в "Песнях", изданных Грузинским [63]), в котором дана проницательная формулировка сюжета о Волхе⁴³. Я был очень тронут, узнав Вашу родословную. Быть может, Вас заинтересует тот факт, что Ваше письмо, в котором она упоминается, я получил как раз в тот момент, когда я одобрял докторскую диссертацию моей французской аспирантки о христианских мотивах в былинах⁴⁴; в этой талантливой работе моя аспирантка (правнучка французского посла в Петербурге, который заключил французо-российский союз) приходит к выводу, что Аксаков и Хомяков, которых она полностью реабилитирует как проницательных фольклористов, поняли идеологию былин. (...)

6. Соловьев – Якобсону

22 января 1952 г.

(...) В Нешателе нашел новое издание "Слова о п(олку) Игоре" 1950 (АН СССР) с интересными статьями Д. Лихачева [65–66]. Поэтому очень прошу Вас *не печатать* еще мои статьи о "Слове" и прислать мне *обе рукописи обратно*. Надо их пополнить литературой (проф. Ф. Либ⁴⁵ в Базеле дал мне еще "Труды отд(ела) др(евне)-р(усской) литер(атуры)" V–VII) и новыми соображениями. Не хочется выступать с плохо отделанными статьями (...).

7. Соловьев – Якобсону

18 марта 1952 г.

(...) Рукопись моей статьи о первом переводе "Слова" получил и теперь пополняю ее [67]. Но как не хватает литературы в этом захолустье! Мне неясно теперь, писал ли

этот перевод Мусин-Пушкин один, без помощи Малин(овского) и Б(антыш)-Каменского (как это утверждает Гудзий в Трудах о(тдела) др(евне)-р(усской) лит(ературы). VIII. (С.) 34) [68], или они уже работали над ним вместе. По-моему, второе вероятнее, т.к. печатный перевод 1800 г. не так уж много отличается от первого. Каково Ваше мнение?

И что такое перевод Малиновского, найденный в его бумагах в тетради № VIII (на кот(орый) ссылается М.Н. Сперанский в изд(ании) "Слова" Сабашникова 1920 г.) [69]? Этого издания у меня под руками нет. А не сравнив переводов, нет смысла выпускать статью.

Да и к статье о "славных Курянах" [27] следовало бы добавить, что М.Н. Тихомиров (в тех же Трудах VIII, 1951, 235) [70] считал "Слово о погибели" отдельным произведением, написанным после битвы при Калке, но довольно неубедительно доказывает, что оно было написано в Новгороде.

Вообще, я считаю, что лучше еще моих статей *не печатать*. Когда приеду, тогда отделаю их и сразу пушу в ход. Сейчас же не стоит срамиться с недостаточно отделанными статьями.

Ваших статей о "Слове" я не получил, – послали ли Вы их простой почтой и когда? Простая почта идет недели три. (...)

8. Якобсон – Соловьеву

25 марта 1952 г.

(...) Я также стараюсь найти какую-нибудь поддержку для очередного коллективного издания о "Слове": новый английский перевод, критический текст для студентов, реконструкция, подробный комментарий ко всему тексту на всех уровнях – историческом, литературном, культурном и филологическом, и наконец Ваша статья о первых переводах "Слова", что, если это удастся, могло бы принести Вам некоторый доход⁴⁶.

В сборник может войти, кроме перевода, помещенного в первом издании, перевод Екатериинской копии, перевод Белосельского, опубликованный после революции с рукописи конца 18-го века, и перевод Малиновского, из которого, к сожалению, опубликованы только фрагменты – частично в монографии Барсова [71], частично в статье Сперанского [69]⁴⁷.

Что же касается Вашей статьи о курянах, то она просто замечательная и появится в английском переводе в первом томе "Harvard Slavic Studies" [27]. Вы получите корректуру и сможете добавить примечание на исследование в восьмом томе "Трудов".

9. Соловьев – Якобсону

6 апреля 1952 г.

(...) Я получил также Вашу подробную библиографию⁴⁸ и отличный ответ Андре Мазону [60]. Я действительно завидую Вашей возможности иметь под рукой все необходимые книги, чего мне так не хватает здесь.

Ваше любезное приглашение сотрудничать в новом издании "Слова" было мне очень приятно. Я хотел бы предложить Вам новый план: не было бы лучше добавить еще "Слово о погибели" и "Задонщину" (тексты, переводы и комментарии). Читатель имел бы перед собой все памятники русского "эпоса", и тогда почти рабская зависимость "Задонщины" от "Слова" была бы представлена наглядно.

Я подготовил здесь небольшую рукопись о "Слове о погибели", а также о книге Фрчека "Zadonština", которую необходимо хорошо раскритиковать.

Однако, чтобы хорошо написать мои статьи, я должен все-таки приехать в Америку или, по крайней мере, посетить Париж. Трудно писать о "первых переводах" "Слова", не увидев текстов Белосельского и Малиновского (...)

10. *Якобсон – Соловьеву*

13 мая 1952 г.

⟨...⟩ Наши переговоры относительно книги о "Слове" еще не завершились; я Вас проинформирую о результатах. Только что получил 8-й том "Трудов" и увидел, что Гудзий считает перевод Белосельского даже более ранним, чем перевод, помещенный в Екатерининской копии [68].

Ваша замечательная статья о курянах переведена на английский и должна появиться в первом томе "Harvard Slavic Studies" [27]. Мы получим корректуры осенью.

11. *Соловьев – Якобсону*

2 октября 1952 г.

⟨...⟩ Знаете ли Вы роскошное издание: "Le Chant d'Igor", Rolle, 1950 (французский перевод Ph. Soupault, славянский текст и 15 замечательных иллюстраций в красках, вручную, А.А. Алексеева) [73]. Стоит он 450 шв(ейцарских) франков, напечатано 250 экз(эмпляров) и большая часть уже разошлась. Если бы Вы приобрели его для Унив(ерситетской) библ(иотеки) или заинтересовали Mr. Gordon Wasson⁴⁹, то пусть обратятся ко-мне (...). Издание специально для библиофилов. Три экземпляра на китайской бумаге были куплены в Бельгию по 1500 шв(ейцарских) франков! (...)

12. *Якобсон – Соловьеву*

6 октября 1952 г.

⟨...⟩ О прекрасном швейцарском издании "Слова" я говорю в конце моей статьи в "Speculum", которую я Вам посылал [60]. У нас есть это издание в Widener Library. Оно было на нашей выставке, посвященной "Слову", и упоминается в откликах на эту выставку, например в "Новом журнале" № 29 [74. С. 333]. (...)

13. *Соловьев – Якобсону*

13 октября 1952 г.

⟨...⟩ Статью о "Первых переводах Слова о п(олку) Игоре" я пополнил и могу ее Вам прислать; есть у меня и подробная статья о "Слове о погибели". (...)

Посылаю Вам мелкие замечания, кот(орые) могут Вам пригодиться:

⟨...⟩ 2) Татищев (Ист(ория) III, 250) [75] в рассказе о событиях 1185 г. говорит, что русские "взошли некоторые на соломенный стог" и увидели Кончака. Между тем в Ипат(ьевской), 429 [76] сказано "взйдоша на шоломя". Очевидно, в том варианте Ипат(ьевской) лет(описи), которым пользовался Тат(ищев), стояло "на соломя", что

он перевел как "соломенный стог". Этим доказывается, что форма "соломя" (вместо "шоломя") встречалась не только в псковском произношении⁵⁰. Вообще, любопытен вопрос о той местной (Северской?) летописи, к(о)т(орая) была источником Тат(ищева) для XII века. Об этом можно бы написать статью.

3) Знаете ли Вы, что по-румынски "Drumul lui Traian" значит "Млечный путь"? Заманчивая картина: Боян рыщет мыслию по небу, по Млечному пути... Но тогда странно: "через поля на горы". Вероятно, в "Слове" "тропа Трояна" имеет более земное значение. Но конечно, какая-то валашско-скифская традиция о Траяне жила на юге России.

Об этом лучше не говорить, а то для А. Мазона это будет доказательством того, что автор – Бантыш (румынского происхождения).

Собираетесь ли Вы дать новое издание "Слова о полку Игореве" или тех трех героических поэм, как я Вам советовал? Т.е. прибавить "Слово о погибели" и "Задонщину"? (...)

14. Якобсон – Соловьеву

29 октября 1952 г.

(...) Через несколько недель Вы получите корректуру Вашей работы о курянах, которая должна выйти в первом томе "Harvard Slavic Studies" [27]. Этот том появится ранней весной. Мы готовим второй выпуск, который будет посвящен Дворнику в связи с его шестидесятилетием⁵¹. Было бы хорошо иметь для этого тома Вашу статью о самых ранних переводах "Слова"⁵². Включили ли Вы перевод Белосельского? Могли бы мы получить рукопись к началу декабря? (...)

15. Соловьев – Якобсону

10 ноября 1952 г.

(...) Получил Ваше письмо от 29 октября и благодарю за дружеские заботы. Посылаю Вам статью о первых переводах "Слова о полку Игореве" [67]. К сожалению, не мог нигде найти перевода из архива кн(язей) Белосельских, т.е. "Пам(ятники) др(евней) письм(енности), вып. 189 (1920) [78]. Ничего, полагаю, что и без него статья достаточно убедительна. Если у Вас найдется этот текст, пусть кто-нибудь другой займется им; я уже к этой теме возвращаться не стану. (...)

16. Якобсон – Соловьеву

12 декабря 1952 г.

(...) Рад был получить Вашу превосходную работу о первых переводах "Слова" и ищу возможность опубликовать ее по-русски, согласно Вашему желанию и в соответствии с ее действительно русской сущностью [67]. Через несколько дней смогу дать Вам об этом более точные сведения. (...)

Сегодня на занятиях я рассказывал о Вашем блестящем открытии относительно *соломя* в бесценном татищевском варианте Ипатьевской летописи, который был утрачен при пожаре⁵³. Интересно, что в третьей рукописи Ипатьевской летописи,

Хлебниковском списке, также встречается форма *соломя*, которая в словаре Срезневского дана как *шоломя*.

17. *Якобсон – Соловьеву*

5 января 1953 г.

⟨...⟩ Рад сообщить Вам, что кафедра славянских языков и литератур Гарвардского университета получила возможность начать новую серию изданий под названием "Русская эпическая традиция". Первый выпуск, который скоро будет сдан в печать, посвящен самым ранним переводам "Слова": в него войдет присланная Вами работа [67], а также дополняющая ее моя статья о переводе Белосельского [80]. Согласно Вашим пожеланиям, Ваша статья будет опубликована по-русски, так же, впрочем, как и моя.

В качестве второго и третьего выпуска планируется опубликовать реконструкцию оригинального текста "Задонщины", которую готовит мой семинар⁵⁴, и исчерпывающий словарь "Слова" в сопоставлении с "Задонщиной" и другими древнерусскими текстами, составителем которого является Таня Чижевская [83]. Это ее докторская диссертация. ⟨...⟩

18. *Якобсон – Соловьеву*

11 сентября 1953 г.

⟨...⟩ Ваша работа о курянах появилась, как Вы знаете, в первом томе "Harvard Slavic Studies", и я полагаю, что Вы получили как сборник, так и оттиски [27]. Ваша статья о переводах "Слова" в Екатерининском списке и в первом издании [67] находится в печати вместе с моей дополняющей ее статьей о переводе в рукописи Белосельского [80]; обе работы появятся по-русски и составят первый выпуск серии "Русская эпическая традиция", которая выходит под грифом нашей кафедры.

⟨...⟩ Ваши "куряне" всем специалистам показали очень убедительными. Мы начали издавать новый ежегодник по славянской филологии "Slavic Word"⁵⁵, и я шлю Вам ряд моих оттисков.

19. *Соловьев – Якобсону*

2 ноября 1953 г.

⟨...⟩ Общения с профессорами никакого нет, библиотека бедная. Вы пишете, что будете печатать мою статью о "Первом переводе Слова (о полку) Иг(ореве)" [67]. Это меня не радует, п(отому) ч(то) я увидел, что А. Мазон писал об этом в "R(evue des) E(tudes) S(laves)", 1944 [84]; этого года нет в здешней библи(отеке), я его поручил искать по всем швейцарским библи(отекам) – нигде нет. И получится статья, в кот(орой) я не знаю того, что было сказано на эту тему десять лет тому назад!

Если будете все-таки печатать (нельзя ли прибавить ссылку на Мазона и его данные?) ⟨...⟩

20 ноября 1953 г.

⟨...⟩ С трудом выписал "R(евue des) E(tudes) S(laves)" XXI из Базеля, прочел статью А. Мазона "Le slovo d'Igor V-VI" [84] и вижу, что мою статью о переводах "Слова" *нельзя печатать*:

1) Статья Мазона очень поверхностно говорит о переводе и его подготовке, но он утверждает, что Екат(ерининский) перевод сделал М(усин)-Пушкин *сам* (или с какими-то "collaborateurs") и только в 1797 г., переехав в Москву, узнал, что копия "Слова" попала к А.Ф. Малиновскому ("qu'il y a eu une fuite") и тогда пригласил его к участию, а позднее – Бантыш-Каменского. При этом Мазон ссылается на "Сын отечества" 1839, где помещены воспоминания или письма М(усина)-Пушкина [85]. Мне это недоступно.

Между тем, моя статья построена на том, что Б(антыш)-Каменский был уже сотрудником перевода 1795 г., но доказать этого я не могу. Значит, моя статья *не годится*.

2) У меня много места уделено кн. А. Бел(осельскому)-Белозерскому, кот(орому), как я думаю, М(усин)-Пушкин послал копию "Слова". Между тем у Мазона я вижу, что Б(елосельский)-Бел(озерский) имел лишь попытку *перевода*, кот(орый) он чуть ли не сам сделал, а оригинал затерялся у Ник. Мих. Карамзина. Значит это было гораздо позже 1795 г., и мое рассуждение о Б(антыш)-К(аменском) *никуда не годится*. А виллу в Риме его дочь З.А. Волконская купила лишь в 1830 году; опять я ошибся.

Вообще ясно, что заниматься р(усской) лит(ературой), сидя в Женеве, – *нельзя*: не хватает основных пособий. Всегда буду попадать впросак. И в обеих статьях о "Слове о гибели" у меня есть промахи – не согласована одна с другою.

Поэтому, *не печатайте* моей статьи, пришлите мне ее обратно. Надо ее как-то согласовать с данными Мазона, иначе – будет скандал.

Не можете ли Вы выяснить, был ли М(усин)-Пушкин знаком с Б(антыш)-Кам(енским) до 1797 г. (до переезда в Москву) и кто помогал ему в издании "Р(усской) Правды" и "Поучения Вл(адимира) Мон(омаха)". Это важно для генезиса перевода "Слова" и его издания.

Верните мне статью и напишите мне, ради Бога!

21. Якобсон – Соловьеву

16 февраля 1954 г.

⟨...⟩ Я отвечу на Ваши вопросы несколько позже. Сейчас высылаю Вам авиапочтой корректуру Вашей статьи и прошу Вас вернуть ее через несколько дней, иначе мы будем вынуждены вернуть в издательство корректуру без Вашей правки. Как видите, я принял во внимание Ваши пожелания сделать менее категоричными формулировки об участии Бантыш-(Каменского) в работе над "Словом" на более раннем этапе (учитывая воспроизведенное в "Сыне отечества" неоднозначное высказывание Мусина-Пушкина). Мне кажется, однако, что Ваша оценка этих не вполне ясных данных слишком высока. Рад, что наша книжка вскоре появится и нахожу Вашу статью весьма стимулирующей ⟨...⟩.

22. Соловьев – Якобсону⁵⁶

7 марта 1954 г.

⟨...⟩ Мне очень приятно, что это будет отдельный выпуск по-русски и даже с двумя иллюстрациями. Ваша статья очень интересна по внимательному методу исследо-

вания; как жаль, что не опубликована "VI-я тетрадь Малиновского", о кот(орой) упоминает М.Н. Сперанский [69] и где был один из первых переводов. Опечаток очень много (я позволил себе исправить пропущенные и в Вашей статье и поправил 2–3 вопроса(ельных) знака); хорошо, что я обнаружил пропуск двух строк на пред-посл(едней) странице моей статьи. Придется Вам еще повозиться с последней корректурой.

17 января я, по желанию М.М. Карп(овича)⁵⁷, послал ему значительно пополненную статью об авторе "Слова" (= Кочкарь), под псевдонимом, но ответа от М.М. еще не получил [33] (...).

23. Якобсон – Соловьеву

26 июня 1956 г.

(...) Получили ли Вы второй выпуск нашей серии "Русская эпическая традиция", монографию Ю. Бешаровой об образах в "Слове о полку Игореве" в свете византийско-славянской поэтической традиции? [81] Если нет, сообщите, и я Вам вышлю. Два следующих выпуска сейчас готовятся: "Словарь" Т. Чижевской [83] и моя реконструкция оригинального текста "Задонщины".

24. Соловьев – Якобсону

9 июля 1956 г.

(...) Книжку Бешаровой о стилистике "Слова" получил [81]. У нее очень интересные и тонкие наблюдения над богатством метафор у поэта; но привлекать сюда Хиробоска едва ли следовало. Перевод в "Изборнике" Святослава настолько безграмотен и непонятен (она стыдливо не напечатала его по-славянски, а ограничилась неудобочитаемыми фотоснимками), что певец "Слова", если бы даже попробовал его прочесть, ничего бы из него не вынес. Просто он пользовался всеми художественными приемами, будучи талантом и не зная вовсе, как они называются: "Il faisait de la poésie (pas de la prose) sans le savoir"⁵⁸.

С особым интересом жду словарь к "Слову" Т.Д. Чижевской [83] и Вашу реконструкцию "Задонщины". Это весьма трудное дело, и я рад, что именно Вы за него взялись и сделаете его прекрасно.

В XIII-м томе "Трудов отд(ела) др(евне)-р(усской) лит(ературы) должна появиться моя рецензия на Поджиоли и Нахтигала ("Два новых перевода Слова")⁵⁹; с Нахтигалем я не согласен – реконструкция фантастическая! Упоминаю там и Ваше блестящее уничтожение "стрикусов"⁶⁰.

Слышал, что Вы были в Москве и поздравляю Вас с этим⁶¹. Со мной советские весьма любезны⁶², несмотря на мою "измену родине". В "Виз(антийский) Врем(енник)" дал большую статью "Визант(ийское) имя России". (...) [91].

25. Якобсон – А.В. Соловьеву

18 июля 1956 г.

(...) Рад, что Вам понравилась книга Бешаровой [81], но не согласен с Вашей низкой оценкой церковнославянской версии Хиробоска. С нетерпением ожидаю

выхода Вашей русской работы, которая должна быть опубликована в Москве [91]. Я тоже обещал им несколько статей. Там начинается ренессанс культурной жизни, и науки в частности. Надеюсь, что этот новый этап продолжится. Мои друзья и коллеги приняли меня очень сердечно. Хочется думать, что в настоящее время ничто не может воспрепятствовать научному сотрудничеству Запада и Востока. (...)

26. Якобсон – Соловьеву

10 ноября 1956 г.

(...) Большое спасибо за Ваши пожелания к моему шестидесятилетию и особенно за очень интересную работу, которую Вы столь любезно представили в мой фestschrift [36]. Вы знаете, что я не очень склонен к конъектурам относительно "Ходьни" и в недавней своей работе о наших исследованиях "Слова", которую я написал для сборника в честь Адриановой-Перетц [34], я выступаю за чтение "и про сына"⁶³. Однако мне очень понравилось Ваше толкование отсылки к Ярославу. Оно, кажется, окончательно решает эту проблему. (...)

27. Соловьев – Якобсону

20 октября 1960 г.

Дорогой Роман Осипович,

Наша переписка давно оборвалась, может быть по моей вине. Я в конце 1958 г. послал Вам отгиск "Заметок к Слову о погигбели" [92], но от Вас отгисков не получал.

Я написал еще для "Трудов ОДРЛ" статью, доказывающую, что "Слово о житии и преставлении Димитрия Донского" принадлежит Епифанию Премудрому; она появится в 1961 г. [93] (...)

Обращаюсь к Вам за советом. Д.С. Лихачев пригласил меня участвовать в "Сборнике в защиту Слова о п(олку) Иг(ореве)"⁶⁴. Собственно говоря, им просто следовало перевести Ваш исчерпывающий ответ Мазону 1947 года [45]⁶⁵. Но что поделаешь, когда Мазон не унимается и нашел союзника в лице старого акад(емика) В. Ташицкого⁶⁶? Ответили ли Вы ему?⁶⁷ По-моему, статья в R(евue des é(tudes) s(laves) 1959 поверхностна и даже недобросовестна: Ташицкий не сравнил "Слово" с Ипатьевской летописью. Я это сделал и нашел 40 случаев отчеств на *-славичь*; под 1198 г. именно "Игорь Святославичь". Сравнение с сербскими отчествами на *-слаличь*, *славльвић* указывает, что образование отчеств от притяж(ательных) прилагат(ельных)-*славль*, *слаль* вовсе не "куръез", а столь же закономерное явление, как формы на *-славичь* (даже последние можно считать "диссимилятивным падением -л", известным уже с XI в. – "благословен" и т.п. см. Кульбакин [98], Meillet [99], Vondrak [100]). Одним словом, лишний раз видим, что язык "Слова" близок к языку Ипатьевской и что это, может быть, местное чернигово-северное архаическое наречие.

Статью я уже написал и послал Д.С. Лихачеву⁶⁸. Но укажите мне пожалуйста, кто в русских истор(ических) грамматиках писал об этом образовании отчеств (нет ли у Буслаева или др.?). У меня тут их нет. То, что Миклошич писал в *Denkschriften* IX и X (1859) очень кратко и неубедительно⁶⁹. Если желаете, могу Вам послать копию моей рукописи на прочтение. Посылаю Вам простой почтой два отгиска. (...)

21 декабря 1961 г.

⟨...⟩ Очень жаль, что я не получил Вашего письма с замечаниями о Ташицком. Моя статья [101] неизвестно когда появится; корректур я еще не получал. Рад, что Вы ему ответите в сборнике в честь Лер-Сплавинского⁷⁰. Статья Ташицкого [95] просто недобросовестна: он не потрудился заглянуть в Ипатьевскую летопись, где я насчитал 40 случаев отчеств на *-вличь* в XII веке, в том числе "Игорь Святъславличъ" в записи о его смерти 1202 г. Да и сербские параллели: "Гоислаличъ, Будисавъевичъ" знаменательны. Это, может быть, древнее отчеств на *вичь* или параллельно им. ⟨...⟩

22 ноября 1962 г.

⟨...⟩ Две недели тому назад я был в Мюнхене на съезде Südost-Europa Gesellschaft, видел там В.Р. Кипарского⁷¹. Он сказал мне, что получил Ваш ответ В. Ташицкому (напечатанный по-польски) об отчествах на *-славличь* [97]. Не откажите прислать мне оттиск; мне было бы интересно сравнить его с моими "Русичами" [101]. Сейчас узнал от Дж. Радойичича⁷², что редкая форма "Гръчичи" встретилась ему в сербском тексте XIII в. – переводе письма пресв(итера) Иоанна Индийского царю Мануилу.

Представьте себе, Кипарский (так же как и Унбегаун) продолжают поддакивать Мазону и самоуверенно – поверхностно считать "Слово о п(олку) Иг(орева)" подделкой. Кипарский обмолвился: "Его мог подделать патриотический монах XVI-ого века! Иоанн Грозный очень интересовался своей генеалогией!" Что поделать с такими развязными заявлениями? (А ведь в Степенной книге даже *нет* имени Игоря в кратком рассказе о походе Ольговичей; Иван Грозный был Мономахович!). Но что поделать с людьми, хотящими показать себя более "критически-проницательными", чем простые смертные! ⟨...⟩

22 марта 1963 г.

⟨...⟩ Получил ваше письмо от 3 марта и очень рад, что Вы сдали в печать свои "Slavic Epic Studies" [104]; я могу их выписать от Мутона. ⟨...⟩

На днях пришлю Вам для "Intern(ational) Journal of Slavic Linguistics" рецензию на прекрасное издание "Слова" митр(ополита) Илариона Луд(ольфа) Мюллера⁷⁴ [105] и статейку "Боян и Игорь в Слове и Задонщине" [106]. Мысль моя очень проста: странное упоминание, как объектов "славы" Бояна, неудачливого Игоря Рюриковича и з(абытого) в XV в. Святослава II Ярославича (в(еликий) кн(язь) 1073–1076) в Кир(илло)-Белоз(ерском) списке "Задонщины" объясняется тем, что иерей Софоний имел перед глазами "Слово"; отсюда он взял Свят(ослава) Яр(ослави)ча (ст. 209) и имя Игоря, все время звучавшее в его сознании (или подсознании). Все позднейшие р(укопи)си Зад(онщины) выпустили имя Святосл(ава) Яр(ослави)ча и исказили имя Бояна. У Л. Мюллера (стр. 180) копия рисунка из Мусин-Пушк(инской) р(укопи)си "Сл(ова) Илар(иона)" 1414, где ясно читается: "с т (титла) ъ с л а в л и ц ю ". Это любопытно. Рукопись тоже сгорела. ⟨...⟩

29 марта 1963 г.

(...) Сегодня высылаю Вам одновременно (воздушной почтой) мою статью: "Le rhapsode Bojan et le prince Igor dans le Dit et la Zadoňčina" [106]. Очень было бы приятно, если бы Вы могли напечатать в "International Journal of Slavic Linguistics and Poetics".

Конечно, предоставляю Вам полное право исправить стиль, сократить или пополнить, если найдете нужным. Заглавие можно сократить.

Хорошо было бы ее дать еще перестукать, поставив на место примечание на стр. 5-й, 6-7-й, 9-й, 13-й и 14-й.

Не могу найти в своих заметках точных цитат для митр. Евгения (стр. 10-я) и слов Витовта (стр. 8-я); но это легко будет дополнить в корректуре или еще раньше.

Appendice (стр. 14–15) можете не печатать, если рассуждение Вам покажется сомнительным⁷⁵.

На-днях пришлю Вам рецензию на очень хорошее издание Илариона von Ludolf Müller [105]. (...)

P.S. Н.Е. Андреев⁷⁶ пишет мне из Кембриджа, что Е.Ф. Хилль⁷⁷ (мазонистка!) сообщила ему, что в Москве вышла работа доказывающая, что "Слово о полку Игореве" подделка Мусина-Пушкина. Слыхали ли Вы что-либо об этом?⁷⁸ Я запросил Позднева⁷⁹ в Москве, но не знаю, получу ли ответ.

32. Соловьев – Якобсону

17 июня 1963 г.

Дорогой Роман Осипович, откликнитесь! Я Вам писал три раза; послал Вам в конце апреля заказным мал(енькую) статью о "Рапсодe Бояне и кн(язе) Игоре в Зад(онщине)" [106], но ответа не получил. В последнем письме я Вам обещал послать рецензию на Людольфа Мюллера ("Иларион"), но на следующий день случилось несчастье: за письменным столом я почувствовал страшное головокружение, рвоту и полную слабость. Меня перевели сейчас же в больницу: оказалось небольшое кровоизлияние в мозг. Делали много уколов и снимков; пролежал там две недели, но руки и ноги действуют. Затем месяц уже нахожусь дома, но все еще больше в постели, хожу-брожу иногда, но все еще слабость и заниматься нельзя. С трудом пишу письма. Поэтому не поеду ни на съезд в Зальцбурге 12–16 июня, ни в Болгарию в сентябре⁸⁰, о чем очень сожалею.

Вы наверно слышали о докладе А.А. Зимина в Пушк(инском) доме: повторяет зады Мазона и Фрчека о том, что "Слово" подделано на основании пространной редакции "Зад(онщины)", а что краткая ред(акция) древнее. Между тем, я, лежа в постели, еще раз пересмотрел "Зад(онщину)" по изданию Фрчека и нашел почти 40 случаев, где краткая (Белоз(ерская)) редакция "Зад(онщины)" ближе к "Слову", чем пространная. Ясно, что обе исходят из "Слова". Очень жду, чтобы Зимин напечатал свою книжку. Жаль, если ему отсоветуют: тогда Мазон и мазонисты будут говорить, что ему запретили провозгласить "истину, несогласную с официозом" и т.п. К сожалению, и Унбегаун и Кипарский на стороне Мазона; я им писал весной, но затем бросил. Все равно не переубедишь самоуверенных людей. (...)

33. Соловьев – Якобсону

12 июля 1963 г.

(...) Мне очень интересно Ваше издание "Задонщины" [82] (...)

Весьма рад тому, что мой "Rhapsode Bojan" [106] Вам понравился и что Вы его напечатаете. Сейчас я еще не могу заниматься серьезно, но на днях примусь за ре-

цензию на Л. Мюллера и пришло еe Вам для № 8-го. Кстати, заметили ли Вы, что Мусин-Пушкин имел счастье найти древнейший список "Слова о законе и благодати" митр(ополита) Илариона (1414 г.), но он его даже не издал, и рукопись *сгорела*, как р(укопи)сь "Слова". Сохранилась лишь копия на прозрачной бумаге, снятая Ермоловым, и по к(о)т(орой) в 1806 г. Оленин опубликовал страницу с миниатюрой и заглавием; самое же произведение XI века М(усин)-Пушкин так и не собрался напечатать, и лишь в 1844 это "Слово" опубликовал Горский (по другому списку). Это я непременно отмечу в рецензии, ибо ясно, что ценнейшие находки (Поучение Вл(адимира), Слово о полку) Игореве, Дигенис, Слово митр(ополита) Илариона) сами шли в руки М(усина)-Пушкина, а у него даже не было охоты все их опубликовать.

Что касается Зимина, я тоже вижу, что это не серьезная попытка. Н.Е. Андреев писал мне 31 мая, что видел в Оксфорде М.П. Алексеева, к(о)т(орый) сообщил ему, что "ак(адеми)ки Виноградов и Тихомиров считают текст Зимина слабым, но решение, печатать ли его работу, пока что не вынесено (из-за шума вокруг этого вопроса)". Я сейчас же написал Д.С. Лихачеву, прося его написать Вин(оградову) и Тих(омирову), что книгу Зимина непременно *надо напечатать*, а то мазонисты будут говорить, что ему зажали рот и не позволили "разоблачить ложь официальной доктрины" и т.п. Надо напечатать, чтобы можно было раскритиковать Зимина.

Я еще не занимаюсь, но, лежа в постели, я еще раз пересмотрел списки "Задонщины" (по Фрчеку) и убедился, наперекор легкомыслию Мазона, что краткая (К(ирилло)-Бел(озерская)) редакция "Задонщины" в *сорока* выражениях ближе к "Слову", чем пространная. Об этом могу быстро написать небольшую статью, но где опубликовать? Нельзя ли в "Harvard Slavic Studies"? Могу ее написать по-франц(узски) или по-русски [107].

Еще раньше я исследовал "Словарный фонд Слова и Задонщины". Получается, что пространная "Зад(онщина)" (Унд(ольский список)) имеет 2650 слов, а "Слово" – 2270; значит они почти равны. Но многие слова повторяются; на самом деле в "Задонщине" всего 567 слов, а в "Слове" – 927, т.е. на 63% больше! Бедность языка "Задонщины" особенно видна, если сравнивать *главные* части речи:

В Зад. – 188 глаголов,	в Слове – 295,	из них лишь 75 общих
» 194 существ(ительных),	» – 300,	из них 120 общих
» 48 прилаг(ательных),	» – 101,	» 28 общих
—————	—————	—————
430	696	223

Следовательно, фальсификатор прибавил от себя 220 глаголов, 180 существительных и 83 прилагательных, которых он не нашел в "Задонщине", т.е. взяв из "Зад(онщины)" 223 таких слов, он прибавил от себя 473, т.е. на 220% больше, и почти все эти слова он должен был взять из неизвестных рукописей (Ипатьевской летописи, Изборника Святослава, Остромирова евангелия)). Если Вы сами не набрали на эту мысль, то могу Вам прислать об этом статью. Здесь негде печататься, а по-немецки писать не хочется. (...)⁸¹

Где Vaillant⁸² напечатал статью о "шеломени" [109]?

34. Соловьев – Якобсону

20 ноября 1966 г.

(...) Очень хорош сборник "Слово о полку Игореве и памятники Кулик(овского) цикла [110]. В.П. Адрианова-Перетц еще раз доказала, что вся фразеология "Слова"

коренится в пам(ятниках) XII века [111], а статья Р.П. Дмитриевой [112] объясняет "редакторские приемы" иг(умена) Ефросина; я согласен с ней, что К(ирилло)-Б(елозерская) версия просто "сокращенная", по лучшему протографу. Неубедительна статья М.А. Салминой [113]: никакого влияния "Летописной повести" на "Задонщину" усмотреть нельзя – "Зад(онщина) сложена в конце 1380, когда еще не было известно о смерти Мамаю, а Лет(описная) повесть (ок(оло) 1409) про его смерть рассказывает.

Ваши возражения А. Зимину и Мазону (S(elected) W(ritings) IV) [9–10] прекрасны, но что поделаешь с упрямыми? Чего только Мазон не написал в своем издании незаконченного наброска М.И. Успенского⁸³ [114]: "Slovo" – *cousin de Zatonščina*", и тут же И. Быковский!

Что Вы думаете о моем "Соломени / шеломяни" [77]? Мне было бы интересно знать Ваше мнение. (...)

35. Соловьев – Якобсону

13 мая 1968 г.

(...) Я рад, что и мой небольшой этюд попал в этот сборник [108]. Я его написал еще до получения "Глоссария" Т.Д. Чижевской [83]. Сейчас, внимательно изучив этот словарь, я вижу, что кое-что упустил и что словесная ткань "Слова" еще несколько богаче: теперь я насчитал в четырех главных частях речи 726, а не 706 слов. Но конечно, вполне точно установить их число трудно, ибо всегда останутся спорные конъектуры: напр. "съду токъ" или "съ Дудуток", "ходы на" или "Ходына", "кладнику" или "кликну" и т.п. Считаю, что словарь Т.Д. Чижевской гораздо лучше "Словаря-справочника" АН СССР, дающего слишком много лишних значений слов и лишних примеров⁸⁴. Большим достоинством словаря Т.Д. является то, что на первом месте она дает параллели из "Задонщины" и этим подчеркивает бедность словаря последней. (...)

36. Соловьев – Якобсону

8 мая 1970 г.

(...) Заметили ли Вы, что имя *Велес* (Велесов внук) в "Слове" – это одно из многих доказательств подлинности этого памятника?⁸⁵ Ведь в напечатанных в 18-м веке летописях (Радзив(иловской) и других) и у Татищева была лишь форма: "*Волось скотий богъ*", а форма "*Велесь*" появилась лишь в "*Хождении Богородицы по мукам*", впервые напечатанном в 1864 году⁸⁶. Поддельщик конца XVIII-го века должен был бы написать «"Волосов" внуче».

Таким же доказательством является и собств(енное) имя "Гза / Гзакъ". У Татищева (изд. 1773 г., т. II, 267–269) [75] он назван: "Гзя", в Ипат(ьевской) л(етописи) он "Кза / Коза" (1168 и 1185 г.); между тем автор "Слова" пользуется третьей формой, которая ближе к Ипатьевской (очевидно: Къза / Гза – ассимиляция глухой перед звонкой, с падением полугласной, как "къде / где" уже в примере 1219 г. у А. Соболевского стр. 103) [118].

Доказательств подлинности "Слова" сколько угодно. Но "скептики" не унимаются. Сомневаются и Б.Г. Унбегаун и А.В. Исаченко (сейчас в С(ан)-Франциско). А молодой проф(ессор) Charles A. Moser⁸⁷, ставший шефом кафедры слав(истики) в George

Washington Univ(ersity), дал мне копию своей статьи, которую он собирается печатать [119]. Он старается доказать, что "Слово" подделал архитектор Н.А. Львов (+ 1803 г.), издавший, между прочим, "Львовскую летопись" (ПСРЛет, т. XX).

Статья весьма поверхностная, но самоуверенная.

37. Соловьев – Якобсону⁸⁸

17 ноября 1970 г.

Дорогой Роман Осипович, я до сих пор в восхищении от Вашей великолепной статьи о Велесе [116]. Кстати, призыв: "О Бояне, *Велесов* внуче" еще одно из многочисленных доказательств подлинности "Слова о полку Игореве". Ведь в XVIII-м веке были лишь известны формы: "Волось"; см. "Летопись Несторова" с прод(олжением) по Кенигсбергскому списку. СПб., 1767, под 910 г.: "И Перуном богом своим и Волосом, скотьым богом", и под 971 г. "в Перуна и в Волоса скотья бога, да будет подобен злату". Совсем так же и в печ(атной) "Истории Российской" Татищева, т. 2-й, 1773 (переиздание 1963 г.) [120. С. 37]¹. Собирались приехать опять в Вашингтон, где у нас родился внук, но я с июля серьезно заболел, больше месяца пролежал, а теперь все больше лежу дома. Ведь мне уже исполнилось 80 лет, а все не верится – хочется еще жить!

Шлю Вам самые сердечные пожелания здоровья и всяческих успехов в жизни.

Искренне Вам преданный

А. Соловьев

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Об этой студенческой работе, в настоящее время готовящейся нами к печати, вспоминает Л.А. Творогов в письме Якобсону от 23 октября 1956 г.: «(...) лет 35 тому назад одна из Ваших ненапечатанных работ дала мне новое направление в моем исследовании известного нам текста "Слова о полку Игореве" (...). Я имею в виду Ваш рукописный разбор исследования проф. Н.М. Каринского о языке писца т(ак) наз(ываемой) Мусин-Пушкинской рукописи, содержащей в себе текст "Слова"» (Institute Archives and Special Collections, Massachusetts Institute of Technology, Manuscript Collection [MC] 72 [Roman Jakobson Papers], Box 119, Folder 81). В дальнейшем ссылки на этот фонд даются в сокращенном виде; публикуемые ниже материалы из него печатаются с разрешения архива и Фонда Якобсона (The Roman Jakobson and Krystyna Pomorska Jakobson Foundation).

² Literární archiv památníku Národního písemnictví v Praze; E.A. Ljackij pozůstalost, box 2. Датируется по почтовому штемпелю. За предоставление этого текста сердечно признательны Р. Янгирову. За помощь, оказанную при подготовке публикации, выражаем благодарность Р. Дэвису (Leeds University) и особенно – А.А. Соловьеву (Вашингтон).

³ См. об этом [12. С. 191. Прим. 74]. Гневный текст Якобсона по поводу этой статьи вызвал недоумение бельгийского ученого, о чем в достаточно тактичной форме ему сообщил Б. Унбегаун (1898–1963) (в этот период преподававший в Страсбурге): «В мой последний приезд в Брюссель Грегуар показал мне Ваше письмо, написанное под свежим впечатлением его рецензии в "Фламбо" [13]. Он совершенно не ожидал получить от Вас подобное письмо, и я его понимаю. Ведь в рецензии Вам воздается должное, и значение коллективного труда о "Слове" нисколько не умаляется. Но ведь Грегуар не мог же беспрестанно хвалить работу, в которой он

¹ Форма "Велес" была найдена лишь в 1860 г. Н. Тихонравовым в "Житии Авраамия Ростовского" (Памятн(ики) др(евне)-р(усской) литературы)⁸⁹.

сам принимал большое участие; такое самовосхваление произвело бы очень невыгодное впечатление. Что же касается его замечаний о тоне, в котором написано Ваше исследование, то тут недоразумение заключается в различных традициях литературной критики. Тон Вашей полемики, совершенно обычный в средневропейских публикациях, действительно, довольно редок во французской практике, и поэтому вызывает недоумение у французского читателя. А признаки подобной реакции мне уже пришлось кое-где зарегистрировать: люди, которых коробит Ваш тон, невольно начинают испытывать некоторое сочувствие к Мазону, даже в том случае, если они не согласны с его взглядами. Жаль, что в Америке Вам своевременно не указали на эту сторону Вашего труда; правда, всего не учесть» (Письмо от 5 июля 1948 г. – Вох 46, Folder 46).

⁴ Подлинник по-английски. Здесь и в других случаях перевод наш – Х.Б., Е.Д.

⁵ В библиографии Соловьева не вошли его газетные статьи.

⁶ Вох 46, Folder 32. Подлинник по-английски.

⁷ Г. Лант (род. 1918) – американский лингвист, славист.

⁸ А. Лорд (1912–1991) – американский фольклорист, славист.

⁹ Б. Крейдер (Kraeger, урожд. Lattimer, род. 1922) – американский этномузыколог, специалистка по славянской и балканской народной музыке.

¹⁰ Вох 43, Folder 9. Подлинник по-английски.

¹¹ Письмо от 18 марта 1952 г. Этот текст и другие письма, цитирующиеся во вступлении к настоящей публикации – Вох 46, Folder 18.

¹² Там же.

¹³ Письмо от 4 июня 1952 г.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Письмо от 11 июля 1952 г.

¹⁶ Открытка от 8 декабря 1952 г. Подлинник по-французски.

¹⁷ Письмо от 2 ноября 1953 г.

¹⁸ Письмо от 20 ноября 1953 г.

¹⁹ Открытка от 7 марта 1954 г.

²⁰ Письмо от 20 ноября 1953 г.

²¹ Несколько лет спустя Соловьев напишет биографическую статью о Карцевском для книги, посвященной истории Женевского университета [23].

²² Открытка от 15 декабря 1955 г.

²³ Письмо от 21 декабря 1961 г.

²⁴ Письмо от 20 октября 1960 г.

²⁵ Письмо от 21 декабря 1961 г. О работе Соловьева над этими изданиями см. [26].

²⁶ Открытка от 15 декабря 1955 г.

²⁷ Письмо от 8 мая 1970 г.

²⁸ "Слово о погибели" цитируется и в известной ранней работе о термине "Святая Русь" [29].

²⁹ Псевдоним был раскрыт в библиографии [17] (см. также [16. С. 168]).

³⁰ Открытка. Адрес отправителя: Dr. A. Solovjev, Sarajevo, ul. Fra Jukića 1.

³¹ А.В. Исаченко (1910–1978) – лингвист, славист; в это время работал в Чехословакии.

³² Книга "Русский средневековый эпос" не была издана [16. С. 362].

³³ Ян Фрчек (1896–1942) – чешский славист, казненный во время оккупации; его критическое издание "Задонщины" вышло посмертно [40]. Странник позиции А. Мазона относительно взаимоотношения "Слова" и "Задонщины".

³⁴ Скорее всего, речь идет о [41].

³⁵ М. Шефтель (1902–1985) – специалист по истории России, профессор Корнельского и Вашингтонского университетов.

³⁶ Г.В. Вернадский (1887–1972) – историк, участник евразийского движения, с 1927 г. профессор Йельского университета.

³⁷ А.В. Флоровский (1884–1968) – историк, с 1923 года жил в Праге, после войны возглавил Институт им. Н.П. Кондакова.

³⁸ Соловьев послал Флоровскому статью "Вопрос о двух редакциях Задонщины" [46. С. 162]. Запланированный том "Анналов" не вышел.

- ³⁹ И.И. Голенищев-Кутузов (1904–1969) – специалист по романской и славянской филологии, компаративист.
- ⁴⁰ П.М. Бицилли (1879–1953) – историк и теоретик литературы.
- ⁴¹ А. Зайончковский (1903–1970) – польский тюрколог, арабист.
- ⁴² К. Менгес (1908–1999) – лингвист, в то время профессор Колумбийского университета, впоследствии – Венского университета.
- ⁴³ См. в письме к П.А. Бессонову от 14 декабря 1860 г.: "Заметьте еще связь между Вольгой и змеем. Вольга родится от змея и целью своей жизни поставляет отомстить змею за мать. Олег умирает от змея. Волхов, сын Словсна, превращается в змея и *садится в бога*. Место погребения – *Перынь*, сам он выдает себя за *Перуна* и погибает от бесов, т.е. тоже от змея. Быть может, Волхов и Вольга – одна из ипостасей Перуна. Позднейшее предание приурочило его свойства к вешему Олегу, а народная поэзия сохранила о нем память, как о богатыре Вольге". Цит. по: [64. Т. 3. С. 234].
- ⁴⁴ Имеется в виду диссертация Jacqueline A. De la Chevrelière, "Etude sur le Themes Chretiens dans quelques bylines du cycle de Kiev" (Radcliffe College, 1951).
- ⁴⁵ Ф. Либ (1892–1970) – швейцарский богослов, славист; на основе его коллекции русских и славянских книг, подаренной университетской библиотеке в Базеле, была создана Bibliothek Lieb.
- ⁴⁶ Это издание не было осуществлено.
- ⁴⁷ Перевод А.Ф. Малиновского, как и материалы из его бумаг, был опубликован несколько лет спустя [72].
- ⁴⁸ По-видимому, речь идет о машинописной библиографии Якобсона.
- ⁴⁹ Роберт Гордон Уоссон (1898–1986) – приятель Якобсона, известный специалист по этно-микологии, финансист, в 1940-х–1950-х гг., активно способствовавший развитию славяноведения в США.
- ⁵⁰ Термину "шеломя" Соловьев впоследствии посвящает отдельную статью [77].
- ⁵¹ Ф. Дворник (1893–1975) – историк церкви, славист.
- ⁵² Работа Соловьева в этот сборник не вошла.
- ⁵³ См. письмо № 13.
- ⁵⁴ Вторым выпуском в этой серии оказалась монография Ю. Бешаровой [81]; реконструкция "Задонщины" была опубликована Якобсоном и Д. Вортом лишь через десять лет [82].
- ⁵⁵ Вышло четыре выпуска этого ежегодника (1952–1955), издававшегося в качестве приложения к нью-йоркскому лингвистическому журналу "Word".
- ⁵⁶ Открытка.
- ⁵⁷ М.М. Карпович (1888–1959) – специалист по истории России, один из основателей славистики в США, с 1946 по 1959 г. редактор нью-йоркского "Нового журнала".
- ⁵⁸ В своей книге ученица Якобсона Ю. Бешарова исследует и классифицирует поэтические образы "Слова", опираясь на трактат византийского грамматика IX в. Георгия Хиробоска. Более подробно см. [86].
- ⁵⁹ Речь идет о рецензиях [87, 89] на книги итальянского слависта Р. Поджиоли (1907–1963) [88] и словенского слависта Р. Нахтигала (1877–1958) [90].
- ⁶⁰ Имеется в виду предложенное Якобсоном прочтение фразы "утрь же возни стрикусы" [11. С. 240–241]. См. также [35. Т. 5. С. 71–72].
- ⁶¹ Впервые после 1920 г. Якобсон приехал в Москву на подготовительную встречу IV Международного съезда славистов в мае 1956 г.
- ⁶² Начиная с послевоенных лет, Соловьев регулярно печатался в советских изданиях.
- ⁶³ В своей статье Соловьев интерпретирует одно из "темных мест" в "Слове", "Рекъ Боян и ходы на Святъславля песнтворца...", как "рек Боян и Ходына", т.е. два певца Святослава; Якобсон же выступает за прочтение "Рек Боянъ и про сына Святославля".
- ⁶⁴ Имеется в виду сборник [79].
- ⁶⁵ Ошибочно указана дата коллективной монографии [11].
- ⁶⁶ В. Ташицкий (1898–1979) – польский лингвист, славист. Речь идет о его статье [95].
- ⁶⁷ Якобсон ответил Ташицкому в статье [96]; вариант на польском языке был напечатан год спустя [97].

- ⁶⁸ Рассуждения Соловьева отражены в расширенном варианте [101] его ранней полемики с Б. Унбегауном [38].
- ⁶⁹ Имеются в виду работы [102–103] австрийского слависта Ф. Миклошича (1813–1891).
- ⁷⁰ Т. Лер-Сплавинский (1891–1965) – польский лингвист, славист.
- ⁷¹ В. Кипарский (1904–1983) – финский славист, лингвист; в это время был профессором в Берлине.
- ⁷² Дж.Сп. Радойичич (1905–1970) – югославский специалист по истории славян и древней славянской письменности.
- ⁷³ Открытка.
- ⁷⁴ Л. Мюллер (род. 1917) – немецкий славист, специалист по истории русской литературы, истории русской церкви. Рецензия Соловьева на его издание Илариона в журнале не появилась (см. письмо № 32).
- ⁷⁵ Приложение о слове "нелепо" в Кирилло-Белозерском списке "Задонщины" было напечатано.
- ⁷⁶ Н.Е. Андреев (1908–1982) – медиевист, искусствовед, с 1948 г. лектор Кембриджского университета.
- ⁷⁷ Э.Ф. Хилл (E.M. Hill, 1900–1996) – русист, профессор Кембриджского университета.
- ⁷⁸ В письме отражены слухи о докладе А.А. Зимина «К изучению "Слова о полку Игореве"» в ИРЛИ 23 февраля 1963 г.
- ⁷⁹ А.В. Позднеев (1891–1975) – специалист по славянским литературам, фольклору.
- ⁸⁰ Имеется в виду 5-й Международный съезд славистов в Софии (сентябрь 1963 г.).
- ⁸¹ Статья [108] была опубликована в сборнике в честь Якобсона.
- ⁸² А. Вайян (1890–1977) – французский славист, занимал "скептическую" позицию по отношению к "Слову".
- ⁸³ М.И. Успенский (1866–1942) – историк, этнограф, краевед.
- ⁸⁴ Ко времени написания данного письма вышло два первых выпуска "Словаря-справочника" [115].
- ⁸⁵ Соображения Соловьева о Велесе в этом и следующем письме вызваны статьей Якобсона [116].
- ⁸⁶ Ошибка Соловьева: "Хождение Богородицы по мукам" было впервые напечатано в 1863 г. [117].
- ⁸⁷ Ч. Мозер (род. 1935) – американский литературовед, специалист по русской и болгарской литературе.
- ⁸⁸ Открытка.
- ⁸⁹ Ошибка Соловьева: имеется в виду [117].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Еремин С.* Бумаги акад. А.А. Шахматова // ИОРЯС. 1929. № 2. С. 682.
2. *Jakobson R.* "Pesma o vojevanju Igorevu" // Slavische Rundschau. 1931. № 3. S. 617–618.
3. *Jakobson R.* Andre Vaillant. Les chants épiques des Slaves du sud // Byzantinoslavica. Praha. 1932. 4. P. 194–202 (рец.).
4. *Mazon A.* Chronique: Publications // Revue des études slaves. V. 1925. P. 124.
5. *Mazon A.* Le Slovo d'Igor. Paris, 1940.
6. *Jakobson R.* Spor duše s tělem: O nebezpečném času smrti. Praha, 1927.
7. *Jakobson R.* Nejstarší české písně duchovní. Praha, 1929.
8. *Jakobson R.* Pravost Slova o pluku Igoreve // Lidové noviny. 1937. 10 December.
9. *Jakobson R.* Retrospect // *Jakobson R.* Selected Writings. Vol. 4: Slavic Epic Studies. The Hague; Paris, 1966. P. 635–704.
10. *Jakobson R.* Postscript // *Jakobson R.* Selected Writings. Vol. 4. P. 738–751.
11. La Geste du Prince Igor', épopée russe du XIIe siècle. Texte établi, traduit et commenté sous la direction de Henri Grégoire, R. Jakobson and M. Szeftel. Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves, t. 8 (1945–1947). École libre des Hautes Études, à New York. Université Libre de Bruxelles. New York, 1948.

12. Переписка С.И. Карцевского и Р.О. Якобсона / Вступ. статья, публикация и примечания Х. Барана, Е.В. Душечкиной // Роман Якобсон: тексты, документы, исследования. М., 1999. С. 175–191.
13. *Gregoire H.* La Geste du Prince Igor. Un faux ... di XIIe siècle // *Le Flambeau. Revue belge des questions politiques et littéraires.* 1948. Т. 31. № 1. P. 93–103.
14. *Meyendorff J.* Introduction // *Soloviev A.* Byzance et la formation d l'état russe. Recueil d'études. London, 1979. P. i-iii.
15. *Poppe A.* А.В. Соловьев, 1890–1971 // *Russia mediaevalis.* Tomus 1. München, 1973. P. 164–165.
16. *Паушто В.Т.* Русские историки эмигранты в Европе. М., 1992.
17. A Bibliography of the Publications of Dr. Alexander V. Soloviev, 1890–1971, Professor of the Universities of Belgrade, Sarajevo and Geneva / Compiled by Alexander A. Soloviev, Jr. // *Записки русской академической группы в США.* 1976. Т. 10. С. 221–229.
18. *Ostrogorsky G.* Alexander Soloviev (1890–1971) // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* Neue Folge. 1971. Band 19. S. 630–637.
19. *Andreyev N.* А.В. Соловьев (18 сентября 1890 г. – 15 января 1971 г.) // *Записки русской академической группы в США.* 1976. Т. 10. С. 215–220.
20. *Okiç M.T.* Balkanlarda Bogomilizm hareketi ve bunun bir arařtiricisi: Aleksandar Vasiljeviç Solovjev // *Islâm Tetkikleri Enstitüsü Dergisi = Review of the Institute of Islamic Studies (Istanbul).* 1973. Cilt V. P. 205.
21. *Аврамович С.* Житие и труды Александра Соловьева, корифея истории права // *Русская эмиграция в Югославии.* М., 1996. С. 237–250.
22. *Соловьев А.В.* Политический кругозор автора "Слова о полку Игореве" // *Исторические записки.* 1948. № 25. С. 71–103.
23. *Soloviev A.V.* Serge Karcevski // *Borgeau Ch.* Histoire de l'Université de Genève. Annexes. Historique des facultés et des instituts 1914–1956. Genève, 1959. P. 106–108.
24. *Dostoievski F.* Les ūvres littéraires / éd. établie par Alexandre V. Soloviev avec la collab. de Georges Haldas. Lausanne, 1959.
25. *Tolstoi L.* Les ūvres littéraires / éd. établie par Alexandre V. Soloviev avec la collab. de Georges Haldas. Lausanne, 1961–1962.
26. *Haldas G.* Conversations avec Alexandre V. Soloviev // *La Tribune de Genève.* 1971. № 21. 27 janvier.
27. *Solov'ev A.V.* New Traces of the *Igor Tale* in Old Russian Literature // *Harvard Slavic Studies.* Vol. 1. Cambridge, Mass., 1953. P. 73–81.
28. *Соловьев А.* Национальное сознание в русском прошлом // *Русская культура.* Белград, 1925. С. 41–69.
29. *Соловьев А.В.* Святая Русь (Очерк развития религиозно-общественной идеи) // *Сб. Рус. Археол. Об-ва в Королевстве СХС.* Белград, 1927. Т. 1. С. 77–112.
30. Заметки к "Слову о полку Игореве". Вып. 2. Белград, 1941 (*Seminarium Kondakovianum.* Т. 12) [далее – Заметки 2].
31. *Бегунов Ю.К.* Соловьев Александр Васильевич // *Энциклопедия "Слова о полку Игореве".* Т. 5. СПб., 1995. С. 27–29.
32. *Лихачев Д.С.* Исторический и политический кругозор автора "Слова о полку Игореве" // "Слово о полку Игореве": Сб. исследований и статей / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М., Л., 1950 [Слово – 1950]. С. 5–52.
33. *Тарасов С.* (Соловьев А.В.). Возможный автор "Слова о полку Игореве" // *Новый журнал.* Нью-Йорк. 1954. № 39. С. 155–175.
34. *Якобсон Р.О.* Изучение "Слова о полку Игореве" в США // *ТОДРЛ.* Т. 14. М.; Л., 1958. С. 102–121.
35. *Энциклопедия "Слова о полку Игореве":* В 5 т. СПб., 1995 [далее – Энциклопедия].
36. *Soloviev A.V.* Encore deux gloses sur "Le dit d'Igor" // *For Roman Jakobson: Essays on the Occasion of His Sixtieth Birthday.* The Hague, 1956. P. 475–484.
37. *Unbegaun B.* Les Rusiçi-Rusici du Slovo d'Igor // *Revue des études slaves.* 1938. fasc. 1–2. P. 79–80.

38. Soloviev A.V. Rusiči et Rus' // Заметки 2. С. 21–33.
39. Соловьев А.В. "Комони ржут за Сулою" // ТОДРЛ. 1971. Т. 23. С. 333–334.
40. Zádonština, staroruský žalozpěv o boji Rusů s Tatyry r. 1380. Rozprava literárně dějepisná. Kritické vydání textů / Napsal Jan Frček. Praha, 1948.
41. Soloviev A.V. La doctrine de l'eglise de Bosnie // Bulletin de l'Académie Royale de Belgique. 5e série. 1948. Tome 34. P. 481–534.
42. Адрианова-Перетц В.П. "Слово о полку Игоревім" і "Задощина" // Радянське літературознавство. 1947. № 7–8. С. 135–186.
43. Адрианова-Перетц В.П. "Задонщина": Текст и примечания // ТОДРЛ. 1947. Т. 5. С. 194–224.
44. Russian Epic Studies / Ed. by R. Jakobson and E.J. Simmons. Philadelphia, 1949.
45. Jakobson R. L'authenticite du Slovo // La Geste du Prince Igor... P. 235–360, 363–380. Reprinted in: Jakobson R. Selected Writings. Vol. 4. The Hague; Paris, 1966. P. 192–300.
46. Аксенова Е.П. Русские ученые-эмигранты первой волны в Югославии (по материалам архива А.В. Флоровского) // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 148–166.
47. Soloviev A. Послесловие к статье Голенищева-Кутузова // Заметки. 2. С. 55–59.
48. Голенищев-Кутузов И.И. "Слово о полку Игореве" и рукописи "Задонщины" // Заметки. 2. С. 49–55.
49. Исаченко А.В. Двойственное число в "Слове о полку Игореве" // Заметки 2. С. 34–48.
50. Бицилли П.М. К вопросу о происхождении "Слова о полку Игореве" (По поводу исследования проф. А. Мазона) // Заметки. 2. С. 1–20.
51. Jakobson R., Szeftel M. The Vseslav Epos // Russian Epic Studies. P. 13–86.
52. Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. Ч. I–IV. М., 1861–1867.
53. Еремин И.П. "Слово о полку Игореве" как памятник политического красноречия Киевской Руси // Слово. 1950. С. 93–129.
54. Алексеев М.П. К "Сну Святослава" в "Слове о полку Игореве" // Слово. 1950. С. 226–248.
55. Лихачев Д.С. Устные истоки художественной системы "Слова о полку Игореве" // Слово. 1950. С. 53–92.
56. Булаховский Л.А. "Слово о полку Игореве" как памятник древнерусского языка // Слово. 1950. С. 130–163.
57. Zajączkowski A. Związki językowe połowiecko-słowiańskie. Wrocław, 1949.
58. Menges K.H. The Oriental Elements in the Vocabulary of the Oldest Russian Epos, the "Igor Tale". New York, 1951 (Supplement to "Word", Vol. 7).
59. Jakobson R. The Archetype of the First Edition of the Igor' Tale. (With an Appendix by William A. Jackson) // Harvard Library Bulletin. 1952. Vol. 6. № 1. P. 5–15.
60. Jakobson R. The Puzzles of the Igor' Tale on the 150th Anniversary of its First Edition // Speculum. 1952. № 27. P. 43–66.
61. Jakobson R. Slavic Mythology // Funk and Wagnalls Standard Dictionary of Folklore, Mythology and Legend. New York, 1950. Vol. 2. P. 1025–1028.
62. Jakobson R., Ružičić G. The Serbian Zmaj Ognjeni Vuk and the Russian Vseslav Epos // Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves. Т. 10. Bruxelles, 1951. P. 343–355.
63. Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. Изд. 2-е / Под ред. А.Е. Грузинского. М., 1909–1910. Т. 1–3.
64. Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. В 3 т. / Под ред. Б.Н. Путилова. Петрозаводск, 1991.
65. Лихачев Д.С. "Слово о полку Игореве". Историко-литературный очерк // "Слово о полку Игореве" / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 229–290.
66. Лихачев Д.С. Археографический комментарий // "Слово о полку Игореве"... С. 352–368.
67. Соловьев А. Екатерининский список и первое издание "Слова" // Соловьев А., Якобсон Р. "Слово о полку Игореве" в переводах конца восемнадцатого века. Leiden, 1954. (Studies in Russian Epic Tradition 1).
68. Гудзий Н.К. Судьбы печатного текста "Слова о полку Игореве" // ТОДРЛ. 1951. Т. 8. С. 31–52.

69. *Сперанский М.Н.* Первое издание "Слова о полку Игореве" и бумаги А.Ф. Малиновского // "Слово о полку Игореве". Снимок с первого издания 1800 г. гр. А.И. Мусина-Пушкина под ред. А.Ф. Малиновского. М., 1920. С. 1–24.
70. *Тихомиров М.Н.* Где и когда было написано "Слово о погибели русской земли" // ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 8. С. 235–244.
71. *Барсов Е.В.* "Слово о полку Игореве" как художественный памятник Киевской дружинной Руси. М., 1887. Т. 2.
72. *Дмитриев Л.А.* История первого издания "Слова о полку Игореве". Материалы и исследование. М.; Л., 1960.
73. Chant du prince Igor / Version française de Philippe Soupault précédée d'un essai sur la poésie; eaux-fortes en couleurs par Alexandre Alexeïeff. Rolle, Suisse, 1950.
74. *Микуловская З.* Впечатления от Гарвардской выставки "Слова о полку Игореве" // Новый журнал. 1952. Кн. 29. С. 332–336.
75. *Татищев В.Н.* История российская с самых древнейших времен... М., 1768–1784. Т. 1–4.
76. Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871.
77. *Соловьев А.В.* Шоломя или соломя // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1968. Vol. 11. P. 100–109.
78. *Ильинский Л.К.* Перевод "Слова о полку Игореве" по рукописи XVIII века. Пг., 1920 (Памятники древней письменности и искусства. № 189).
79. "Слово о полку Игореве" – памятник XII века: Сб. статей. М.; Л., 1962.
80. *Якобсон Р.* Тетрадь князя Белосельского // *Соловьев А., Якобсон Р.* "Слово о полку Игореве" в переводах конца восемнадцатого века. Leiden, 1954. С. 31–52. (Studies in Russian Epic Tradition 1).
81. *Besharov Ju.* Imagery of the Igor Tale in the Light of Byzantino-Slavic Poetic Theory. Leiden, 1956. (Studies in Russian Epic Tradition 2).
82. Sofonija's tale of the Russian-Tatar battle on the Kulikovo Field / Edited by Roman Jakobson and Dean S. Worth. The Hague, 1963.
83. *Čiževska T.* Glossary of the Igor' Tale. The Hague, 1966.
84. *Mazon A.* Le Slovo d'Igor, V–VI // Revue des études slaves. 1944. Т. 21. P. 5–45.
85. *П(олево)й Н.* Любопытные замечания к слову о полку Игоревом // Сын отечества. 1839. Т. 8. (Отд.) 6. Известия и смесь. С. 15–20.
86. *Булагин Д.М.* Бешарова Юстина // Энциклопедия "Слова о полку Игореве". СПб., 1995. Т. 1. С. 108–109.
87. *Соловьев А.В.* Новый итальянский перевод "Слова о полку Игореве" // ТОДРЛ. 1957. Т. 13. С. 648–655.
88. Cantare della Gesta di Igor. Epopea russa del XII secolo / Introduzione, traduzione e commento di Renato Poggioni; testo critico annotato di Roman Jakobson. Torino, 1954.
89. *Соловьев А.В.* Новое словенское издание "Слова о полку Игореве" // ТОДРЛ. 1957. Т. 13. С. 656–664.
90. Staroruski ep Slovo o polku Igofevč. Slovensko izdajo priredil Rajko Nahtigal. Ljubljana, 1954. (Slovenska akademija znanosti in umetnosti. Razred za filološke in literarne vede. Dela 8. Institut za slovenski jezik. Dela 5.)
91. *Соловьев А.В.* Византийское имя России // Византийский временник. 1957. Т. 12. С. 134–155.
92. *Соловьев А.В.* Заметки к "Слову о гибели Русских земли" // ТОДРЛ. 1958. Т. 15. С. 78–115.
93. *Соловьев А.В.* Епифаний Премудрый как автор "Слова о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русьсаго" // ТОДРЛ. 1961. Т. 17. С. 85–106.
94. "Слово о полку Игореве" – памятник XII века: Сб. статей. М.; Л., 1962.
95. *Taszucki W.* Les formes patronymiques insolites dans le 'Slovo d'Igor' // Revue des études slaves. 1959. Т. 36. P. 23–28.
96. *Якобсон Р.* О морфологическом составе древнерусских отчеств // *Jakobson R.* Studies in Russian Philology, Ann Arbor, 1962.
97. *Jakobson R.* Patronimika w Słowie o połku Igoriewie // Studia linguistica in honorem Thaddaei Lehr-Spławiński. Warszawa, 1963. S. 299–303.
98. *Kul'bakin S.M.* Le vieux slave. Paris, 1929.

99. Meillet A. Le slave commun. 2 ed., rev. et augm. Paris, 1934.
100. Vondrak V. Altkirchenslavische Grammatik. 2. Aufl. Berlin, 1912.
101. Соловьев А.В. Русичи и русовичи // "Слово о полку Игореве" – памятник XII века. С. 276–299.
102. Miklosich F. Die Bildung der Nomina im Altslovenischen // K. Akademie der wissenschaften, Philosophisch-historische classe. Denkschriften. Wien, 1859. Bd. 9. S. 135–232.
103. Miklosich F. Die Bildung der slavischen Personennamen // K. Akademie der wissenschaften, Vienna. Philosophisch-historische classe. Denkschriften. Wien, 1860. Bd. 10. S. 215–330.
104. Jakobson R. Selected Writings. Vol. IV: Slavic Epic Studies. The Hague; Paris, 1966.
105. Des Metropolitien Ilarion Lobrede auf Vladimir den Heiligen und Glaubensbekenntnis / nach der Erstausgabe von 1844 neu hrsg., eingel. und erläutert von Ludolf Müller. Wiesbaden, 1962.
106. Soloviev A. Le rhapsode Bojan et le prince Igor' dans le *Dit d'Igor* et la *Zadonščina* // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1968. Vol. 8. P. 46–60.
107. Соловьев А.В. Кирилло-Белозерский список "Задонщины" и "Слово о полку Игореве" // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1965. Vol. 9. P. 97–106 [см. также // Культура Древней Руси. М., 1966. С. 257–262].
108. Соловьев А.В. Словесная ткань "Задонщины" и "Слова о полку Игореве" // To Honor Roman Jakobson: Essays on the Occasion of His Seventieth Birthday, 11 October 1966. The Hague; Paris, 1967. Vol. 3. P. 1866–1875.
109. Vaillant A. "Za Solomonom carem" // Prilozi za književnost, jezik, istoriju i folklor. 1960. Vol. 26. P. 272–274.
110. "Слово о полку Игореве" и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания "Слова". М.; Л., 1966 [далее – "Слово" и памятники].
111. Адрианова-Перетц В.П. Фразеологизмы и лексика "Слова о полку Игореве" // "Слово" и памятники. С. 13–126.
112. Дмитриева Р.П. Приемы редакторской правки книгописца Ефросина: (К вопросу об индивидуальных чертах Кирилло-Белозерского списка "Задонщины" // "Слово" и памятники. С. 264–291.
113. Салмина М.А. "Летописная повесть" о Куликовской битве и "Задонщина" // "Слово" и памятники. С. 364–384.
114. Uspenskij M.I. Quelques données historiques sur le "Slovo d'Igor" et Tmutorokan' / Traduction française et texte russe avec pièces complémentaires et appendice par André Mazon et Michel Laran. Paris, 1965.
115. Словарь-справочник "Слова о полку Игореве" / Сост. В.Л. Виноградова. М.; Л., 1965–1984.
116. Jakobson R. The Slavic God Veles and his Indo-European Cognates // Studi linguistici in onore de Vittore Pisani. Brescia, 1969. P. 579–599.
117. Памятники отреченной русской литературы / Собраны и изданы Н. Тихонравовым. Т. 2. СПб., 1863.
118. Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. Изд. 4. М., 1907.
119. Moser Ch. A. The Problem of the Igor Tale // Canadian-American Slavic Studies. 1973. Vol. 7. P. 135–154.
120. Татищев В.Н. История российская. М.; Л., 1963. Т. 2.

I. SAVICKÝ. *Osudová setkání. Češi v Rusku a Rusové v Čechách. 1914–1938.* Praha, 1999. 271 S.

И. САВИЦКИЙ. *Роковая встреча. Чехи в России и русские в Чехии. 1914–1938.*

В 1999 г. в издательстве "Академия" вышла в свет работа И. Савицкого о чешских и словацких legionерах в России и российских эмигрантах в Чехословацкой республике. Ее автор, И. Савицкий, – чешский историк, социолог и публицист, сын известного русского эмигранта, одного из основателей евразийства П.Н. Савицкого.

В рецензируемой книге – по сути два исследования, хотя их объединяют действующие лица, присутствующие в обеих частях. Это не научная монография в обычном смысле слова. Перед нами скорее авторские размышления на отраженные в заголовке книги темы, авторское видение проблем, связанных с вынужденным пребыванием чехов в России и русских в Чехии. Но хотя в монографии и нет сносок, читатель без труда поймет, что перед ним фундированное исследование, основанное на изучении многочисленных архивных документов и прекрасном знании литературы по вопросу, в том числе самой новой. Ценно еще и то, что автор, родившийся в семье эмигрантов, знает эмигрантскую жизнь "изнутри". Его повествование нередко основывается на личных впечатлениях и воспоминаниях о людях и событиях того времени.

И. Савицкий излагает свою точку зрения на исторические факты и весьма аргументированно и логично доказывает ее. Бесспорный литературный талант автора делает это историческое повествование не менее увлекательным, чем художественное произведение. Свободная ориентация во всемирной истории позволяет ему прибегать к неожиданным аналогиям, использовать яркие примеры. Автор сравнивает эмигран-

тов в разных странах в те или иные исторические периоды, подчеркивая их общие черты и различия. Характеризуя гражданскую войну в России, он проводит параллель с первой мировой войной, показывая существенные особенности гражданских войн. И. Савицкий не обходит вниманием напряженные моменты в чешско-русских отношениях, например, факт выдачи А.В. Колчака чехословацкими legionерами так называемому Политическому центру. Чешский исследователь не становится на точку зрения одной из сторон (защищая legionеров или обвиняя их в предательстве), а пытается объяснить, почему так произошло, в том числе и с психологической точки зрения. В книге даны яркие исторические портреты военачальников: Р. Гайдды, А.В. Колчака, деятелей образования и науки: А.В. Жекулиной, А.С. Ломшакова. В обеих частях книги прослеживается "русская политика" Т.Г. Масарика, показана эволюция отношения чехословацкого Президента к русской эмиграции. Чешско-русские отношения введены в контекст более широких международных отношений того времени.

Книга состоит из пяти глав, введения, характеристики основных источников и литературы, именного указателя, содержит более 30 фотографий.

Во введении автор определяет основные линии монографии: эмиграция, Масарик, русский вопрос – взгляд "извне". Здесь же он указывает на множество иных тем, перекрещивающихся, накладывающихся, плотную связанных с предметом повествования. Хронологические рамки работы шире указанных в заглавии, так как И. Савицкий начи-

нает рассказ с формирования чешской колонии в России (вторая половина XIX в.) и заканчивает 1939 г., хотя в книге есть упоминание о судьбах эмигрантов после второй мировой войны.

В первой главе ("Перемены") автор ставит теоретические вопросы подходов к исследованию эмиграции, высказывает свою точку зрения на употребление терминов "иммигрант" и "эмигрант", показывает два направления чехословацкого национально-освободительного движения, ориентированные одно – на Европу, другое – на Россию, и размышляет о роли Запада и России в решении чешского вопроса в годы первой мировой войны. Ключевой проблемой в этот период он считает формирование чехословацких воинских частей, в качестве составляющей вооруженных сил Антанты. Заключает эту главу параграф, в котором основное внимание уделяется русской политике Масарика в бурном 1917 г.

Во второй главе прослеживается изменение взглядов Масарика на роль "легионеров" в России под давлением западных союзников, начало и ход конфликта чехословацких легионеров с представителями советской власти в Поволжье и Сибири. Автор задает вопросом: как стало возможным, что 50-тысячная чехословацкая армия захватила территорию от Волги до Тихого океана, решающим образом содействовала созданию всероссийского антибольшевистского правительства, а через несколько недель стала беспомощным заложником железнодорожной магистрали?

Третья глава ("Ненависть") повествует о сложных взаимоотношениях руководства легионеров с режимом Колчака, взаимном недоверии и росте напряженности между ними в условиях наступления большевиков. Автор пытается разобраться в том, кто же кого предал? И можно ли вообще говорить о предательстве чехословаков, сражавшихся за чуждые им политические интересы?

В четвертой главе речь идет о первых российских эмигрантах в Чехословацкой республике. Савицкий склонен считать первыми эмигрантами на чешской территории российских военнопленных Центральных держав, которых было около 15 тысяч. Здесь же автор показывает политическую борьбу за характер русской эмиграции в ЧСР между сторонниками К. Крамаржа и правительственной группировкой Града. "Русскую акцию" Савицкий рассматривает в рамках общей русской политики Масарика, указывая на большую роль общественной чешско-русской организации "Чешско-русская еднота" в процессе адаптации русских

эмигрантов в новых условиях. Савицкий проводит мысль о том, что чехословацкая политика в отношении русской эмиграции была прямым продолжением политики легионеров в отношении русских политических направлений в Поволжье, на Урале и в Сибири. В результате чего небольшая по численности группа эсеров захватила все правительственные финансовые потоки, направляемые на помощь эмигрантам в ЧСР. Специальный параграф посвящен рассмотрению различных казачьих организаций и их роли среди казаков, приглашенных в Чехословакию в качестве земледельцев.

Пятая глава повествует о превращении Праги в "русский Оксфорд". Оригинальная точка зрения автора, который связывает создание культурного и образовательного центра в Чехословакии с частичной переориентацией Масарика с эсеров на кадетов, не малую роль в чем сыграл профессор А.С. Ломшаков. В этой главе рассматривается момент наивысшего расцвета научной и образовательной деятельности русских в ЧСР, который приходился на 1924 г., и причины упадка эмигрантских институций в конце 1920-х годов.

Любопытна и последняя глава книги. В ней Савицкий касается "послереволюционного" движения в эмиграции – евразийства. Создателями этой теории были князь Н.С. Трубецкой и П.Н. Савицкий. По мнению автора, евразийство часто неправильно интерпретируют в тех или иных политических целях, а его научное значение как междисциплинарной теории еще не оценено полностью. В отдельном параграфе рассматривается отношение эмигрантов к возможной войне. Савицкий полагает, что именно оно стало линией раскола, приведшей к политической и идеологической переструктуризации российской эмиграции в Чехословакии накануне второй мировой войны. Заключительный тезис его звучит так: "чехословацкая" русская эмиграция не может пережить ЧСР, поэтому ее история здесь заканчивается в 1939 г.

В любой работе можно найти недочеты, субъективные подходы, авторские пристрастия; у И. Савицкого это чувствуется при оценке деятельности эсеров, которых он явно "недолюбливает". Но главное достоинство работы в том, что это яркое, оригинальное, авторское видение событий и людей той поры. Знакомство с ней будет безусловно полезно и интересно для всех, кто интересуется этими сюжетами.

Россия в изгнании. Судьбы российских эмигрантов за рубежом /
 Е.И. Пивовар (руководитель) и др. М., 1999. 453 С.

На протяжении последних десяти лет в отечественной историографии сложилось и активно развивается новое направление, которое можно условно назвать "Неизвестная зарубежная Россия". Крушение коммунизма в СССР, а затем и распад Советского Союза актуализировали тему, бывшую на протяжении 1917–1991 гг. запретной и однозначно негативно характеризовавшуюся советской историографией. Внедрявшаяся одномерная схема исключала серьезное научное изучение одновременно и гордости, и национальной трагедии России – ее более чем двухмиллионной эмиграции. На протяжении семидесяти лет на территории СССР не было напечатано ни одной объективной исследовательской статьи, не говоря о монографиях, по данной теме. Тем более отрадно, что за прошедшее десятилетие эта нищета советской историографии оказалась окончательно погребена под обширными пластами вышедших трудов отечественных исследователей. Поэтому появление каждой новой книги по проблемам русского зарубежья – это еще один кирпич в фундамент возводимого ускоренными темпами здания, имя которому – "Подлинная история России".

Однако уже сейчас можно говорить об особенностях складывающейся историографии, которые заключаются в ее диверсификации: исследования конкретных локальных тем соседствуют с работами, охватывающими различные аспекты истории российской эмиграции. Именно таковой является рецензируемый тематический сборник. Четырнадцать глав этого объемистого труда посвящены целому комплексу проблем российской эмиграции в 1920-е – начале 1940-х годов. Авторы постарались определить место своего тематического направления среди других, существующих в отечественной историографии. Его суть заключается в том, что "в рамках истории эмиграции как историографической проблемы всегда присутствуют как минимум два объекта анализа: и история страны-источника эмиграционных потоков, и история стран пребывания эмигрантов" (С. 3, 4). Таким образом объясняется одна из главных причин порой конфронтационного отношения между "чистыми русистами" и иссле-

дователями всеобщей истории. Одновременно на повестку дня встает важная для современных историков проблема "Россия и мир".

Представленные в работе статьи, оформленные как главы, можно объединить в три условных блока, каждый из которых представляет собой особую тему: так называемый военный, научный и социальный. К первому относятся вторая-девятая главы работы. Их название говорит само за себя: "Начало исхода", "Последний путь Российского императорского флота. Русская эмиграция в Тунисе. 1920–40-е гг.", "Российская военная эмиграция в межвоенные годы", "Попытки реванша. Военно-политические доктрины российской военной эмиграции в 1920–30-е гг.", и т.д. Особый интерес как для профессионального историка, так и для любознательного компетентного читателя представляет конкретный и ранее малодоступный материал из некогда секретных архивов и спецхранов. Авторы этих глав дали не только общую картину эмигрантских мытарств генералов, офицеров и солдат, но прежде всего идеологию их выживания за пределами "временно, но навсегда" оставленной России. Активность военно-политических организаций Белого движения в странах, предоставивших убежище большей части его участников, страшила пришедших к власти в разоренной России "строителей светлого будущего" – большевиков. Авторы коллективной монографии, а именно так можно охарактеризовать труд "Россия в изгнании", нашли интересный ракурс для своего исследования: военно-политическая мысль и военная подготовка эмигрантов, не сложивших своего идейного оружия. И здесь, может быть, следовало им обратиться к не менее важной теме, а именно – как преломлялись военно-политические доктрины русской военной эмиграции и проводимая ею военная подготовка в восприятии советского большевистского руководства, специальных государственных органов. Не является секретом, что из Балканских стран как Болгария, так и прежде всего Югославия оценивались советской военной разведкой как потенциальные плацдармы для подготовки "белого марша" с юго-западного направления. Более того, в 1920-е годы в штабе "мировой

революции" – Коминтерне – именно по этой причине ставился вопрос о расчленении Югославии с целью ее ослабления.

Не менее интересна одиннадцатая глава, посвященная судьбам историков российского зарубежья в 1920–1930-е годы. Несмотря на уже существующие в отечественной историографии работы по этой проблеме, авторы выбрали собственный объект исследования. Они отказались от во многом традиционной тематики "евразийства", ставшей для многих российских исследователей своего рода специализацией. В рассматриваемой коллективной монографии дана целостная картина научной и общественно-политической деятельности общества отечественных историков-специалистов, покинувших Россию. А их по самым скромным подсчетам насчитывалось не менее 90 человек (С. 300). Авторы главы (к сожалению, они не указаны отдельно, а лишь в общем списке с другими) не только коснулись истории российской исторической науки за рубежом, но и затронули вопрос о взаимоотношениях между теми, кто остался "под большевиками", и теми, кто сделать этого не смог (или не захотел). Нет оснований критиковать авторов представленного материала, но хотелось, чтобы они в своих дальнейших исследованиях дали возможность читателям узнать на основании уже доступных документов, как "укомплектовывались" так называемые философские пароходы, пассажирами которых были и представители других, помимо философии, наук. И здесь, вероятно, можно было бы подойти к еще одной проблеме – "Большевистская политика деинтеллигентизации России".

Новаторским и потому полезным для любого заинтересованного исследователя, специализирующегося по теме "Неизвестная зарубежная Россия", станет знакомство с третьим блоком работы, социальным. Он включает главы "Российское предпринимательство в изгнании", "Социальный портрет российского зарубежья 20-х годов (по материалам массового обследования российских эмигрантов в Югославии)", "Репатрианты 1920-х годов (по материалам Сионистского архива в Иерусалиме)". Уникальность представленного материала заключается прежде всего в его источниковой базе, основу которой составили документы из архивных фондов, эмигрантская русскоязычная периодика, воспоминания участников. Касаясь предпринимательской деятельности российских эмигрантов, авторы уделили особое внимание и ее "интеллектуальному" направлению – книгоиздательству, газетному бизнесу.

Более того, эмигрантское предпринимательство развивалось по нескольким направлениям, характерным и для бизнеса в обычных условиях: торговля, производство, страхование. Интересен подобранный авторами иллюстративный ряд, дополняющий и расширяющий представления читателя об этом виде деятельности эмигрантов, что вносит определенный колорит в общую канву повествования.

Колоссальная работа, проведенная исследователями по составлению социального портрета русского зарубежья и основанная на изучении широкой выборки анкетных данных, может служить образцом исследовательской деятельности. Вместе с тем, отказываясь от комплиментарности (в которой, кстати, данный труд не нуждается), нельзя не пожелать на будущее тем, кто займется этой тематикой, специально обратиться к социально-экономическим проблемам русской эмиграции в 1920–1930-е годы.

Авторы монографии постарались сделать свое исследование самодостаточным, что является его отличительной и во многом положительной чертой. Это нашло свое выражение в специально составленной и помещенной в издание хронологии, позволяющей ориентироваться в описываемых событиях. Не менее важным и вполне справедливо могущим претендовать на то, чтобы считаться отдельным блоком внутри книги, является корпус архивных документов из так называемого Пражского архива, хранящегося ныне в России.

Внимание авторов было сосредоточено на 1920-х – начале 1940-х годов, что в определенной степени подразумевает, что следующий хронологический период, насыщенный не менее драматическими событиями, станет предметом их исследований в будущем. К сожалению, в недостаточной степени в книге оказалась представленной политика большевистского режима (включая широкий набор его мероприятий) в отношении эмиграции, а также влияние "эмигрантского фактора" на межгосударственные отношения СССР со странами, где российская эмиграция представляла значительную общественно-политическую и потенциальную военную силу. Может быть, эти проблемы окажутся в центре внимания на следующих этапах развития отечественной историографии. Говоря в целом о новом труде "Россия в изгнании", с уверенностью можно заключить, что это не только и не столько "Россия, которую мы потеряли", сколько "Россия, которую мы узнали и обрели".

Dokumenty k dějinám ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice (1918–1939) / Z. Sládek, L'. Běloševská a kolektiv autorů. Praha, 1998. 343 S.

Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1918–1939)

Славянский институт АН ЧР выпустил в свет сборник документов по истории эмиграции из России, существенно пополнив тем самым базу источников для разработки данной темы. Это по существу первое издание, столь масштабно представившее общую картину развития эмиграции в архивных документах. Публикация – плод целенаправленной работы большого коллектива авторов, выполненной в рамках проекта "Русская и украинская эмиграция в межвоенной Чехословакии (культурный и научный вклад)" при финансовой поддержке специального гранта. Изучение этой важной темы стало возможно только в посттоталитарную эпоху, когда были открыты архивы и спецхраны, и отношение к "белогвардейской" эмиграции в корне изменилось. В этом отношении архивы Чехии и особенно Праги чрезвычайно богаты документальными материалами по истории эмиграции, и остаются таковыми, даже после того как значительная часть документов Русского заграничного исторического архива и других была передана СССР. Авторы впервые публикуют документы Центрального государственного архива ЧР, Архива Академии наук ЧР, Литературного архива Музея национальной письменности, Архива города Праги, Архива канцелярии Президента республики, Архива МИД ЧСР, Архива Национального театра, Архива Национального музея, Архива Военно-исторического института, частного собрания А. Копживовой-Вуколовой, Государственного районного архива Прага-запад, Государственного районного архива г. Ческа Липа и др.

Изучение большого комплекса ранее неизвестных документов привело авторов к ряду интересных наблюдений и выводов, раскрытых во введении книги и предисловиях к отдельным главам. Они же были приняты во внимание при определении структуры работы. Авторы аргументированно показали, что непредвиденно воз-

никший феномен эмиграции из России после большевистской революции нашел в Чехии поддержку и понимание. Семя попало в подготовленную почву, так как традиции русофильства и идей славянской взаимности со времени национального возрождения были важной составляющей чешского общественного мнения и национальной политики.

Президент молодого Чехословацкого государства Т.Г. Масарик, исходя из общедемократических убеждений и опираясь на традиции по-новому и критически понимаемого русофильства, принял решение о материальной поддержке стихийно прибывающих в ЧСР эмигрантов из России. Так возникла "русская акция", о развитии которой красноречиво свидетельствуют опубликованные в сборнике документы. Как справедливо указано во введении, в рамках названной акции эмигрантам была оказана единодушная поддержка в области образования, науки и культуры. В ЧСР возникла целая общеобразовательная сеть для русских и украинцев, от начальных школ до высших и специальных учебных заведений, включая значительное число научных организаций. К наиболее известным из них относятся *Seminarium Kondeakovianum*, Русский народный (свободный) университет, Экономический кабинет С.Н. Прокоповича, Украинский свободный университет и Украинский социологический институт. В рамках "русской акции" субсидировалось издание огромного количества специальных статей и журналов, был учрежден ряд научных и культурных обществ, осуществлено множество мероприятий, с помощью которых научная и культурная деятельность русской и украинской эмиграции была поставлена в условия, отвечавшие международному уровню. Более того, русским и украинским студентам в Чехословакии выдавались учебные пособия, необходимые для изучения гуманитарных, естественнонаучных и технических дисциплин. По своему содержанию

"русская акция" стала уникальным явлением в мировой истории. Прагу не даром и по праву называли "русскими Афинами" (S. 8).

На "русскую акцию" из государственной казны ЧСР было выделено более 0,5 миллиарда чехословацких крон, что составляло примерно 5% среднего годового бюджета страны в 1919–1938 гг. (S. 9). Авторы закономерно поставили вопрос: в чем причины такой щедрости? В предшествующей литературе указывалось, что "отношения чехословацких правительственных кругов в русской и украинской эмиграции были обусловлены их желанием гарантировать политическое и экономическое влияние ЧСР в будущей России" (S. 8). На основании выявленных документов авторы книги пришли к заключению, что дело было не только в ожидании будущих дивидендов и не только в бескорыстной филантропии, благородных гуманитарных побуждениях (хотя они безусловно имели место), но и в задачах текущей повседневной жизни и практики – молодому развивающемуся государству нужны были сильные руки и умные талантливые головы. Эмигранты из России не только смогли сохранить и умножить в чужой стране свой интеллектуальный потенциал, но и умело применить его на пользу оказавшему им приют государству. Причем эмигранты работали не только в гуманитарных областях знания, но и "в чехословацком машиностроении, обувной промышленности, строительстве, в таких областях, как математика, статистика, медицина, химия, биология..." (S. 8).

Ограниченные объемом сборника, авторы опубликовали только часть выявленных в архивах ЧР документов, стремясь показать "основные моменты в судьбах русской и украинской эмиграции на территории межвоенной Чехословакии, выявить основные области ее деятельности, очертить ее повседневную жизнь и сосредоточить внимание на духовной сфере, где вклад эмиграции в русскую и украинскую науку и культуру и, прежде всего, в науку и культуру, принявшей ее страны, проявился в первую очередь" (S. 9).

Исходя из поставленной задачи, авторский коллектив разместил материал по главам, согласно логическому и хронологическому принципам. В первой группе глав

(1–6) – Приход беженцев и начало "русской акции"; Образование; Наука: организации, учреждения, люди; Культура: организации, учреждения, люди; Повседневная жизнь эмиграции; Политические партии, течения, движения – речь идет о развитии русской акции в 1920-х годах. Во второй группе глав (7–9) – Изменения в жизни эмиграции на переломе 1920-х и 1930-х годов; Эмиграция в период кризиса; Конец "русской акции" – показано сворачивание этой акции в связи с экономическим кризисом. При этом авторы указывают, что выдающиеся деятели науки и культуры эмиграции и ее слабо обеспеченные социальные слои продолжали получать "достаточную" материальную поддержку. Таким образом, книга документально иллюстрирует динамику развития "русской акции" в межвоенной ЧСР.

Авторы не закрывают глаза на то, что поддержка эмигрантов осложняла дипломатические отношения ЧСР с Советской Россией, но даже после подписания с СССР в 1935 г. пакта о ненападении чехословацкое правительство не отказалось от своей позитивной политики в отношении эмигрантов.

Каждая глава первой, документальной, части книги сопровождается обстоятельным предисловием, характеризующим ту или иную сферу деятельности эмигрантов. Документы публикуются на языке оригинала и обстоятельно аннотированы.

Во второй части помещены иллюстрации и их хронологический перечень.

В третьей части публикуются приложения: аннотированный именной указатель, аннотированный реестр организаций и институтов (эти указатели имеют большое самостоятельное научное значение как информативные справочники), географический указатель.

В конце книги указана основная литература по теме (правда, тема далеко не исчерпывающая), помещено примечание издателей.

В заключение нельзя не заметить, что представленная книга является ценным вкладом в изучение истории русской и украинской эмиграции в межвоенной Чехословакии, выводящим ее изучение на новый научный уровень.

© 2000 г. М.Ю. Досталь

Veda a ideológia v dejinách slavistiky. Materiály z konferencie. Stará Lesná, september 1997 / Ed. Tatiana Ivantyšynová. Bratislava, 1998. 207 S.

Наука и идеология в истории славистики. Материалы конференции. Стара Лесна, сентябрь, 1997

"Историю славистики следует представлять не только как совокупность имен персоналий, институтов, дат, книг и отдельных статей, но также, и прежде всего, как историю идей" (S. 10). Этими словами Славомира Вольмана открывается рецензируемая книга; они стали ее своего рода девизом. Данное издание продолжает серию публикаций Международной комиссии по истории славистики при Международном комитете славистов (создана в 1960 г.) по истории мирового славяноведения [1]. Сборник составляют статьи, созданные на основе докладов, прочтенных на очередном заседании МКИС 5–8 сентября 1997 г. в Старе Лесне (Словакия), с некоторыми добавлениями.

Нельзя сказать, что проблема "наука и идеология" не ставилась в предшествующей славистической историографии. Вспомним, например, исследования Института славяноведения РАН и МГУ [2] и ряд трудов, вышедших под эгидой МКИС. Но в данной работе она решается в более широком диапазоне. О многообразии подходов к проблеме свидетельствуют тематические рубрики разделов: славянские (точнее, славистические) съезды (статьи С. Вольмана, Дж. Броджи Беркофф, М. Гардзанити); идеология и формирование литературных языков (статьи Т. Левашкевича, С. Бонацца, Т. Ивантышиновой); идеология и политика в развитии славистики (статьи А. Бернар, Х. Шаллера, В. Франчука, М. Робинсона, Э. Эгеберга); славистические институции: идеология и политика (статьи П. Бранг и Р. Эгертера, Э. Казинца и Р.Х. Дэвиса); славистика в славянских и неславянских странах (материалы Д. Чапловича, Р. Дупкалы, Я. Малингуди, Я. Дорули).

Следует заметить, что в отличие от предшествующей историографии в посттоталитарную эпоху стало возможным избавиться от многих идеологических штампов и мифологем в подходе к истории науки, раскрыть некоторые "белые пятна", обратиться к сюжетам, ранее запретным в исто-

риографии. В частности, теперь можно открыто говорить о репрессиях по отношению к славистам в СССР и давлении идеологических догматов даже в такой далекой от политики области как литература русского средневековья (статья М. Робинсона "Влияние идеологии на изучение литературы русского средневековья"), об извращениях в национальной политике (работа В. Франчука "Украинский язык и культура в идеологии российской державности") или о таком позорном факте в истории АН СССР, как исключение из нее норвежского слависта Олафа Брока в разгар кампании против космополитизма (статья Э. Эгеберга). Только сейчас можно свободно писать о судьбах книг библиотеки Романовых, поступивших в книгохранилища США (статья Э. Казинца и Р.Х. Дэвиса). Показательно, что сегодня факт влияния идеологии на науку признается и западноевропейскими учеными, обычно уклонявшимися от разработки подобной проблематики. В этом отношении интересны статьи А. Бернар "Политические вопросы в публикациях французских славистов в начале XX века" и Х. Шаллера "Идеологические аспекты славистики в Германии между 1918–1948 гг."

Точно также по-прежнему актуальными являются проблемы взаимоотношения идеологии и славистики в XIX в. В статье Т. Лешкевича "Славянофильство и кодификация славянских литературных языков в XIX веке (с опорой на лужицкие языки)" убедительно показано, что именно под влиянием славянской (по терминологии автора, "славянофильской") идеологии некоторые слависты выступали с проектами создания всеславянского языка (Б. Линде, Я. Геркель, М. Маяр и др.) или языка двух или нескольких народов (иллиризм, чехословакизм), что шло в разрез с объективной тенденцией кодификации национальных славянских языков (примером тому являются лужицкие сербы). В статье Т. Ивантышиновой «Идеология в полемике о словацком

литературном языке Штура (Ян Коллар и "Голоса необходимости единства литературного языка для чехов, моравян и словаков" (1846)» поднята болезненная проблема национальной истории: о противоречиях лидеров разных поколений словацкого национального движения и о тогдашнем "разводе" с чехами. Автор анализирует не только влияние постулата Коллара о единстве чешско-словацкого "племени" на идейное содержание этапного сборника "Голоса необходимости...", но и приводит факты манипулирования в нем (по-видимому, самого Коллара) текстами словацких авторов. Интересно раскрыты проявления политической тенденциозности в оценках научного творчества словенца Е. Копитара и серба В. Караджича в науке Сербии, Словении и Хорватии в статье С. Бонацца.

Особо хотелось бы отметить блок статей о влиянии политики и идеологических установок на проведение славистических съездов, которые за немногим исключением проводились раз в пять лет. Этот аспект важен потому, что именно на съездах представлялись важнейшие результаты проведенных в мировой славистике исследований и намечались главные направления дальнейшей работы. В статье С. Вольмана это "околонаучное" влияние показано на примере всех одиннадцати съездов, в статье Дж. Броджи Беркофф – на основе анализа докладов литературоведов на IV съезде славистов в Москве, а в статье М. Гардзанини – на примере изучения проблемы славянской Библии и обсуждения ее на съездах в Праге (1929) и Варшаве (1934).

Представляют интерес и статьи о развитии славистики в неславянских странах, в частности в Швейцарии (П. Бранг и Р. Эгертер) и Греции (Я. Малингуди), о чем в отечественной литературе известно чрезвычайно мало. Любопытны размышления о проблемах словацкой славистики и идеологии (Д. Чаплович) и о современном состоянии словацкой славистики (Я. Доруля), о идеологическом контексте понимания славянской мифологии (Д. Дупкала).

Книгу сопровождают содержательные введение (Дж. Броджи Беркофф) и заклю-

чение (Т. Ивантышинова), представляющие цели, задачи и итоги изучения важной проблемы взаимоотношения науки и идеологии в истории славистики. Очень полезной новацией является также мини-библиографический словарь участников сборника, характеризующий их научные интересы и исследования в области истории славистики.

По нашему мнению, новая публикация МКИС является заметным явлением в истории мировой славистики, все статьи интересны по предмету своего исследования и написаны на высоком профессиональном уровне. Они лишней раз свидетельствуют, что изучение темы "наука и идеология" в наше переходное время весьма перспективно и актуально, помогая лучшему осмыслению динамики сугубо научных процессов.

© 2000 г. М.Ю. Досталь

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Методологические вопросы истории славистики. М., 1978; *Stúdie z dejín svetovej slavistiky do polovice 19. storočia*. Bratislava, 1978; История на славистикеата от края на XIX и началото на XX век. София, 1981; *Beiträge zur Geschichte der Slavistik in nichtslawischer Ländern*. Wien, 1985; *Aktuálne problémy dejín slavistiky*. Bratislava, 1986; История мировой славистики: Указатель литературы. 1985. М., 1987; *Słowianoznawstwo w okresie międzywojennym. 1918–1939*. Wrocław, etc., 1989. Cz. 1; История мировой славистики: Указатель литературы. 1988. М., 1990; *L'idea dell'unità e della reciprocità slava e il suo ruolo nello sviluppo della slavistica*. Roma, 1994; *Veda a ideológia v dejinách slavistiky*. Bratislava, 1998.
2. Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979; *Историография истории южных и западных славян*. М., 1987; *Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян*. М., 1988; *Славяноведение и балканистика в отечественной и зарубежной историографии*. М., 1990.

ОБЗОР НОВЫХ ИЗДАНИЙ ПО СЛАВЯНСКОМУ ЯЗЫЧЕСТВУ И МИФОЛОГИИ

Studia Mythologica Slavica (Вып. 1, 1998. 316 С.; Вып. 2, 1999. 317 С. Ljubljana; Piza).

Исследования по славянской мифологии.

В.Н. ТОПОРОВ. *Предистория литературы у славян.* М., 1998. 320 С.

Z. ŠMITEK. *Kristalna gora.* Ljubljana 1998. 199 S.

З. ШМИТЕК. *Кристалльная гора.*

М.А. ВАСИЛЬЕВ. *Язычество восточных славян накануне крещения Руси: Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа князя Владимира.* М., 1999. 328 С.

В 1998 г. вышел в свет первый выпуск нового издания "Studia Mythologica Slavica" (SMS), осуществляемого научно-исследовательским центром Института словенского фольклора Словенской Академии наук и Университетом г. Пиза. Научный альманах представил новейшие исследования славистов из разных стран, касающиеся проблем изучения и реконструкции славянской мифологии и традиционной духовной культуры. В 1999 г. увидел свет второй выпуск этого издания; хочется надеяться, что сборник станет периодическим. Концепция международного альманаха предполагает публикацию материалов по нескольким тематическим рубрикам (они частично совпадают в обоих выпусках) – "Славянская мифология – версии и реконструкции", "Семиотические интерпретации народных традиций", "Психологические интерпретации народных традиций", "Методология исследований", "Мифология и литература", "Неиндоевропейские параллели", – освещающим различные проблемы славистики в лингвистическом, фольклористическом, историческом и культурологическом аспектах.

Первый выпуск SMS открывается мемориальным разделом, в котором опубликованы статьи Н.И. Толстого «"Без четырех углов изба не строится" (заметки по славянскому язычеству)» об общеславянском ритуале почитания четырех углов дома (двора, поля) как сакрального места, связанного с пребыванием домашнего духа или

душ предков (С. 9–22), и Н. Курета "К происхождению обряда поисков убежища" – рождественского обходного обряда, распространенного (в Старом свете) от Испании до Словении (С. 23–25).

Раздел, посвященный проблемам реконструкции славянской мифологии, открывается статьей В.Н. Топорова (С. 29–34). Реконструкция дохристианской славянской религии во многом зависит от того, как понимать соотношение "язычества" и преодолевшего его христианства в традиционной культуре. Автор вскрывает парадокс славянской традиционной культуры, при котором язычество не осознает себя таковым, "угнездившись" в сердцевине бытового христианства (С. 33), и фольклорное христианство оказывается "источником" для реконструкции языческих верований.

Л. Мошинский (С. 35–44) обратился к проблеме "разнородности" праславянских мифологических реконструкций, которые зависят как от объективных причин – состояния источников, так и от субъективных подходов разных исследователей, различно понимающих время и место существования праславянской общности, поразному интерпретирующих одни и те же немногочисленные тексты. К сложным проблемам относится воздействие христианской традиции на информацию источников по славянскому "язычеству" (ср. сопоставление Святовита со св. Витом уже у Гельмольда, Волоса со св. Власием и т.п. – С. 39). Дальнейшее продвижение в рекон-

струкции праславянских мифологических представлений зависит от взаимодействия специалистов разных гуманитарных дисциплин.

А. Лома в статье "Interpretationes Slavaicae. Некоторые ранние мифологические глоссы" (S. 45–54) предлагает гипотезу о замене славянскими теонимами дославянских имен в сербской традиции (ср. [1]): так, гора Дабог получила наименование славянского Дажьбога потому, что предшествующая античная традиция связывала эту гору с Асклепием-Залмоксисом; возле горы Велеш обнаружен жертвенник Аполлона – мифического певца, сопоставимого с Велесом-Волосом, как носителем поэтической функции (в "Слове о полку Игореве"). Сложность этой гипотезы заключается в том, что неясен механизм взаимодействия античной и славянской фольклорной традиций – ссылки на сопоставление античных и славянских божеств в памятниках славянской книжности (в том числе на глоссы к переводу Хроники Малалы) не проясняют этой проблемы.

Непростой проблемой реконструкции словенской мифологической традиции посвящена статья Н. Михайлова (S. 55–60) (ср. [2]). Она воссоздается по преимуществу на основе данных ономастики – топонимов с основой Vel-/Vol- (Велес/Волос), Мокошка, Триглав и т.п. Еще более проблематична "двойная" реконструкция, направленная на поиск отзвуков дохристианских мифов в словенских песнях (статья В. Нартника; S. 61–74), в том числе о чудесной рыбной ловле в Дунае, когда рыбак (св. Флориан) сопоставляется с Перуном, а рыба – с его противником в реконструируемом "основном мифе" славянской мифологии и т.п. Н. Чаусидис в статье о Свароге (S. 75–92) продолжил свои опыты реконструкции славянской мифологии на основе древних изобразительных материалов (см. о них в: [3]). Автором уловлено сходство в передаче антропоморфных персонажей в древнеиранской и раннесредневековой (VII в.) традиции, однако сопоставление *Сварог* – *Зерван* остается малообоснованным. Статья З. Шмитека (S. 93–118) посвящена едва ли не единственному мифологическому персонажу, сохранившемуся в словенском фольклоре – Креснику. Аутентичность связанных с ним мотивов, часто ставится под сомнение – фиксация этих мотивов относится к XIX в., эпохе славянского "национального романтизма"; набор этих мотивов настолько разнообразен, что Кресника без труда можно включить в схему "основного мифа" (ср. [1]) как змеборца, сопоставить с Юрием-Ярилой (не менее "ро-

мантической" фигурой в передаче Древлянского) и, конечно, отыскать индоевропейские, в частности иранские, параллели – З. Шмитек сравнивает Кресника с иранским Йимой. М. Кропей в статье о коне как космологическом животном (S. 153–168) обнаруживает дохристианские истоки культа коня в словенском фольклоре, в частности в связи с празднованием дней св. Стефана, св. Георгия, и увязывает этот культ с тем же Кресником – всадником-змеборцем и т.д. Календарная приуроченность "конских" праздников свидетельствует о космологической функции самого коня (ср. связь этих праздников со сменой календарных циклов в общеславянской традиции – [4. Т. 2. С. 592]). Очевидные дохристианские истоки имеют и представления о воде (реке), разделяющей мир живых и "тот" свет: этому сюжету посвящена статья М. Менцей (S. 205–224), автора монографии о воде в словенской фольклорной традиции (рецензию см. [5]). Не менее ярко дохристианская обрядность у словенцев (как и у прочих народов Европы) проявляется в праздновании Иванова дня (Kres), проанализированного в статье Х. Ложар-Подлогар (S. 225–242); вероятным воплощением этого праздника был (как считал еще Миклошич – ср. S. 227) и упомянутый Кресник.

А. Плотнокова в статье "Южнославянская народная демонология в балканском контексте" (S. 119–130) описывает набор специфически характерных для народной демонологии южных славян особенностей и рассматривает их в более широком контексте балканской демонологии. Автор предлагает классификацию балканославянских демонологических персонажей и рассматривает каждую группу с точки зрения соотношения с традициями других славянских народов и неславянскими балканскими традициями.

Статья Л. Виноградовой "Духи, вселяющиеся в человека" (S. 131–140) продолжает серию исследований о мифологических основах славянской духовной культуры в области народной демонологии. Предметом исследования на этот раз становятся поверья о проникновении в тело человека злого духа в виде насекомого или хтонического животного, что подтверждается мифологическим "подтекстом" фразеологизмов типа "мухи в голове", "мухи в носу", "мышь в голове" и т.п. Поверья о вселении злого духа в человека представляют интерес для изучения особой категории "нечистой силы" – персонажей, не имеющих четко закрепленного за ними круга индивидуальных признаков, но объединенных функцией

"проникновения" в человека и вызывающих недуг.

С. Толстая в работе "Магические способности распознавания ведьмы" (S. 141–152) дает обзор народных представлений о том, как, когда и при помощи каких магических средств можно опознать ведьму среди людей. При этом оказывается возможным выявить ряд устойчивых мотивов, связанных с универсальными механизмами народной магии. Важнейшими условиями "разоблачения" ведьмы оказываются время (дни и ночи крупных праздников, новолуние и т.п.), место (храм, перекресток и др.), использование "чудесных" предметов (ложка, которой мешали рождественские блюда; проросший от Рождества до Пасхи чеснок; кусочек сыра, носимый при себе в течение Великого поста, и т.п.), выполнение ритуальных действий, которые сообщают человеку "сверхзнание" (изготовление стульчика из целого куска дерева в период от дня св. Люции до Рождества; разжигание поленев, которые собирались в эти же дни, и т.п.).

М. Шашель-Кос в статье "От золотых копей тавриков до Златорога и чудесного альпийского зверя" (S. 169–182) сосредоточила внимание на трех основных темах. Это упоминания античных авторов Полибия и Страбона о золотых копиях в области кельтского племени *таврски*; бытующий в Юлийских Альпах и окрестностях Камника фольклорный сюжет о козле с золотыми рогами (*Goldenhorn* или *Zlatorog*), обладание которыми давало возможность отыскивать клады; свидетельства Полибия и Страбона о загадочном альпийском животном, в котором можно узнать лося. Эти темы, по мнению автора, переплелись в словенском фольклоре, который, как и всякая другая мифологическая традиция, трансформирует факты реальности в фольклорные образы.

Очерк Т. Агапкиной "Мифология деревьев в традиционной культуре славян: лещина (*Corylus avellana*)" (S. 183–194) продолжает серию работ исследовательницы в области "народной дендрологии" (Т. Агапкина – автор этнолингвистических этюдов о ели, осине, дубе в славянской традиции). Речь идет о верованиях и магической практике, относящихся к лесному ореху и представленным в разных областях Славии. На обширном материале раскрывается противоречивость образа лещины (его причастность к верхнему и нижнему миру одновременно: орешник способен отгонять змей, в него не бьет гром – орешник как место обитания демонов, использование лещины в поминальных обрядах), а также развитая система символических и семан-

тических связей лещины и грома-молнии, молнии и змеи, змеи и лещины в славянском фольклоре.

В статье Н. Колева "Мифы и легенды о водных источниках в Болгарии" (S. 195–204) анализируются болгарские легенды, первая связана с водой и источниками и отражающие архаические и христианские пласты народных верований. Автор сопоставляет две группы мифологических рассказов: первая связана с языческими представлениями о водных духах, обитающих в источниках (*самовила*, *таластм* и др.), вторая отражает народно-христианский взгляд на почитаемые источники (легенды о Христе, Богородице, святых).

Л. Ристески в статье "Мифологические представления о мире мертвых в традиционной культуре македонцев" (S. 243–257), опираясь на полевые записи 1995–1996 гг. из Архива Института древнеславянской культуры в г. Прилеп, представил панораму обрядовых действий, направленных на обеспечение контактов с "тем" светом, а именно – с сообществом предков. В течение года с момента смерти исполняется ряд церемоний, направленных на проводы покойного на "тот" свет и обеспечения ему статуса "чистого" покойника (особо отмечены роли участников ритуала, готовящих обрядовый хлеб и поливающих могилу водой). Материал показывает, что в традиционном сознании македонцев отражено трехуровневое устройство мира, причем нижний мир – мир мертвых – связан с понятиями вечной тьмы и, что не должно казаться парадоксальным, – бессмертия.

В лингвистической заметке П. Дини (S. 259–262) обнаруживается параллелизм значений итал. *povero* – 'умерший' (букв. – 'бедный') и слав. **ubog*, 'демоническое существо'.

Интердисциплинарная этнологическая интерпретация словенских баллад (сюжет о прекрасной Виде, покидающей отчий дом и отправляющейся на чужбину вместе с мавром) представлена работой Д. Овсеца "Прекрасная Вида: вечная ценность психологического аспекта словенской баллады" (S. 265–277). Работа ориентирована на психологический (психоаналитический) и антропологический аспекты изучения мифа.

Раздел о неиндоевропейских параллелях представлен статьей М. Мильчински о китайской мифологеме инь/ян в связи со славянскими представлениями о Чернобоге и Белобоге (S. 281–288).

С. Гардзонио в статье "Некоторые соображения о славянском пантеоне в твор-

честве Александра Радищева" (S. 291–298) обращается к анализу оригинального синкретизма славянских, античных, библейских, оссиановских элементов в произведении XVIII в. "Песни петье на состязаниях в честь древним славянским божествам". Автор показывает, как в творчестве Радищева вольная трактовка славянского мифологического материала и идеализация славянского язычества сочетается с идеалами свободолюбия и стремлением поэта осмыслить роль и значение России в патриотическом духе.

Д. Айдачич в статье "Речь демона в словенской литературе XIX в." (S. 299–306) сравнивает речевое поведение восточнославянских и южнославянских демонологических персонажей в фольклорной традиции (основой послужили работы Л. Виноградовой и О. Санниковой) и "языковые характеристики" "нечистой силы" в произведениях русских и сербских писателей-романтиков (О. Сомов, Н. Гоголь, В. Олин, С. Милутинович, Й. Попович и др.), подчеркивая сходство стилистических и фонетических особенностей говора демонов в фольклорных источниках и литературных произведениях.

Е. Левкиевская в статье "К вопросу об одной мистификации или гоголевский Вий при свете украинской мифологии" (S. 307–315) обращается к одному из самых загадочных персонажей, неоднократно вызывавшему споры среди фольклористов. Детальное сравнение описания Вия в повести Н. Гоголя с аутентичным материалом (такие признаки персонажей славянской низшей демонологии, как приземистость, наличие железных частей тела, засыпанность землей, особенности зрения) позволяет сделать вывод о том, что персонаж с набором признаков, приписываемых литературному образу Вия, в славянской мифологической системе не обнаружен. Таким образом, перед нами авторская мистификация, созданная с привлечением реально бытовавших мифологических мотивов по законам романтической эстетики. Авторам настоящего обзора стала известна еще одна параллель образу Вия в неславянской – карачаевской – традиции: это Кырқабан – подземное существо, воплощение глаза; сам он не может поднять веки – ему помогает в этом специальный демон Кыркауузлу Солтан (запись М.Д. Каракетова, 1992 г.).

Второй выпуск SMS открывается статьей Л. Слупецкого и Р. Зарова (S. 9–20) о редко используемом сообщении Вильяма из Мальмсбери об идоле Фортуны, почитаемом

славянами (Vindelici); в руку идола влагают рог с медовым напитком. Заров склонен соотносить этот культ с культом Свентовита на Рюгене, Слупецкий – с религией лютичей. Отметим, что известия о почитании славянами божества судьбы характерны для разных авторов, начиная с Прокопия Кесарийского. Насколько эти известия навеяны античными традициями, а насколько связаны со славянскими реалиями, сказать трудно: характерно, впрочем, что женская "ипостась" Збручского идола снабжена рогом, что может указывать на условность "племенных" границ культа богини с рогом изобилия. При этом сам Вильям ссылается на обличие сходных языческих обычаев еще у пророка Исайи – так же, как русские средневековые книжники обличали культ рожаниц, которым наполняли чашу и ставили трапезу "двоверцы".

С. Цигленечки сопоставляет в своей статье (S. 21–32) словенский обычай "женитьбы сосны" – карнавальную "свадебную" церемонию – с античными мистериями в честь Кибелы и Аттиса, символом которого была сосна; ржанных курентов он сравнивает с античными корибантами. При таких сопоставлениях самой сложной проблемой (вполне осознаваемой автором) остается хронологический разрыв между фиксирующей словенского обычая и античной эпохой (ср. убедительное предположение М. Матичетова о том, что генезис образа курента связан с христианскими фольклорными воплощениями масленицы – Пуста [6]).

Археолог Ф. Шмидт (S. 33–46) стремится локализовать известный из письменных источников культовый центр славянского племени редариев – Ретру – среди сети поселений и культовых памятников у оз. Толлензее.

Сложную проблему организации языческого культа в Киевской Руси поднимает в своей обзорной статье Р. Заров (S. 47–76). Обзор основан, по преимуществу, на англоязычной литературе, и хотя вывод о славянской (нескардинавской) основе древнерусского языческого культа не противоречит источникам, сами эти источники используются исследователем из вторых (и даже из третьих) рук.

Статья Л. Слупецкого (S. 77–98) посвящена загадочным памятникам в окрестностях Кракова – курганам Крака и Ванды, приписываемым в легендах средневековых польских хронистов основателю Кракова и его дочери. Были предприняты раскопки кургана Крака, которые смогли прояснить дату сооружения насыпи – IX–X вв., однако

под насыпью не оказалось погребения. Слупецкий предполагает, что культовая насыпь была сооружена, как и другие сходные большие курганы Северной и Восточной Европы, в последний период противостояния языческого и христианского культов: на Висле упорствующие язычники сопротивлялись христианскому влиянию, исходившему из Моравии. Отметим, что и на Руси главными памятниками языческого культа позднейшей поры стали княжеские курганы: функции правителей ранних государств приравнивались к мифологическим функциям культурных героев, каковым в польской традиции был и легендарный Крак.

Р. Дапит в своей статье (S. 99–144) констатирует, что представления о "том" свете и персонажах потустороннего мира составляют в Словении факт живой традиции. Базой для исследования послужили материалы архива Института словенской этнологии в Любляне (коллекция записей составляет около 4 тыс. единиц). Автор рассматривает как представления о "том" свете, так и верования о различных воплощениях демонологических персонажей (вихрь, черная женщина, огромный человек, мифические всадники и т.п.), зафиксированные в народных мифологических рассказах и биографических нарративах. Ценным дополнением к статье является публикация 80 текстов на резьянском диалекте с комментариями.

В статье Т. Агапкиной (S. 145–160) анализируется соотношение мифологических и календарных составляющих таких персонажей народной демонологии, как южнославянские *тодорцы*, восточнославянские *русалки* и *нави*. Указанные персонажи принадлежат к особой группе "мертвецов-демонов" и имеют ряд общих признаков. Их происхождение в народной традиции связывается с так называемыми "нечистыми покойниками" (девушки, умершие до брака, некрещеные или мертворожденные дети) или умершими в определенный календарный период (на Тодоровой неделе, на Русальной неделе). Поименование этих категорий умерших во многом регламентируется соблюдением целого ряда запретов, а посвященные им поминальные дни не совпадают как с датами поименования предков в народной традиции, так и с установленными церковью поминальными днями. Между именами мифологических персонажей и названиями календарных периодов прослеживается определенная связь ("тодорцы" и "русалки" интерпретируются соответственно как производные от хронимов "Тодорова неделя"

и "русалии"; имя "нави" само формирует хронимы типа "Навский Великдень", что подтверждается четкой ареальной соотносительностью верований об этих демонах с бытованием календарного термина). Опираясь на широкий фольклорно-этнографический контекст, автор предлагает также новое прочтение рассказа "Повести временных лет" о нападении "навий" на жителей Полоцка в 1092 г. Выдвигается гипотеза, согласно которой в данном фрагменте речь идет именно о вредоносных демонах, верования в которых до наших дней фиксируются в ряде южно- и восточнославянских этнокультурных диалектов; таким образом, можно реконструировать еще одно (периферийное или окказиональное) значение слова *нави* (*навье*, *нави*) – "нечистый, опасный покойник" – помимо общепринятого значения "предки". Отметим вместе с тем, что функции "предков" в архаических культах амбивалентны – характерна их "сопряженность" с другими демонологическими персонажами "того" света, в частности в календарной обрядности.

З. Шмитек в статье "Об изображении этого и "того" света в словенской фольклорной традиции" (S. 161–195) на материале из разных областей Словении рассматривает образ мировой оси (горы, дерева) в словенском фольклоре – песнях, народных молитвах, разговорах, загадках. Выделяется корпус стереотипных мотивов, связанных с переходом в потусторонний мир и описывающих как "тот" свет, так и способы преодоления границы между мирами (нисхождение в подземный мир через пещеру, могилу или ствол пустого дерева; переход по мосту через подземную реку, по берегам которой растут вербы, на которых сидят черные птицы – души некрещеных детей; переправа через "Тнилое" или "Кровавое" море; восхождение по лестнице или по стволу дерева в небо; восхождение на стеклянную гору). Особенности описания потустороннего мира автор связывает как с архаическими славянскими верованиями (например, культом деревьев или фитоморфными и зооморфными посмертными воплощениями души), так и с влиянием других традиций (гностической, орфическо-пифагорейской, христианско-библейской). Реконструкции автора подкрепляются сведениями об актуальных верованиях, зафиксированных в Словении. Так, "потусторонняя" символика моста реализуется в народных представлениях о мосте как творении дьявола, как опасном месте – обители ведьм и привидений, в широко

практикуемой "магии на мосту". Символика объекта, символизирующего центральную мировую ось, по мнению автора, проявляется в обрядах опоясывания культовых построек (например, храма в день престольного праздника) и деревьев. В статье рассматриваются также стилизованные мотивы мирового древа в народном искусстве. Интересен пример росписи пасхального яйца из Прекмурья, изображающей два дерева (каждое с тремя корнями), растущие навстречу друг другу (одно с "земли" до "неба", другое с "неба" до "земли") так, что вершины их переплетаются в среднем мире. Данная композиция трактуется автором как наглядное изображение трехуровневой космогонической системы координат, в которой средний мир людей оказывается соединен каналами связи (воплощенными в образе древа) с верхним и нижним мирами, каждый из которых по-своему репрезентирует мифологему "того" света.

М. Менцей в статье "Мифологический персонаж Šent в словенском фольклоре" (S. 197–203) попыталась выяснить, является ли данный персонаж плодом авторского вымысла Д. Трстеняка или же отражает аутентичные словенские верования (отметим, что мифологического персонажа с таким именем в других славянских традициях не зафиксировано). Подобная постановка вопроса имеет под собой серьезные основания. Как уже отмечалось, сведения о словенских демонологических персонажах, содержащиеся в письменных источниках XIX в., отличаются романтической кабинетной мифологизацией. Ряд данных (в том числе имен мифологических существ), приводимых в свое время Д. Трстеняком, вызывает сомнения (см.: [6. С. 89–90]), и, чтобы проверить их надежность, необходимо искать подтверждение им в фольклорной традиции тех мест, на которые указывает в своих работах Трстеняк (хотя некоторые имена до сих пор остаются без точной локализации). Сведения о Šent'e (в единственной записи Трстеняка, опубликованной в 1859 г.) исчерпываются следующим набором признаков: он хромым, имеет при себе топор, появляется в течение 12 ночей после Рождества (время разгула волков), своих прислужников превращает в волков, для чего они должны переплыть некое водное пространство. Рассматривая отдельные составляющие этого образа, Менцей сопоставляет их с представлениями о "волчьем пастыре" у других народов Европы: в этой роли у славян выступает леший, свв. Юрий, Никола, Савва (иногда

они описываются хромыми), белый волк. Мотив переплывания реки сравнивается с упоминаемым Плинием Старшим ритуалом превращения человека в волка в Аркадии (метаморфоза завершалась после того, как выбранный по жребию человек переплывал озеро). Что касается замечаний Трстеняка о том, что предводитель колядников в Штирии называется Volčko и что колядники в Польше носят с собой мертвого волка, то они ставятся автором в контекст общеславянских "вольчих праздников". Данный вывод представляется не совсем обоснованным, так как "вольчих дни" характерны только для Балкан (за пределами этого региона они известны только гуцулам, испытавшим влияние соседней румын; см. [4. С. 427–428]; *вучари* (группа ряженных мужчин, обходящих дома с убитым волком) – факт исключительно южнославянской традиции (сербы, хорваты, македонцы). Упоминание о белорусском "коледнике" как волчьем празднике не подтверждается этнографическими фактами – для белорусской традиции (как и вообще для восточнославянской) характерно соблюдение календарных и временных запретов, связанных с оберегом от волков, на протяжении всего года, без приуроченности к какому-либо одному определенному отрезку.

Вопрос о достоверности хромого Šent'a остается открытым еще и потому, что приводимое автором фольклорное свидетельство о существовании в области Горенско народных верований о некоем хромом персонаже – предводителе стаи псов, которым он указывает жертву, направляя на нее свой топор, взято из свода материалов Й. Келемины (факты из которого нуждаются в проверке порой не меньше чем приводимые Трстеняком) и может рассматриваться как свидетельство живой традиции с большой долей условности.

В статье Р. Эккерта (S. 207–218) сопоставляются данные восточнославянской фольклорной традиции о "матери – сырой земле" со сходными образами лето-литовского фольклора. Реконструируемый образ "земной богини" оказывается связанным как с представлениями о плодородии, так и со смертью, могилой – преисподней.

М. Евзлин в своей статье (S. 219–232) продолжает (вслед за В.Н. Топоровым и др.) исследовать космогонические основы сюжетов волшебной сказки, в частности, освобождения царевны от змея в подземном царстве. Особое внимание уделяет автор функции змея как помощника главного героя, а также змеиному происхождению

сказочной девицы (похищенной или найденной). Смысл этих мотивов видится как вычленение из "змеино" хаоса женского начала и вступление с ним в священный брак: результатом может стать космогонический акт (как пример космогонического архетипа в русских сказках рассматривается мотив о трех царствах, "разворачивающихся" из яиц).

А. Боргини в статье "Клубок в фольклоре: типологические очертания. Русская сказка и античный рассказ о Тесее в критском лабиринте" (S. 233–244) сравнивает различные фольклорные тексты, в которых фигурирует клубок: итальянские народные рассказы (в том числе о ведьмах, использующих клубки во вред людям), сказку Афанасьева об Иване-царевиче, которому клубок указывает дорогу к Бабе-Яге, и миф о Минотавре. Автор обнаруживает в этих текстах сходные мотивы: клубок, служащий проводником в подземный, потусторонний мир; смерть одного из персонажей (так или иначе связанная с клубком); девушка-невеста (в итальянском варианте еще и ведьма).

Очередная попытка реконструкции утраченных элементов славянских космогонических мифов (на материале восточнославянских заговоров) предпринята Г. Шиндиным (S. 245–258). Автор рассматривает универсальный мотив "рассечения" в заговорных текстах (в частности, сопровождающих обряд излечения *утина* – поясничных болей) и считает его реализацией некой проторитуальной, протозаговорной схемы "разъединения жертвенного тела". В связи с воссозданием автором предполагаемого архаического прототипа привлекаются также ритуальные вопросоответные конструкции (в том числе из современной обрядовой практики) и гипотетический "обряд посвящения". Основным уязвимым моментом выстроенной автором схемы является даже не огромный хронологический разрыв между пластами сопоставляемого материала (с одной стороны, это факты индоевропейской традиции, с другой – славянский материал в поздней фиксации XIX–XX вв.), при котором неминуемо образуется значительная лакуна, заполняемая в основном гипотетическими авторскими построениями; главный недостаток видится в трактовке конкретного этнографического материала, которая в ряде случаев недостаточно корректна и явно "притянута" к авторской реконструкции. В первую очередь это касается свидетельств об использовании веника в различных обрядовых ситуациях в связи с мотивом

"рассекания", "разрубания" и т.п. Здесь в одном контексте смешиваются два разных (и, более того, противоположных по своей символике) обрядовых атрибута: в народной традиции *веник-метла* связан в первую очередь с понятием "сухой", "мертвый" и противопоставлен *венику банному*, а также веткам, зелени, ритуальному дереву и т.п. предметам, для которых значима символика роста, вегетации, плодovitости (см. [4. Т. 1. С. 307–313, 313–314, 364–366; Т. 2. С. 308–312]). В рассматриваемой статье фигурирует некий абстрактный "веник", и поэтому в одном ряду оказываются (и, соответственно, им приписывается одинаковая направленность) такие ритуальные действия, как разрубание веника на спине больного, битье вербовыми прутьями скота и людей, "передача" способности к колдовству при помощи веника (заметим, что в данном случае вообще может использоваться любой предмет или прикосновение), гадание с баннным веником и т.п. Таким образом, речь действительно может идти только о "вероятных семантических рефлексках" некоего индоевропейского сюжета, для реконструкции которого в славянской традиции требуется более четкий подход и тщательная проработка материала.

Статья Э. Каман "Парадигма праздника в трудах В.Я. Проппа и М.М. Бахтина" (S. 261–274) представляет собой обзор неиссякающей критической литературы, посвященной этим исследователям (в частности, вновь рассматриваются аспекты "антиформалистической" полемики Леви-Стросса с Проппом). Следует отметить, что "парадигма праздника" в трудах Бахтина ориентирована не только и не столько на анализ народной "смеховой" культуры, сколько на понимание генезиса романа как "карнавального" полифонического жанра.

Статья Н. Чаусидиса (S. 275–296) о "мифологических изображениях" у южных славян посвящена попытке типологизации изобразительных мотивов в соответствии с доминирующими иконографическими "принципами": "женская фигура", солярные изображения, "мужской принцип". Отметим, что соотношение тех или иных реальных изображений с выделяемыми "принципами" не всегда убедительно: Збручский идол, отнесенный к "мужскому принципу" на основании его в целом фаллической формы, в действительности передает идею космической оси – мирового древа – со всеми характеристиками универсума, включая женские его ипостаси.

Д. Айдачич (S. 307–317) рассматривает традиционное для мифологии восточных и

южных славян представление о способности летать различных демонологических персонажей и его отражение в литературе XIX в. (П. Негош, Й. Змай, Л. Костич, Н. Гоголь, О. Сомов, В. Даль, Г. Квитка и др.). Речь идет о таких существах, как *вилы* и летающий змей-любовник, атмосферных духах (огненный змей, *ала/хала, ламия*), орнитоморфных воплощениях души и демонических персонажах (дьявол, *вештица*, вампир, *мора*). Отдельно анализируется универсальный мотив полета к месту сбора нечистой силы – один из самых популярных в литературе романтизма.

Новые книги, посвященные проблемам славянской религии и мифологии, заслуживают специальных рецензий. В обзоре следует упомянуть, прежде всего, работы В.Н. Топорова, З. Шмитака и М.А. Васильева.

Книга В.Н. Топорова представляет собой введение к курсу славянских литератур и именуется "Предистория литературы у славян". Автор синтезировал в своей книге более ранние опыты реконструкции праславянской мифологии и наиболее последовательно развернул "схему" так называемого основного мифа о поединке Громовника (Перун) со змеевидным противником (Волос), их вражды из-за женского персонажа (Мокошь), а также небесный вариант этой божественной драмы (небесная свадьба) и т.д. вплоть до "разыгрывания" тех же сюжетов основного мифа в календарных ритуалах. Все это позволяет усматривать определенное единство во всей славянской фольклорной картине мира, равно как и предполагать ее предрасположенность к специфическому восприятию грядущей христианской литературы.

З. Шмитек в книге "Кристалльная гора" поставил трудную задачу мифологической реконструкции весьма фрагментированной словенской традиции. Естественно, для реконструкции словенских мифологических сюжетов и образов, начиная с космогонии и антропогонии, явно представляющих собой фрагмент распространенной апокрифической легенды о нырянии за землей на дно океана, сотворении человека (см. книгу В.С. Кузнецовой о восточнославянских дуалистических легендах [7], а также рецензию на нее А.Л. Топоркова [8]) – (версия о творении человека из капли божественного пота напоминает мотив Начальной русской летописи), – кончая мифологическими персонажами (включая того же Кресника, горного духа *ведомец* и др.), автору пришлось привлечь не только славянский, но и

обширный индоевропейский, прежде всего – индоиранский и германский сравнительные материалы.

Работа М.А. Васильева основана, напротив, на конкретных и весьма скурых источниках по древнерусскому язычеству накануне крещения Руси. Первая ее часть посвящена генезису Хорса и Семаргла, древнерусских божеств иранского происхождения, включенных князем Владимиром в киевский пантеон. Автор развенчивает историографические мифы, наслонившиеся вокруг образов этих "божеств", о которых в нарративных источниках неизвестно ровным счетом ничего, кроме их "позиции" в пантеоне Владимира. Немало находок сделано Васильевым и в исследовании "языческой реформы" князя Владимира, в частности, летописный мотив "проводов Перуна" – низвержения идола в днепровские воды после крещения князя – остроумно сопоставлен с календарными обрядами проводов "карнавальных" чучел в восточнославянской традиции. Возникает естественная проблема ранней фиксации этих событий в летописных текстах: ведь даже гипотетический Древнейший свод мог быть составлен не ранее 1039 г. – через полстолетия после крещения Руси.

В целом исследования в области славянских мифологических древностей все более опираются на методы междисциплинарного синтеза. Источниковой базой для них остается в основном современный фольклор (ср. недавно вышедший в свет второй том словаря "Славянские древности"). Остается слабо изученной, в частности, древнерусская книжная традиция – после работы Е.В. Аничкова [9], вышедшей в 1914 г., практически не было специальных текстологических исследований русских поучений против язычества и т.п., только начинает осознаваться роль влияния византийской, а при ее посредстве – античной традиции на славянскую культуру [10]. Все это требует новых исследований.

© 2000 г. О.В. Белова, В.Я. Петрухин

Работа выполнена в рамках проекта РГНФ (99-04-00079)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лома А. Древние славянские божества у сербов // Живая старина. 1998. № 1. С. 2–4.
2. Михайлов Н. Фрагмент словенской мифопоэтической традиции // Концепт

- движения в языке и культуре. М., 1996. С. 127–141.
3. Белова О.В., Петрухин В.Я. Славянское язычество: новые исследования // Славяноведение. 1996. № 5. С. 107–113.
 4. Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 1995–1999. Т. 1–2.
 5. Петрухин В.Я., Толстая С.М. Вода в представлениях древних славян о загробном мире // Живая старина. 1999. № 2. С. 54–55.
 6. Матичетов М. О мифических существах у словенцев и специально о Куренте // Славянский и балканский фольклор. 1989. М., 1989.
 7. Кузнецова В.С. Дуалистические легенды о сотворении мира в восточнославянской фольклорной традиции. Новосибирск, 1998.
 8. Топорков А.Л. Двойственная оценка книги о дуалистических легендах // Живая старина. 1999. № 4. С. 47–49.
 9. Аничков Е.В. Язычество и древняя Русь. СПб., 1914.
 10. Толстой Н.И. Язычество и христианство Древней Руси // Толстой Н.И. Избранные труды. М., 1998. Т. II. С. 422–430.

Славяноведение, № 4

ФОМА СПЛИТСКИЙ. *История архиепископов Салоны и Сплита* / Вступительная статья, перевод и комментарий О.А. Акимовой. М., 1997. 320 С.

Серия "Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы" обогатилась новым русским переводом хроники Фомы Сплитского – важнейшим историческим сочинением средневековой Далмации. Издание включает в себя новый перевод, сделанный на высоком профессиональном уровне, вступительную статью и подробный комментарий, а также латинский оригинал текста (латинский текст воспроизводится по изданию наиболее близкого к протографу списка хроники [1]. Редактор латинского текста – А.И. Солопов.) Необходимость нового перевода назрела давно, поскольку выполненный во второй половине XIX в. перевод А. Красовского [2] стал библиографической редкостью и к тому же устарел. Попытка нового перевода, предпринятая М.В. Бердоновым и А.Е. Москаленко, осталась незавершенной [3].

Сочинение Фомы Сплитского имеет чрезвычайную важность для изучения не только средневековой Далмации, но и всего юго-восточного региона Европы, особенно Хорватии и Венгрии. Оно повествует о его истории, начиная с античных времен, но особенно важно своим уникальным материалом по XIII в. Автор сочинения – архидиакон сплитской церкви Фома впервые для далматинско-хорватского ареала дал изложение исторических событий, связан-

ных не только с историей города Сплита, но и целого региона. Фома был активным участником политической и церковной жизни своего времени, что придает его хронике несколько иное, чем обычно в средневековой историографии, звучание.

В центре внимания автора находилась борьба за утверждение коммунального строя Сплита в его варианте, близком к итальянским городам-коммунам. Сам Фома был одно время лидером этого движения. Его хроника также важна как произведение, отразившее формирование далматинского исторического сознания. Его спецификой стало понимание славянского населения Балкан как участника древней, античной истории, ставшее затем стержнем хорватской исторической традиции. Также важна общая антивенгерская направленность сочинения, выражавшая патриотические настроения далматинцев. Хроника дает интересный материал для воссоздания картины культурного и этнического развития такого важного центра Адриатики, каким был Сплит – центр архиепископии.

Во вступительной статье О.А. Акимова приводит важнейшие сведения о сочинении и его авторе, реконструирует его биографию, дает анализ специфики произведения и основную характеристику эпохи и ее сложных исторических и этнокультурных про-

цессов. Автор статьи выделяет такие проблемы, как романо-славянский синтез в городах Далмации, их славянизация, утверждение коммунального строя и движение за его модификацию. Особое внимание обращено на проникновение хорватских феодалов в города, где они стали занимать должности комитов – глав городского самоуправления, а также на процесс замены этой формы власти системой подестата, заимствованной из Италии. О.А. Акимова выделяет еще одну проблему – взаимоотношения мирян и клира в Сплите, поскольку она во многом определяла пульс городской жизни. Миряне претендовали не только на участие в выборах городских магистратур, они отстаивали свое право выбирать сплитских архиепископов, в чем им отказывали местный клир, а также светская власть Венгрии и папский Рим. В этой связи О.А. Акимова тонко подметила основное противоречие политической деятельности Фомы – отстаивание городских свобод перед внешними властями при активном сопротивлении вмешательству мирян в дела клира, в том числе и в выборы архиепископа (С. 15).

Автор статьи совершенно справедливо выделяет основную идею хроники – необходимость для города сильного и справедливого правителя и плачевные последствия его отсутствия (С. 17). Антивенгерская и антикоролевская направленность хроники Фомы, отмечает О.А. Акимова, сказалась в том, что он подвергал критике всех сплитских архиепископов – ставленников Венгрии (С. 17). Отсюда вытекает критическая тенденция Фомы в освещении деятельности сплитских архиепископов (С. 16). При этом О.А. Акимова учитывает личностный фактор – конфликт Фомы с архиепископом Гунцелом и неудача попытки Фомы занять архиепископский престол Сплита из-за сопротивления венгерской королевской власти, части клира и горожан. Исследовательница по праву говорит об "эгоистическом подтексте" всей хроники Фомы, всех ее сюжетов (С. 16).

Чрезвычайно важны для истории далматинской литературы и культуры в целом наблюдения над жанровым характером сочинения, в котором, наряду с основным летописным остовом, появляются элементы мемуаристики и политического памфлета (С. 19). Также интересно выявленное О.А. Акимовой совмещение в хронике различных исторических и этических оценок, романской и славянской культурно-исторических традиций, что позволяет ей дать подробный анализ социально-этических взглядов сплитского архидиакона, его само-

сознания как клирика и горожанина одновременно (С. 19–21).

От всех других изданий хроники, отечественных и зарубежных, данное отличает полнота и тщательность историко-культурного комментария. Здесь он является не просто компендиумом необходимых исторических и культурологических пояснений, касающихся исторических персонажей, реалий, явлений и процессов. Именно в комментарий вполне логично перенесен источниковедческий анализ текста хроники. Публикатором с наиболее возможной полнотой определены источники хрониста, выявлены цитаты. Прослежено, как и в какой мере повлияли на интерпретацию Фомой Сплитским текстов своих источников и отображение исторических событий факты его личной биографии и политические пристрастия, интересы Сплитской архиепископии, понимание им церковных реформ, проводимых папой Григорием VII и его последователями, горячая поддержка архидиаконом Римского престола в борьбе за инвеституру и другие факторы.

Большую помощь в пользовании книгой оказывают именно географическо-этнические указатели, хотя они не распространяются на латинский текст, что было бы желательно.

Изданий по старой истории народов бывшей Югославии у нас, к сожалению, мало, тем более изданий источников. Тем важнее публикация "Истории" Фомы Сплитского, ставшая результатом многолетней целенаправленной работы переводчика и публикатора.

© 2000 г. Г.П. Мельников

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Thomas Archidiaconus. Historia Salonitana / Digessit Racki F. Zagrabiae, 1894* (= Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium. Vol. 26: Scriptores. Vol. 3).
2. *Красовский А.* История салонских и сплитских епископов Фомы архидиакона Сплитского. Перевод и опыт историко-критического исследования // Труды Киевской духовной академии. Киев, 1876. Сентябрь. Т. 3. С. 557–622; Октябрь. Т. 4. С. 73–117; Декабрь. Т. 4. С. 703–747; 1877. Т. 1. С. 504–549.
3. *Фома Сплитский.* История архиепископов Салоны и Сплита. Отрывки / Пер. М.В. Бердоносова // *Москаленко А.Е.* Возникновение и развитие феодальных отношений у южных славян. Учебно-методическое пособие. М., 1978. С. 49–58.

H. ANDERSEN. *Reconstructing prehistorical dialects: initial vowels in Slavic and Baltic*. Berlin; New York, 1996. [xviii], 238 P. (= Trends in linguistics: Studies and monographs, 91)

Х. АНДЕРСЕН. *К реконструкции праисторических диалектов: начальные гласные в славянском и балтийском*¹

Чтение работ по праславянской фонетике, количество которых из года в год становится все более необозримым, приводит к неутешительному выводу: разброс мнений едва ли не по любому вопросу – будь то палатализации, монофтонгизации, полногласие и т.д. – вполне соответствует числу ученых, занимающихся данной проблематикой. В этих условиях монографию одного из ведущих американских специалистов по славянскому языкознанию Хеннинга Андерсена "К реконструкции праисторических диалектов: начальные гласные в славянском и балтийском" следует приветствовать как наиболее серьезную на сегодняшний день попытку окончательного решения хотя бы одного из жгучих вопросов славистики – вариантности типа *олень/елень*. Впрочем, и другие работы ученого, вышедшие в последние годы (в особенности [1]), создают впечатление совершающегося в науке переворота – или, по крайней мере, хорошо подготовленного восстания против традиций и догм сравнительного славянского языкознания.

Вооружившись безукоризненным знанием доступного из научной литературы фактического материала, Х. Андерсен в то же время дополнил традиционную фактологическую базу рассматриваемой им проблемы впечатляющим теоретическим оснащением: новейшие достижения фонологической теории и типологии составляют, наряду с охватом всех известных в настоящее время данных, сильнейшую сторону рецензируемой книги, намеренно и заостренно противопоставленной эмпиризму предшествующих разработок. Автор специально оговаривает и методологическую новизну своего труда: по его словам, методы

исторической диалектологии, никогда прежде не применявшиеся к анализируемым явлениям, – такие, как дистрибутивный анализ и факторный анализ, – позволяют согласовать его трактовки с лингвистикой XX в. (Р. 182).

Нова и необыкновенна уже сама архитектура монографии. Вместо обычного обзора литературы автор сразу направляет читателя *in medias res*, заявляя (и повторяя многократно самым энергичным образом), что предшествующая традиция не дала абсолютно ничего для научного освещения исследуемого вопроса. Краткий анализ "альтернативных объяснений", с весьма резкими оценками соответствующих работ, вынесен почти в самый конец книги, в восьмую главу. Однако и разбор фактического материала мы находим лишь в главе седьмой. Более того – эксплицитное разъяснение принятой в книге (но не общепринятой) терминологии (краткое определение понятий, используемых автором для описания доисторического развития славянского, см. [2]), обозначений реконструируемых форм, исходных постулатов и общеязыковых положений, на которых основывается исследование, помещено в предпоследней, девятой главе. Неудивительно, что предшествующие главы испещрены отсылками к последующим, – и это крайне затрудняет чтение.

В центре внимания Х. Андерсена находятся раннее диалектное членение праславянского, а также периодизация и хронологизация (абсолютная и относительная) славянской языковой предьстории, которую он делит на две эпохи: период *post migrationes*, полностью доступный для интерпретации, и период *ante migrationes*, по видимости недоступный для наблюдения (Р. 1). Основная задача книги, как и других работ автора, состоит в том, чтобы осветить максимум из того, что кажется "недоступным"

¹ Рецензия написана в период стажировки автора в Упсальском университете, субсидированной Шведским фондом интернационализации высшего образования и исследований (STINT).

(out of reach – P. 1). Именно к домиграционному периоду относится, по мнению исследователя, изменение, которое многими учеными долгое время определялось и определяется как восточно-славянский переход **je- > *o-*. Главный аргумент, который издавна приводился в пользу относительной новизны данного перехода, – употребление в восточно-славянских заимствованиях *o-* на месте греч. и герм. *e-*, – отвергается Х. Андерсеном так же решительно, как более ста лет назад А.И. Соболевским [3], однако в новых терминах и понятиях: указывается, что заимствования отражают синхронное фонологическое ограничение в древнерусском, препятствовавшее сохранению начального /e/ и возникшее в результате развития протетических глайдов в период до IX в. Остается, правда, непонятным, почему древнерусский не мог, подобно другим славянским языкам, заменять начальное *e* на *je*, – и здесь уместно было бы привести хотя бы объяснение Г.А. Ильинского [4]. Исключив из рассмотрения поздние заимствования, Х. Андерсен трактует анализируемый переход как явление, предшествующее не только развитию протезы, но и качественной дифференциации праславянских гласных, и расценивает его как частичное совпадение **e-* и **a-*. В пользу общеславянского характера данного изменения как будто свидетельствует наличие обоих рефлексов **e-* – как *o-*, так и *je-* – во всех частях славянской территории. Не возражая в принципе против такого подхода и отдавая себе отчет в слабости сравнения, хотелось бы, однако, заметить, что, например, рефлексация **or-* в виде **ro-*, также представленная и у восточных, и у западных, и у южных славян, все же, насколько нам известно, еще не рассматривалась как раннеобщеславянское явление.

Автор полагает, что географическое распределение рефлексов общеславянских **e/a*-дублетов в современных славянских языках представляет собой результат многотысячелетнего процесса переноса варьирующихся форм из "ядерной" области инновации на другие славянские территории во время "радиальной" экспансии славян и последующего выравнивания, в ходе которого в отдельных ареалах одерживали верх разные конкурирующие формы. Локализации этой ядерной области способствует, по его мнению, тот факт, что значительная концентрация рефлексов **a > o-* наблюдается на русском северо-западе. Данное обстоятельство интерпретируется Х. Андер-

сеном как наследие балтийского субстрата: балтийское население, в языке которого также осуществился переход **e- > *a-*, усваивая в V–IX вв. славянскую речь, переносило в нее свое фонологическое правило: *e- > a-* – и тем самым укрепляло позиции **a*-вариантов в славянской речи. Что же касается конкретной территории, которую можно было бы считать "ядерным ареалом" инновации, то исследователь, не без оснований сопровождая соответствующие рассуждения многочисленными оговорками, все же эксплицитно определяет ее как южную часть бассейна Припяти (Р. 49).

Однако Х. Андерсен не ограничивается признанием раннеобщеславянского, предшествующего не только миграциям, но и всем собственно славянским фонологическим изменениям, характера перехода **e- > *a-*: он идет существенно дальше и глубже и утверждает, что балтийские и славянские изменения **e- > *a-* представляют собой не случайное совпадение, не типологическую параллель, а результат общей (но генетически все же балтийской) фонологической инновации, возникшей вблизи центра предполагаемого славяно-балтийского диалектного континуума в Восточной Европе и радиально распространявшейся оттуда по всем направлениям.

Отнесение перехода **e- > *a-* – этой "мнимой особенности русского языка" – к "глубокой, дославянской древности" [5] (заметим, что из "Лекций" Соболевского (в 4-м издании которых, кстати, вариантам с *e/o-* посвящены с. 31–33, а не с. 31–34, как указано на с. 163 рецензируемой монографии), не явствует, что в период написания своего фундаментального труда Соболевский рассматривал эту вариативность как наследие индоевропейского аблаутного чередования) ставит исследователя в чрезвычайно благоприятные условия, дающие простор для гипотез. И Х. Андерсен оптимально использует эти условия, свободно теоретизируя о вымерших языках Восточной Европы, как славянских, так и балтийских, как индоевропейских, так и неиндоевропейских, о направлениях доисторических миграций, о древнейших диалектных контактах и в значительной степени умозрительных звуковых изменениях (например "изменении Розвадовского" – спорадическом расщеплении и.-е. **a* на балт. и слав. **e*, **a*, которое оказывается не фонологическим изменением, а результатом контакта либо с неиндоевропейским субстратом, либо с каким-то другим неизвестным индоевропейским диалектом).

Нельзя не признать, что рассуждениям ученого свойственны стройность и изящество и им, кажется, трудно противопоставить что-либо существенное. Замечательной глубиной и тонкостью анализа отличается, в частности, пятая глава, посвященная явлениям, в чем-то сходным с изменением *e- > *a- или имеющим отношение к этому изменению, – например, протезе в славянском, нижнелужицком вариантам *je-/he-*, старославянским формам на *ε-* и *κ-*, позднепраславянскому переходу **je* > **ja-*, восточнославянскому изменению **ju-* > **и-* и т.д. Следует отметить осторожность автора, неоднократно подчеркивающего гадательный характер своих выводов и неоднозначность некоторых фактов, к которым необходимо относиться "with a grain of salt" (Р. 102).

Важнейшую часть книги составляет седьмая глава – "Материал", которая содержит подробный разбор всего массива славянской лексики, связанной с переходом *e- > *a-. Х. Андерсен приводит не только значительно расширенный по сравнению с предыдущими исследованиями список этих лексем, но и все их славянские (в том числе диалектные) варианты с балтийскими и прочими индоевропейскими соответствиями, что создает солидную почву для этимологических экскурсов – всегда очень интересных, хотя и не всегда бесспорных (см. дискуссию по поводу названия 'рябчика' в [6]) – и освобождает исследователей будущего – если таковые найдутся – от первичного отбора материала.

Как анализ конкретных фактов, так и теоретические построения осуществлены автором на весьма высоком уровне. Лишь в отдельных случаях можно было бы поставить под сомнение точность выражения или надежность примера. Так, лтш. *ezers* на с. 4 почему-то дважды дано (в диалектном?) облике *ezars* (хотя на с. 149 и в словуказателе – *ezers*), праслав. **jerĭlŭ* на с. 12 изображено в виде **jerelŭ*, а русск. *озеро* на с. 35 – как *óz'ora* (кириллические и греческие буквы в книге последовательно заменяются латиницей). Древнерусское название озера Селигер – не *Seligěřŭ* (Р. 43), а *Серегѣрь* (т.е., если угодно, *Seregěřŭ*). Представляется странным именование русского князя Владимира Святого "Вальдемаром" (Р. 13), с явным намеком на скандинавское происхождение династии: остается непонятным, как называть, согласно этому архאיизирующему принципу, его отца

Святослава. При интерпретации псковского изменения **dl* > *гл*, **tl* > *кл* термин "балтизм" (Р. 45) кажется чрезмерно резким: он, на наш взгляд, сужает возможности объяснения этого перехода, имеющего достаточно широко распространение в славянском ареале не только на территориях, близких к балтам, и не только в эпохи, близкие к периоду балто-славянских контактов (ср., например, русск. диал. *гля* "для": – *Гля* че же не пойдешь?... А *гля* того! [А.Ф. Писемский. Люди сороковых годов, 3, XIV]). Трудно согласиться и с тем, что "в древнерусском языке нет следов протезы перед и-" (Р. 77): примеры из древнейших русско-церковнославянских рукописей типа *ютѣшитель*, *юороуживѣши*, введенные в научный оборот А.И. Соболевским [7. С. 396], и недавно обнаруженное в новгородской берестяной грамоте № 776 написание *юбресе* [8] заставляют предположить, что известные фольклорные формы типа *юмиреть*, *юмилова* [7. С. 398], *јуташыла*, *юмној* и т.п. [9] отражают не позднейшую инновацию, а весьма древнее явление. Едва ли стоило приводить без каких-либо комментариев крайне спорную этимологию слав. **gojŭ* как отражения "тематического" (в понимании Г. Хольцера) рефлекса и.-е. **k^hα o-* (Р. 109): думается, традиционная этимология, связывающая *goi* – на фоне др.-русск. *гоило*, *изгои* – с *жити*, гораздо более предпочтительна. Возможно, автору следовало бы более эксплицитно сформулировать то очевидное положение, что, при всей разбросанности вариантных рефлексов **e-/a-* по славянской территории, восточнославянский ареал все же существенно отличается от других славянских земель по степени концентрации именно *o-*форм, а древненовгородский диалект, который в генетическом плане порой пытаются вывести за пределы восточной Славии, в этом отношении полностью вписывается в группу восточных диалектов праславянского.

В заключение – несколько замечаний более внешнего порядка. Обращает на себя внимание завидная неэкономность не только набора (каждый новый раздел книги непременно начинается с правой страницы, так что левая обычно остается свободной), но и изложения: постоянные повторения, аннотирование в начале главы того, что предстоит узнать, а в конце – того, что уже сказано, подробнейшее резюме всех глав в десятой главе. Явно вопреки замыслу автора восприятие текста иногда усложняют цифры – отсылки к главам, параграфам, табли-

цам, рисункам, причем порой даже ложные отсылки – к несуществующим объектам: так, на с. 34 читателя призывают сравнить [3.3 a], [3.3 b], [3.3 c], [3.3 d], [3.3 e] – тогда как ни в разделе 3.3 (Р. 36), ни в таблице 3.3 (Р. 47), ни тем более на рисунке 3.3 (Р. 50) вообще нет рубрикации; на с. 181 содержится отсылка к отсутствующему разделу 8.3.4. Досадные недосмотры изредка встречаются и в справочном и библиографическом аппарате: сокращению языка "Pm." (видимо, поморский) на с. 4 в списке сокращений соответствует "Pom."; рассмотрение взглядов В. Георгиева (Р. 178–179) не сопровождается конкретным указанием на его работы (или работу – вероятно, имеется в виду статья 1963 г.); работа Gofab (1991), упомянутая на с. 190, в библиографии отсутствует (возможно, подразумевается его книга 1992 г.).

Библиографический список, приложенный к книге, включает только литературу, на которую есть ссылки, что обуславливает отсутствие упоминаний о некоторых релевантных публикациях (например, о статьях [3] или [10]). В то же время все библиографические описания работ на славянских и балтийских языках снабжены английским переводом, что кажется излишним: лингвист, который не в состоянии понять название работы на русском или литовском языке, вряд ли сможет читать ее, даже если узнает из английского перевода заголовка, о чем в ней говорится. Принятый в списке, но тоже в сущности сверхдолжный принцип раскрытия имен и отчеств желательнее было бы – если уж его применять – выдержать до конца и не оставлять, например, Николая Дурново без отчества, а В.К. Журавлева – без расшифровки имени и отчества (не говоря уже о том, что Виктора Ивановича Борковского не следовало именовать "Петром Саввичем", а Петра Саввича Кузнецова – "Виктором Ивановичем"). Сборник 1968 г. под редакцией С.Г. Бархударова, в котором была опубликована статья Г.Н. Лукиной, по недосмотру остался незавершенным; книга Ж.Ж. Варбот 1984 г. называется не "Праславянская морфонология. Словообразование и этимология" (поскольку словообразование и этимология, разумеется, не входят в морфонологию), а "Праславянская морфонология, словообразование и этимология".

Монография завершается указателями упоминаемых авторов языков, народов, предметным указателем и чрезвычайно подробным и полезным индексом слов.

В целом можно констатировать, что положение о "дославянском" генезисе перехода начального *e- > *o- (или, точнее, *e- > *a-) получило в книге Х. Андерсена качественно новое развитие, и хотя гипотезы о доисторических междиалектных контактах и субстратных влияниях все же не вполне проясняют причины и механизмы этого перехода, труд американского ученого несомненно является важным и плодотворным вкладом в праславянскую филологию.

© 2000 г. В.Б. Крысько

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андерсен Х. Диалектная дифференциация общеславянского языка: Парадокс общих тенденций развития с различными локальными результатами // American Contributions to the Twelfth International Congress of Slavists, Cracow, August – September 1998: Literature. Linguistics. Poetics. [S. 1.], 1998.
2. Андерсен Х. Взгляд на славянскую прародину: доисторические изменения в экологии и культуре (I) // Вопросы языкознания. 1996. № 5. С. 72.
3. Соболевский А.И. Русское начальное o = ц.-слав. ѡ // Русский филологический вестник. 1882. Т. 8.
4. Ильинский Г.А. Еще раз о праславянских дублетах типа *jelenʹ* : *olenʹ* // Slavia. 1925–1926. Roč. 4. S. 388.
5. Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. 4-е изд. М., 1907. С. 31–32.
6. Трубочев О.Н. О 'рябчике', 'куропатке' и других лингвистических свидетелей славянской прародины и праэкологии // Вопросы языкознания. 1996. № 3.
7. Соболевский А.И. Из истории русского языка // Журнал Министерства народного просвещения. 1901. Ч. 337.
8. Янин В.Л., Зализняк А.А. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1997 г. // Вопросы языкознания. 1998. № 3. С. 27.
9. Дурново Н.Н. Мелкие заметки по русскому языку // Журнал Министерства народного просвещения. 1902. Ч. 341. С. 258–259.
10. Aitzetmüller R. Die Relation 'e' : 'o bzw. o in den ostslavischen Sprachen // Die Welt der Slaven. 1965. Н. 1.

Литературы стран Центральной и Юго-Восточной Европы 1990-х годов. Прерывность-непрерывность литературного процесса

Следствием распада европейской социалистической системы стали не только глубокие социально-политические перемены в каждой из стран сообщества и появление ряда новых государств, но и смена идейных ориентиров в литературе, трансформация социальной, исторической, национальной проблематики и эстетических программ. Обсуждению новой ситуации в литературах региона на переходе от коммунистических режимов к демократическому обществу, их нынешнего состояния и перспектив была посвящена Международная конференция "Литературы стран Центральной и Юго-Восточной Европы 1990-х годов. Прерывность-непрерывность литературного процесса", состоявшаяся в Институте славяноведения РАН 2-4 ноября 1999 г.

Конференция, отметила во вступительном слове руководитель Центра современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы **С.А. Шерлаимова**, проходит в такое время, когда подводятся итоги – итоги века, итоги тысячелетия, но задача конференции скромнее: обсудить, что же произошло в литературах бывших европейских социалистических стран в последнее десятилетие уходящего столетия. Это задача скорее литературно-критического, чем историко-теоретического характера, но представляется важным постараться понять хотя бы в первом приближении, что изменилось за те десять лет, которые минули после крушения социалистической системы в Европе. О послевоенном сорокалетии сейчас говорят как о периоде неудавшегося социалистического эксперимента, в том числе и в области литературы. Это был период жесткого идео-

логического диктата, параметры которого менялись в пространстве и времени, но по сути идеологические и политические табу – в каждой стране свои – сохранялись вплоть до начала 90-х годов. При всем том в жизни общества литературе придавалось тогда большое значение. Правящие партии методом нажима, поощрений и репрессий стремились превратить ее в инструмент перевоспитания населения в духе сиюминутных потребностей власти, однако внутри самой литературы, несмотря на запреты, постепенно назревали оппозиционные тенденции, тяготение к свободе. Это относится не только к литературе самиздата и эмиграции, но и к лучшей части произведений, легально издававшихся в этих странах, так что Берлинская стена, прежде чем она рухнула окончательно, исподволь расшатывалась литературой.

Развитие литератур европейских социалистических стран с момента окончания войны и до переворотов конца 80-х годов изучается довольно интенсивно. Так, в ИСБ создана "История литератур Восточной Европы после второй мировой войны", первый том которой вышел в 1995 г. [1], второй, завершающий, уже два года ждет денег на издание. В 1997 г. была проведена конференция, посвященная участию литературы в подготовке и отображении общественно-политических переворотов рубежа 80-х и 90-х годов (обзор этой конференции см. [2]), на основе ее материалов подготовлен сборник [3]. Настоящая конференция – продолжение этой работы, начало научного осмысления постсоциалистической литературной ситуации в изучаемых странах.

В конференции, наряду с российскими специалистами из Москвы, С.-Петербурга, Перми, участвовали ученые из Венгрии, Румынии, Словении, Хорватии и Чехии, что свидетельствует об оживлении международных контактов в изучении литератур рассматриваемого региона. Тезисы докладов, полученных оргкомитетом из Белоруссии, Болгарии, Польши, см. [4].

Достаточно широко освещались на конференции текущие изменения в польской литературе, и прежде всего – польской прозе.

Традиционной и значимой для этой литературы теме войны был посвящен доклад **В.Я. Тихомировой** (Москва) "Польская проза о второй мировой войне в социокультурном контексте Польши 90-х годов". Первая половина 90-х годов отмечена в Польше небывалым увеличением произведений военной тематики в общем объеме книг, хлынувших на читательский рынок. Особенности этой прозы были рассмотрены в докладе в русле двух качественно новых тенденций литературного процесса. Первую определила начавшаяся на пороге 90-х годов интеграция национальной литературы, расчлененной в течение почти полувека на части, каждая из которых развивалась в ином географическом, политическом и культурном пространстве. Другая набравшая силу тенденция заключается в предложениях "молодой прозы".

В первой половине 90-х годов основную массу новых книг о войне, на которые в обществе существовал огромный спрос, составляла не разрешенная к печати в ПНР литература "свободного слова" (эмигрантские издания и литература самиздата), которая до рубежа 1989/90 гг. существовала в польском обществе в основном в кругах интеллектуалов. Кроме того, выходили книги писателей, на которые прежде существовал запрет цензуры (роман А. Сцибора-Рыльского "Кольцо из конского волоса", вышел в 1991 г., спустя 26 лет после написания) или издававшиеся с купюрами ("Битва за Монте Кассино" М. Ваньковича, "Беседы с палачом" К. Мочарского). Немалую часть из опубликованного в этот период представляли и новые произведения.

В целом, все упомянутые литературные потоки заново формировали историческое знание и влияли на культурные интересы широких кругов польского общества. При отсутствии цензуры вместе с прозой о войне в литературу входили табуированные или существовавшие в усеченном виде темы. Расширилась проблематика, связанная с

действиями Армии Крайовой, ее столкновениями и борьбой с немцами, с одной стороны, и частями Красной Армии вместе с подразделениями НКВД, с другой. Новое освещение получили тема Варшавского восстания и судьба армии Андерса. Приходу к власти коммунистов на исходе войны – тема редкая в польской прозе – посвящена вторая часть романа Сцибора-Рыльского и книга Ч. Милоша "Захват власти".

Другую часть военной реальности отразила обширная лагерная проза, в которой первое место заслуженно занимает "Иной мир" Г. Херлинга-Грудзиньского. В десятках произведений разного жанра и уровня раскрыты такие повороты этой темы, как депортация поляков в СССР, Катынь, судьбы "аковцев", прошедших советские тюрьмы и лагеря. Крупный проблемно-тематический узел составляли произведения о Холокосте, которые вносили в данную тему новые элементы: анализ комплекса польско-еврейских отношений до, во время и после войны, осознание евреями своих национальных корней, причастности к исчезнувшему миру культуры, традиций и обычаев.

Среди книг на "военную" тему прозаиков среднего поколения В.Я. Тихомирова выделила роман Стефана Хвина "Ханеманн", признанный в Польше лучшим в 1995 г. Хвин заглянул в жизнь "польского" немца Ханеманна, который по воле случая не покинул в 1945 г. родной Гданьск вместе со своими соотечественниками. Именно в этом произведении, названном образцом "психосоциальной эсхатологии", обнаружили особенности поэтики, характерной для новейшей польской прозы. В литературу 90-х годов триумфально вернулись вымысел, фабула, богатая в литературе Польши традиция "малой родины", автобиографизм.

Общественный резонанс таких произведений, как "Ханеманн" (пока оно явно недооценено), мог бы стать сильнее, если бы не нынешнее состояние польской литературной культуры. Отход от прежней модели "литературы на службе народа" изменил ее общественные функции. Перестав играть политическую роль, литература стала частным делом писателя. На первое место выдвинулась личность художника, само же произведение стало измеряться мерой его таланта. Прежнюю игру с цензурой заменил диалог с читателем. Есть, однако, и обратная сторона этих перемен. Их отрицательными последствиями стали малотиражность изданий, сокращение откликов, литературных дискуссий, отсутствие системы, которая привлекала бы

широкий общественный интерес к заслуживающим такого внимания произведениям.

Ситуацию в польской прозе нового поколения проанализировала **И.Е. Адельгейм** (Москва). В докладе «Поэтика польской прозы 90-х: гипноз постмодернизма и реальные проблемы "выживания" литературы» художественное творчество рассматривалось как естественно складывающееся пространство текстов – хаотически сложное, подвижное в своих формах, координаты которого формируются как внутренней логикой художественного языка, так и историческими (внелитературными) импульсами.

Как было отмечено в докладе, постмодернизм представляется сегодня едва ли не универсальным ключом-кодом, "рашифровывающим" главные признаки и смыслы литературы 90-х годов. В научной рефлексии и повседневной практике им занято огромное пространство явлений современной жизни. По одному из типологически частотных толкований, постмодернизм – реакция на безмерно возросшую сложность жизни, которую больше не может уравновесить "поиск безусловных норм". По другому – реакция на обрушившееся количество информации, когда перегруженный человек в состоянии реагировать "только на означающие (знаки)" и "не доходит до означаемых (реалий)". Поскольку эта ситуация предельно травматична для сознания, то "вся теория постмодернизма – есть по сути посттравматический опыт второй половины XX в."

По словам В. Болецкого, приведенным в докладе, постмодернизм в Польше открывали в то самое время, когда свергали коммунизм. Новую эпоху нужно было назвать. И это название нашли в искусстве. Тезис "мы живем в эпоху постмодернизма", звучавший к этому времени на Западе как триумф, в Польше начала 90-х воспринимался как откровение.

Безусловно, что польская литература 90-х продолжает – путем сложных притяжений и отталкиваний – литературу предшествующую. Так же безусловно, что литература, как и вся жизнь в стране, должна была догонять "мировое время" – в частности, "подключившись" к постмодернистскому видению мира, и в его стилистике описать собственный опыт, по существу совершенно иной. Причем в то время, когда, по словам самих апологетов постмодернизма, для Запады "смысл его утрачивался" и постмодернисты уже только "играли с означающими".

Все это создало особую ситуацию литературного "промежутка", когда художественный язык с большой долей избыточности пробует, тиражирует, отбраковывает или закрепляет новые формы выражения. Здесь налицо "множественные усилия", в которых скорее угадываются будущие пути литературы, чем присутствуют реальные "результаты". Между тем литература живет только в связке с читателем, и "практическое чтение" – единственно возможная между ними связь.

Первое впечатление, которое оставляет проза 90-х – снижение интереса к коллизиям польского "здесь" и "теперь" в их миметическом варианте. Структура постмодернистского сочинения обычно представляется как "отрицание повествовательной стратегии реалистического дискурса", свойственной так называемой тривиальной литературе. Интерес к жизни, идущей *вокруг человека*, в прозе 90-х сублимировался в преимущественный интерес к состоянию *внутри*, к "я-сознанию". Мир такого сознания, лишенный многих обычных примет прикрепленности к реальной жизни, модифицировался в личный миф или в развернутую метафору внешнего мира, которая доказывает чувство ему человека. Характерно в этом смысле и обращение к детству. Как правило, это совсем не те воспоминания о реальной картине детства, воссоздать которую обычно пытаются молодые писатели. В прозе 90-х это скорее возвращение на стадию детства сегодняшнего отдельного и отделенного от реальности сознания, настойчивое выуживание из него черт инфантильности и незрелости. Все это объяснимо в понятиях психоанализа и косвенно подтверждает наличие в обществе состояния травматичности и потери "безусловных норм" – мироощущения, свойственного постмодернизму.

Из этого типологического ряда выпадает упоминавшийся уже роман Ст. Хвина "Ханеманн", где рефлексия по поводу детства повествователя – рефлексия зрелого сознания. А главным ее объектом оказывается то самое *означаемое*, которое теряют постмодернисты; реальная жизнь с ее красками, живыми людьми, невыдуманными трагедиями и неизменными этическими критериями. Вместе с тем в конструкции романа немало черт, *формально* связанных с поэтикой постмодернизма.

В целом польская проза 90-х с разной степенью успешности, но общим ощущением

тупиковости постмодернистского мироощущения начинает выходить за пределы этой модели мира. Движение это иллюстрирует, в частности, проза Э. Редлинского, М. Беньчика, Г. Мусяла, Ф. Байона, в которой ощущаются попытки выходов в мир, где должны существовать нормы и критерии, структурирующие хаос в какой-то позитивный для человека смысл. Как выразился польский критик К. Униловский по поводу романа Беньчика "Терминал", речь идет об эволюции эстетики в сторону построения "постмодернизма с человеческим лицом", связанного с потребностью в живых чувствах и вечных ценностях как опорах жизни.

Если дебютанты начала 90-х сосредоточивали внимание главным образом на мифах о своем сознании, то сегодня литература заново открывает важность рассказывания чужих историй, т.е. видения *другого* человека. Так что возвращение фабулы, в которой действует вымышленный герой – этот проверенный и вечный прием, предлагающий к тому же какой-то порядок событий и возвращающий интерпретации, – отражает и возмущающуюся потребность читателя и самой литературы в иерархии ценностей. В ней же, думается, для прозы скрыт шанс понять отдельную жизнь, другую историю и дать читателю то, что он во все времена ждет от литературы – что-то вроде языкового и эмоционального алгоритма к поискам собственной личной правды, личного смысла.

На заметных в польской литературе последнего десятилетия произведениях, вызвавших интерес и читателей, и критики, остановился в своем докладе «Гротескно-сатирическое изображение "польских комплексов" в произведениях Т. Конвицкого и Э. Редлинского 90-х годов» **О.В. Цыбенко** (Москва). Талантливые, давно утвердившиеся в литературе авторы еще раз атаковали публику произведениями экспериментальными, провокационными, жанр которых не поддается однозначному определению. Речь идет о книгах "Чтиво" (1992) Конвицкого, "Крысополяки" (1995), в драматургической версии "Чудо в Гринпойнте") и "Кровотечение" (1998) Редлинского.

"Чтиво" Конвицкого содержит детективную фабулу и многие другие приметы "массовой литературы", но одновременно и пародирует ее. Перегруженное аллюзиями, интеллектуальными параболлами и откровенной фантазмагорией, это произведение сочетает в себе характерные для писателя лиризм и самоиронию. В целом автору

свойственно гротескное видение сумятицы в общественных настроениях современных поляков, переживающих "капитальный ремонт после неудавшегося эксперимента".

Анализ формировавшихся столетиями и не утраченных, а лишь трансформированных при социализме "польских комплексов" в их столкновении с новой действительностью находится в центре внимания Редлинского. Оба его произведения свидетельствуют о насущной потребности, диктуемой не в последнюю очередь мощным напором американской культуры, в национальном и личном самоопределении в связи с обретенной вновь независимостью. Оба представляют собой своего рода магнитофонную запись, в "Крысополяках" – разговоров польских гастарбайтеров, обитателей "польского" района в Нью-Йорке, а в "Кровотечении" – членов варшавской семьи в панельном доме напротив разрушенного Дворца культуры (согласно антиутопической предпосылке автора, чрезвычайное положение в Польше не вводилось, и страна пережила советскую оккупацию, потеряв полмиллиона жителей). Один из братьев, героев "Кровотечения", возвращается из Нью-Йорка, другой – из сибирской ссылки. Острые идеологические разногласия героев, их психологическая несоместимость приводят к прямой конфронтации.

Ставя жесткий диагноз общественному сознанию, оба писателя нередко саркастичны и по отношению к польскому коммунистическому эксперименту как в "высоком", так и в "бытовом" его выражении, и к вождельной "свободе", опять же в наличном ее варианте, когда в человеке высвобождаются все сдерживаемые дотеле инстинкты и скрытые комплексы.

У Конвицкого и Редлинского неодинаковые счета к современной Польше и состоянию умов ее интеллигенции, во многом различен и повествовательный строй их произведений. Но для обоих весьма характерны виртуозная игра словом, различными речевыми стилями, использование жаргона, просторечий и англизмов, что помогает им воссоздать напряженный, сумбурный и стремительно меняющийся облик действительности.

О тенденциях в современной прозе говорила в своем докладе "Чешский роман 90-х годов между постмодернизмом и новым автобиографизмом" **С.А. Шерлаимова** (Москва). После 1989 г. ситуация в этой литературе изменилась, быть может, даже более резко, чем в других литературах региона: в предшествующий период так

называемой "нормализации" практически большинству писателей был закрыт доступ в легальную печать. Однако паузы в развитии литературы не возникло: именно в те годы создана обширная альтернативная литература самиздата и эмиграции (Кундера, Гавел, Шкворецкий, Вацулик, Когоут и др.), да и в легальной литературе, невзирая на цензуру, выходили значительные произведения Грабала, Неффа, Парала, из молодого поколения – Заплетала. После "бархатной революции" начал складываться новый облик литературы. Большинство самиздатовских и эмигрантских книг было переиздано, хотя далеко не все они имели ожидавшийся успех, из-за экспансии массовой переводной беллетристики такого рода произведения как бы сдвинулись на обочину общественного интереса. При всем том литература продолжает развиваться, в ней немало явлений, достойных пристального внимания.

Для прозы 90-х годов наиболее характерны разнонаправленные постмодернистские искания и своего рода "новый автобиографизм". Разумеется, автобиографизм – родовое свойство литературы, о чем бы ни писал автор, он всегда так или иначе использует собственный жизненный опыт. Но в данном случае речь идет о сугубо "незаконспирированном" автобиографизме, о сознательной установке на воссоздание реальных событий и взаимоотношений. У истоков современного "нового автобиографизма" стоит роман Л. Вацулика "Чешский сонник", вышедший впервые в самиздате в 1986 г. и представляющий собой дневник одного года из жизни писателя. Но по жанру это именно роман, хотя в нем изображены реальные жизненные переживания и реальные лица, роман с искусной композицией и сюжетными ходами, со своей метафорикой – без сомнения, лучший в чешской диссидентской литературе. В 1993 г. Вацулик издал новый роман в том же жанре – "Как сделать мальчика", где рассказывается грустная история распавшейся любви далеких друг от друга по возрасту и характерам людей. Интерес к нему подогревался еще и его полемичностью по отношению к "Смольной книге" молодой писательницы Л. Прохазковой (самиздат – 1989, легальное издание – 1990), в которой была представлена ее версия взаимоотношений с автором "Чешского сонника". По художественному уровню "Смольную книгу" нельзя сравнить с "Как сделать мальчика", но элемент "персональной разборки", которая обсуждалась и в критике, способствовал ее "читабельности". Роман

Вацулика – при всей его индивидуальной стилистике – остается в рамках современного реализма. Но черты "нового автобиографизма" отчетливо просматриваются и в произведениях, вписывающихся в русло постмодернизма.

Критики в своем большинстве высоко оценивают трилогию Д. Годровой "Мучительный город" (1991–1992). Автор профессионально занимается теорией романа, и чуть ли не все известные романские приемы использует в своей писательской практике. В трилогии, где выступает меняющаяся, но в основе "автобиографическая" главная героиня, фантастически сплетены современность и далекая история, рассуждения об эстетике, оккультизм и т.п. Ее можно было бы отнести к интеллектуально-элитарному постмодернизму, при анализе произведений которого критик получает блестящую возможность продемонстрировать свою эрудицию.

К сугубо постмодернистским, подчас переусложненным по форме романам можно отнести и произведения И. Крадохвила ("Авион", 1995, "Ночное танго, или Роман одного лета в конце тысячелетия", 1999). Из постмодернистов младшего поколения можно выделить И. Топола, первый роман которого "Сестра" (1994) был одобрительно принят критикой. Его действие происходит в последнее "нормализованное" лето 1989 г., когда через Прагу из ГДР в ФРГ бежали сотни молодых немцев, к которым присоединялись и чехи, и в первые годы после "бархатной революции". Молодые герои расстаются с политической оппозиционностью, но по-прежнему не могут найти места в жизни, по сути, они так и не покидают андеграунд, погрязая в алкоголе, наркотиках, в странных религиозных исканиях. У Топола свои представления о языковой норме: здесь и элементы молодежного жаргона, особое употребление прописных букв и т.п. В "Сестре" Топол попытался уловить и запечатлеть движение языка, что, однако, подчас затрудняет восприятие литературного текста – при всей несомненной талантливости автора.

К лучшим романам 90-х годов можно отнести "Бессмертие" (франц. изд. – 1990, чешское – 1993) М. Кундеры. К не вернувшемуся из эмиграции и перешедшему в своем творчестве на французский язык Кундере большинство чешских писателей и критиков относится напряженно, однако влияние этого сегодня самого известного в мире чешского романиста ощущается в современной прозе.

В настоящее время, отметила, подводя итог, С.А. Шерлаимова, можно наблюдать разрыв между авторами, стремящимися быть сложными и многозначительными, и читателями, отворачивающимися от их книг к "дамским" романам, детективам и триллерам. Было бы трудно назвать чешский роман 90-х годов, который явился настоящим событием, но чешская литература не оскудела талантами, и не стоит терять надежды.

Л. Добровски (посол Чешской Республики в Москве), также участвовавший в конференции, выступая в дискуссии, обратил внимание на традиции чешской литературы, на их непрерывность. «Здесь говорилось о новом автобиографизме, – заметил он, – но еще К.Г. Маха писал свои "Дневники" как художественное произведение. Решает эстетический уровень: через 10–20 лет все забудут о слабой писательнице Прохазковой и ее "Смольной книге", а хороший роман Вацулика "Как сделать мальчика" будут по-прежнему читать с интересом. Чешская литература на протяжении веков была вынуждена брать на себя идеологические функции. С эпохи национального возрождения в ней существовали два направления: просветельски-тенденциозное (Й.К. Тыл) и собственно художественное (К.Г. Маха). Сейчас литература избавилась от внеэстетических функций и может развиваться свободно. Я не принимаю термины "пост-модернизм" или "экспериментальный роман", но литература призвана совершенствовать художественный язык. Так, Топол, писатель молодого поколения, в романе "Сестра" пытается в этом плане продолжить традиции В. Ванчуры, хотя надо заметить, что его следующая книга "Ангел" ближе к общепринятому литературному языку. Есть удачи и неудачи, но чешская литература продолжает развиваться и нет причин для пессимизма».

П. Яначек (Прага) в докладе «Под знаком Фиты¹ (трактовка темы "бархатной революции" в чешской литературе 90-х годов)» отметил, что, вопреки расхожему мнению литературной публицистики, события ноября 1989 г. отражены в чешской литературе достаточно широко. Но тема эта трактуется в ней диаметрально противоположно прежней интерпретации революционной

тематики, и в первую очередь трактовке так называемой майской революции 1945 г. В докладе рассмотрены два следовавших один за другим варианта воплощения темы ноября 1989 г. Ближе всего к наследию "поэзии Мая" было полуанонимное, появившееся по горячим следам событий, молодежное (в духе наивизма) творчество ноября 1989 – января 1990 г., представленное в революционных листовках, на плакатах, в газетах и в выступлениях бардов. Тема "бархатной революции" получала здесь выражение главным образом в стихах, тяготела к риторике от лица коллективного субъекта (МЫ, народ). Участие в революционном действии воспринималось как ценность и отождествлялось с миссией поэта. На более высоком уровне литературного творчества ноябрьская тема, в отличие от темы Мая (как она воплощалась в тогдашней поэзии Я. Сейферта, Ф. Галаса и др.), появляется со значительным опозданием и главным образом в прозе (у таких писателей, как И. Кратохвил, З. Брабцова, В. Тршешняк, И. Камен). Революционные события, как правило, экспонируются в тематической структуре произведений (в экспозиции или в кульминации сюжета), но не становятся центральной темой (за исключением пародий и трагестий, как у М. Вивега). Немногочисленные поэтические рефлексии на тему "бархатной революции" в структурном плане противоположны "поэзии Мая" и "ноябрьскому фольклору": их субъект последовательно индивидуализирован (Я), не принимает участия в революционном действии, выступает как отстраненный, часто скептический наблюдатель (А. Броусек). Своеобразное соединение обеих стилистических моделей ноябрьской темы, "наивной" и "художественной", создал в своей литературной публицистике, прежде всего в сборнике "Ноябрьский ураган" (1990), Б. Грабал. Наиболее выразительный след тема "бархатной революции" оставила в романе Д. Годровой "Фита": здесь нет ее прямого изображения, но она раскрывается в комментариях повествователя, который объясняет, почему и как она была устранена из текста. Таким образом, тема "бархатной революции" в "Фите" представлена в ощущении, характерном для чешской литературы 90-х годов, удаляющейся от любой формы социального заказа и ангажированности: ее нельзя ни обсуждать, ни замалчивать.

Продолжая разговор о современной прозе, **Т.Е. Аникина** (С.-Петербург) коснулась явления, имеющего давнюю традицию

¹ Имеется в виду греческая буква "фита", которая в чешской корректорской практике используется для обозначения вычеркивания. Здесь – отсылка к роману Д. Годровой с одноименным названием.

в творчестве чешских писателей и проявляющегося в наши дни особенно сильно в произведениях Кундеры, Шкворецкого и др. Речь идет об элементах игры, игровом начале как творческой установке писателя. В первой половине XX в. это явление, ставшее неотъемлемой частью чешской культуры, обнаруживается как у соцреалистов, так и в прозе писателей, близких к авангарду. У М. Пуймановой в среднем романе трилогии "Игра с огнем" оно проявилось и на языковом уровне – слово "игра" приобрело авторское значение "события, могущего окончиться трагически", что весьма далеко от значения "забава", присущего слову в языке. У К. Чапека в "Книге апокрифов" принцип этот является стержневым. При более пристальном рассмотрении видно, что это явление уходит своими корнями в средневековую культуру (достаточно вспомнить легенды о Яне Палечеке).

Е.Н. Ковтун (Москва) посвятила свое выступление чешской фантастике 90-х годов и анализу кризиса, который переживает сегодня этот жанр. Фантастическая литература в странах соцлагеря после второй мировой войны характеризовалась многими общими чертами. Она была активна, престижна (ибо несла на себе оттенок политического фрондерства), рациональна, имела устойчивый круг читателей. В связи с политическими реформами 90-х годов в Восточной Европе начался "бум" переводной западной фантастики. Читатель открыл для себя фэнтези (главным образом ее "героическую" разновидность), но вместе с наплывом новых имен погрузился и в неконтролируемый поток фантастического "чтива" – разного рода бульварных серий. Стремясь выдержать соперничество с другими массовыми жанрами (детектив, боевик, любовный роман), "литература крылатой мечты" отказалась от воспитательной функции. Главная проблема отныне заключалась в том, как сохранить (а для этого прежде всего развлечь) читателя компьютерной эры. Чешская фантастика последнего десятилетия в целом повторила опыт фантастики других постсоциалистических стран. Расцвет вполне самобытной гротескно-иронической sci-fi 70–80-х годов (О. Нефф, Й. Вейс, В. Парал и др.), достигший, казалось бы, апогея с созданием в 1990 г. Синдиката авторов фантастики и Ассоциации любителей НФ, сменился несколькими лет спустя малоинтересным копированием западных образцов, в основном под англоязычными псевдонимами. Ныне в чешской фантастике преобладают жанры

"конановского" боевика, киберпанка, космического детектива и тривиальной фэнтези "меча и волшебства". Не случайно в предисловии к "Словарю чешской литературной фантастики и science fiction" (1995) составители говорят о "кризисе перепроизводства" в данной сфере и о значительном падении тиражей.

В сходной зависимости от резкого изменения предпочтений аудитории оказалась и чешская драматургия, с докладом о которой ("В ожидании драмы") выступила **М. Войткова** (Прага). Театральные работники, отметила она, были первыми, кто в ноябре 1989 г. встали на защиту студентов и тем, прямо или косвенно, стали соучастниками общественных перемен. В то время они сыграли незаменимую роль в коммуникации с общественностью. Аншлаги рождали надежду на то, что театру не придется опасаться за свое будущее, но вскоре настал тотальный отлив зрителей, вызвавший затяжной кризис, который театру удалось преодолеть лишь к середине 90-х годов. Причина его крылась в том, что утратила смысл своеобразная функция театра, которую он имел в позднесоциалистическую эпоху. В драматургии перестала "работать" поэтика иносказания, аллегории и авангардной провокации, поставленная на службу мобилизации общественного протеста. Драматургия самиздата продержалась на сцене недолго. Например, пьесы В. Гавела в 1989/90 гг. ставились 17 раз, в 1990/91 гг. уже только 3, а позднее 1–2 раза в сезон.

Реалии новой действительности попытались отобразить прежде всего драматургии среднего поколения – Д. Фишера и К. Штейгервальда. Подробно автор доклада остановилась на творчестве Штейгервальда и его пьесе "Нобель" (1994). Первые пьесы этого автора ("Танцы нашего времени", "Фокстрот" и др.) представляли собой скрытую политическую сатиру, связанную с идеей сохранения идентичности и внутренней целостности личности в условиях тоталитарной системы. В "Нобеле", как и в предноябрьских пьесах, сохранилась актуальная общественная проблематика. Общее изменение условий творчества, однако, позволило автору высказаться непосредственно. Тема пьесы – трансформирующееся современное чешское общество, его расчеты с прошлым и возможности адаптации к новым реалиям. Действие начинается с того, что в обычном пражском доме, жильцы которого в большей или меньшей степени ответственны за сорокалетнее прошлое, появляется некто

Шлехта, единственный не затронутый прошлым персонаж (все сорок лет он прожил, скрываясь на чердаке), и просит помочь ему включиться в жизнь общества. Этот центральный персонаж, в силу своей исключительности, мог бы сыграть роль катализатора событий – уже само его присутствие могло заставить других признать свою долю ответственности или вины, осознать, что все они не только в определенной мере формировались общественными условиями, но и сами их создавали. Однако реакция действующих лиц пьесы Штейгервальда более чем сдержанная, граничащая с циничным безразличием. Фигуру Шлехты они воспринимают не как нравственную проблему, а лишь как достопримечательность, постепенно адаптирующуюся к их миру. В "Нобеле", в отличие от предыдущих пьес автора, персонаж, не затронутый аморальностью времени, никоим образом не активизирует, а напротив, сам приспособляется к окружению, подтверждая укореняющийся в обществе этический релятивизм и всеобщий хаос. Упразднение характерной некогда оппозиции "мы – они" и, соответственно, конфронтации ценностей не оставляет автору места для большой драмы. Напряжение между сущим и должным утрачено, и эта утрата оказывает влияние на поэтику. Автор "Нобеля" не создал, по мнению М. Войтковой, ни нового языка, ни новой композиции, ни нового смысла. От прежних его пьес эта драма отличается переходом от сатиры к комедии и определенной внутренней растерянностью, вызванной, вероятно, потерей критической дистанции при оценке современных реалий.

Ю.В. Богданов (Москва) рассмотрел перемены в словацкой литературе, исходя из сопоставления ее с литературой Чехии (доклад "Словацкая литература 90-х годов в парадоксах национальной суверенности"). В Чехословакии, отметил он, как и в других постсоциалистических странах, после 1989 г. сложились объективные предпосылки для восстановления естественного плюрализма литературной жизни, для реабилитации авторов и произведений, исключавшихся ранее по политическим или идеологическим мотивам из официально санкционированного литературного процесса. Но если чешская литература, укрепившаяся мощным сегментом эмигрантского творчества, а также произведениями диссидентского литературного движения, в результате такого рода реинтеграции приобрела качественно новое измерение, то художественный ландшафт словацкой лите-

ратуры не претерпел столь существенных изменений. Основное ценностное ядро на протяжении 70-х и особенно 80-х годов здесь составляла открыто публикуемая литература. За счет неофициальной (отчасти эмигрантской) литературы в какой-то мере пополнилось наследие только одного из течений, существовавших в словацкой культуре 30-х – начала 40-х годов, – так называемой католической модерны.

Оставшиеся в живых представители эмиграции принялись после 1989 г. пропагандировать в Словакии "светлый образ" Й. Тисо, президента Словацкой республики периода войны, повешенного как коллаборациониста. И нельзя сказать, чтобы эта пропаганда не нашла определенного отклика в постсоциалистической Словакии. Другой момент, сближающий словацкую литературу скорее с польским, чем с чешским литературным контекстом, – особая роль католической религии в истории национальной культуры. На всем протяжении существования социалистической Чехословакии церковь рассматривалась властями как опасный идеологический противник прежде всего в словацкой части республики, и именно здесь диссидентское религиозное движение приобрело массовый характер, породив череду мучеников за веру. После 1989 г. религиозный фактор сразу же дал о себе знать в литературе, выступив на поверхность, например, в творчестве крупнейшего современного поэта М. Руфуса.

Но все же важнейшим обстоятельством, оказавшим воздействие на развитие литературной ситуации в Словакии, стал кризис чехословацкой государственности с последующим распадом федерации и образованием в декабре 1992 г. двух независимых республик. И если это экстраординарное обстоятельство не слишком отразилось на состоянии чешской литературы, то в Словакии обретение собственной государственности оказалось в центре общественного внимания и ожесточенных споров относительно перспектив дальнейшей жизни нации. Болезненное обострение национальных чувств стало главной причиной раскола Общества словацких писателей. Между основными литературными объединениями – Обществом словацких писателей и Ассоциацией писательских организаций возобладала атмосфера взаимной нетерпимости. Если первые, полагая себя единственными защитниками национальных ценностей, обличают своих оппонентов в предательстве интересов нации, в культивировании бездумного космополитизма, то

вторые не менее запальчиво издеваются над бездарными адептами одряхлевшей национальной мифологии, видя единственный выход из тупика национальной ограниченности в скорейшем включении в западноевропейский культурный контекст. Антагонизмом окрашены оценки появляющихся произведений и трактовка тех или иных периодов истории литературы. Проблема оптимального сочетания в литературном процессе живого национального начала с широким – без боязливой охранительной селекции – использованием международного художественного опыта остается в Словакии остро дискуссионной. Но не только в Словакии. Заключая свое выступление, Ю.В. Богданов привел размышление на эту тему известного словенского поэта А. Дебеляка. «Страны перехода, – размышляет Дебеляк в одном из своих эссе, – часто не имеют представления о собственной стратегии национальной идентичности... С одной стороны, мы имеем дело в Восточной Европе с этническим фундаментализмом, для которого приоритетной является идеология "крови и почвы", с другой стороны, с агрессивным внешне-национальным либерализмом, исповедующим социал-дарвинистскую логику рынка: своего рода джихад и Макдональдс. Ни та, ни другая формы провинциализма не оставляют места для гражданина, которого в первом случае подменяет боевик-параноик, во втором – бездумный потребитель... Мы же должны смотреть на свою жизнь как на звено более широкой национальной судьбы, чтобы и в пору современной европейской интеграции, которая на культуры малых наций смотрит как на избыточную роскошь, точно так же, как и в предшествующий период, до обретения суверенности, если не еще сильнее, охранять нашу национальную культуру и язык. Эти два элемента – и только они – придают нам индивидуальность и ощущение самоидентичности...».

Если Ю.В. Богданов охарактеризовал новый духовно-идеологический контекст, в котором развивается в последнее десятилетие литература Словакии, то **Л.Ф. Широкова** (Москва) сосредоточила свое внимание на некоторых, показательных с ее точки зрения, текстах, появившихся в этой литературе ("Словацкая проза: путь из 60-х в 90-е. Творчество Я. Йоганидеса, Р. Слободы, В. Шиккулы"). Несмотря на всплеск публицистики, документальной прозы, мемуаристики, словацкая художественная проза, переживая определенный спад, все же сохранила преемственность развития – в основном за счет творчества зрелых пред-

ставителей бывшего "молодого поколения" 60-х годов. В свое время их усилиями литература стала более дифференцированной, идейно и стилистически полифоничной. Интерес молодых к "частному человеку", своему современнику, к его эмоциональному миру, детальному исследованию его психологии, в том числе и в прежде закрытых для литературы сферах эротики и подсознания, определил основное направление их дальнейшего творчества.

Серьезным испытанием стали для этого поколения годы так называемой "нормализации", когда литература в определенном смысле перестала функционировать как динамичный, внутренне дифференцированный организм. В 70–80-е годы внутренняя цельность и большой творческий потенциал представителей поколения 60-х обусловили не только дальнейшее плодотворное, хотя и не беспроblemное развитие их как художников, но и сохранение непрерывной линии развития словацкой литературы. Именно их творчество составляло художественное ядро прозы тех лет – это и "военная" трилогия В. Шиккулы "Мастера", и историческая и экологическая проза Я. Йоганидеса, и романы Р. Слободы. В 90-е годы, не изменяя логике своего художественного развития, Шиккула вернулся к своим сюжетам и героям, не увидевшим свет после известных событий 1968 г. (романы "Орнамент", "Флюгер" и др.), продолжив художественное наблюдение "маленького человека" в условиях не благоприятствующей ему исторической эпохи тоталитаризма. Йоганидес в произведениях 90-х годов (романы и повести "Перевести через мост", "Преступление робкой лесбиянки", "Гололед", "Крик дроздов перед сном", "Наказующее преступление", "Командир единой точки зрения") продолжил этически заостренное исследование человека, чаще – близкого ему современника, используя целый ряд своих любимых приемов психологического анализа. Психологизм, знание потаенных уголков человеческой психики и неизменное художественное мастерство отличали и произведения Слободы ("Кровь", "Бегство из родного села", "Осень", "Актрисы", "Воспоминания").

В болгарской литературе 90-х, как показала в своем докладе "Новое обращение к недавнему прошлому" **Н.Н. Пономарева** (Москва), наибольший интерес для исследователя – при всех, условно говоря, родовых недостатках этого жанра – представляет документальная литература. Коренные общественно-политические изме-

нения рубежа 80–90-х годов послужили стимулом нового обращения литературы к прошлому в самом широком плане. В периодике и в отдельных изданиях появляется огромное количество документов отдаленной и, особенно, близкой истории Болгарии, дневников государственных деятелей прошлого различной политической ориентации (в том числе Г. Димитрова, К. Муравиева), воспоминаний их близких, мемуаров партизан-антифашистов, аутентичных свидетельств бывших заключенных концлагерей в Болгарии периода после 1944 г. ("Куцыян" Й. Вылчева), описаний прошлого своей семьи, рода. Вся эта разнородная масса литературного и паралитературного материала объединена прежде всего желанием авторов стереть с исторической карты белые пятна, дать истинную (с точки зрения авторов) картину важнейших событий, защитить добрые имена людей, безвинно пострадавших в годы тоталитарного режима.

Причины подчеркнутого интереса к литературе факта, отметила Н.Н. Пономарева, кроются не только в открытии новых документов и относительной свободе слова. Свою роль здесь сыграло и разочарование читателей в болгарской современной художественной литературе (особенно прозе). Ряд крупных писателей к началу 90-х годов уже ушли из жизни (Э. Станев, П. Вежинов), на других из старшего поколения общий кризис в стране повлиял дестабилизирующе. Во всяком случае новых запоминающихся, на уровне прежних достижений, произведений из-под их перьев почти не появилось. К сожалению, это относится и к таким талантливым авторам, как Й. Радичков, И. Петров и др. Среднее и молодое поколение осваивает новую тематику (коррупция, преступность, обнищание и другие беды переходного периода) и постмодернистские приемы, но все еще не смогло выйти к каким-либо художественным открытиям.

В связи с этим заслуживает специального внимания и анализа жанровая модификация значительной части болгарской документальной литературы 90-х годов. Наблюдается видимое стремление авторов приблизить по форме документальные произведения к собственно художественной литературе. Появляется огромное количество документальных романов и повестей. Но может показаться, что авторы, привнося в документальное повествование элементы вымысла, просто хотят его оживить или же обезопасить себя от обвинений в неточности передачи событий. В докладе были при-

ведены и примеры неординарной формы документальной литературы. Так, известный историк и прозаик В. Мутафчиева издала книгу воспоминаний о своем отце ("Разгадывая своего отца"), известном учено-историке, умершем, когда писательница была еще ребенком. Мутафчиева обновляется не столько на своих детских впечатлениях, сколько на свидетельствах близких отца и более всего – на его научных трудах. Исследуя их, она как бы реконструирует образ Петра Мутафчиева – человека, ученого, друга, отца. Этот и другие примеры синтеза разных приемов в документальной литературе свидетельствуют о незакошенности жанра, о его развитии и обновлении.

Творчество одного из интереснейших современных болгарских писателей рассмотрела в своем докладе "Проза Станислава Стратиева 90-х годов" **З.И. Карцева** (Москва). Последние десять лет, отметила она, Болгария живет в условиях жесточайшего кризиса – политического, экономического, духовного и нравственного, и это состояние ярко запечатлелось в прозе Стратиева – в сборниках новелл "Последнее кино" (1991), "Лицо с картин Эль Греко" (1997), в сатирических миниатюрах "Болгарская модель" (1991), «Упражнения в "дружости"» (1993), "Стоян" (1995) и "Мотивы для кларнета" (1997). Основная тема этих книг – судьба Болгарии наших дней, основное настроение – боль человека и гражданина от сознания безысходности и постыдности ее теперешнего состояния. С упорным постоянством автор возвращается к мучительному для него вопросу: почему все так случилось? За что это нам? Но решает его в этих книгах по-разному: где-то средствами лирической прозы, ностальгирующей по дивному, неброскому счастью далекой юности; где-то зло, наступательно, открыто публицистично; порой – прячась за тонкую спасительную иронию и пытаясь не показать слез отчаяния. Особенно интересны (в плане эволюции писателя) сатирические миниатюры Стратиева. Это очень "современная" проза преимущественно пародийного, иронического плана со всеми возможными формами интертекстуальности, с фрагментарным, афористичным стилем письма, раскованной игрой с архетипами "высокой" классической национальной литературы и болгарским фольклором, с использованием коллажа и прочими атрибутами постмодернистского дискурса, явно пародируемыми автором. Перед нами – пестрая мозаика из различных фрагментов-миниатюр, отражающая "безусловную ус-

ловность" тотально абсурдной жизни современной Болгарии, какой она видится честному и талантливому художнику.

В целом ряде докладов в разных аспектах освещались текущие изменения в национальных литературах независимых государств, возникших на месте бывшей социалистической Югославии.

Г.Я. Ильина (Москва) в докладе «Десятилетие между двумя "Историями хорватской литературы"». 1987–1997. По материалам журналов "Република" и "Форум" рассмотрела ситуацию в хорватской литературе 90-х годов, взяв за точки отсчета выход в свет двух фундаментальных историко-литературных трудов.

"История хорватской литературы" (1987) загребского профессора и академика И. Франгеша – первый и последний в социалистической Югославии труд, охватывающий почти тысячелетний период истории национальной литературы от средневековья до середины 80-х годов XX в. Автор опирался на принцип, по которому целостную картину литературы определяют прежде всего произведения самых великих. Малые же писатели являются, по его мнению, подлинными заложниками национальной судьбы. Франгеш, эрудит, знаток национальной и романских литератур, по независящим от него причинам не мог преодолеть идеологические запреты на некоторые писательские имена и даже периоды (литература Независимого государства Хорватия, национальное движение конца 60-х – начала 70-х годов).

Основные тенденции в развитии хорватской литературы 90-х годов отражают ведущие загребские журналы "Република" (орган общества хорватских писателей) и "Форум" (орган отдела современной литературы Хорватской АНИ). Оба журнала стремились объединить важнейших представителей всех поколений и направлений хорватской литературы, сохраняя достойный художественный уровень и избегая эстетических крайностей. Но если в "Републике" заметно преобладание авторов поколения 70-х годов (его главный редактор В. Вискович – ведущий критик этого поколения), то в "Форуме" прочны позиции старших писателей, к которому принадлежат и его редакторы – поэт С. Михалич и историк литературы академик Д. Елчич. В художественных отделах названных журналов в 90-е годы доминировали автобиографическая и мемуарная проза, историческая проза и драма. И то, и другое издание не обходят литературу, посвященную "отечественной войне 1991–1992 гг.", редко, но

появляются первые опыты осмысления социалистического периода в жизни Хорватии. В каждом номере печатаются переводы зарубежных авторов, но среди них практически отсутствуют русские имена. По мнению А. Флакера, в процессе становления государственности в Хорватии происходит обновление "монументального жанра, который отказывается кокетничать с тривиальностью и безответственной комбинаторикой и тяготеет к синтетическому изображению национального человека" ("Република", 1994, № 9–10). Тенденцию отхода от постмодернизма отмечают и другие критики. Перед литературой, считают они, вновь поставлен вопрос о национальной и гуманистической ответственности. В исследовательском и рецензионных отделах внимание сосредоточено на освещении истории хорватской литературы, характеристике литературной жизни в социалистической Хорватии и судеб отдельных течений (экспрессионизма, постмодернизма, соцреализма), восстановлении творческих биографий писателей, подвергавшихся репрессиям. Знаковыми фигурами остаются М. Крлежа и И. Андрич, отношение к которым меняется на протяжении последнего десятилетия от неприятия или резко критического, часто очень субъективного, до более объективного взгляда на их творчество.

В своей "Истории хорватской литературы" (1997) Д. Елчич использует пока еще небольшой опыт в оценке спорных эпох, имен и течений, относящихся главным образом к литературе XX в. Это проявляется в общем подходе к литературным явлениям, внимании к фигурам "второго" и "третьего" плана, в наибольшей степени связанных с воплощением в творчестве национальной идеи. Концентрируя внимание на тех эпохах и тех явлениях, которые долгие годы замалчивались или искажались в угоду господствующей идеологии, Д. Елчич и сам, однако, не избежал в своих суждениях тенденциозности и категоричности.

При общем снижении интереса к современной русской литературе в Хорватии – да и в целом в странах рассматриваемого региона – сохраняется устойчивое внимание к наиболее выдающимся достижениям русской культуры XX в. В хорватской критике и литературоведении, как показала Д. Маравич (Загреб) в своем докладе "М.А. Булгаков в хорватском литературоведении 90-х годов", в последнее десятилетие получила развитие традиция углубленного изучения булгаковского наследия, заложенная в 70-е и 80-е годы М. Йовановичем, М. Соларом,

А. Флакером. Проанализировав работы В. Ристер "Образ в гротесковой структуре" (1995) и Г. Слабинаца "Оболение иронией" (1996 г.), автор доклада отметила не только традиционные подходы к творчеству Булгакова (преимущественное внимание к роману "Мастер и Маргарита"), рассматриваемому в контексте европейской литературы XX в.), но и новые аспекты исследования – метатекстуальные функции иронии в прозе Булгакова (Г. Слабинац), изучение романа "Мастер и Маргарита" с позиции структуральной методологии, выделение проблемы гротеска, значения имени и костюма в романе (В. Ристер).

С.Н. Мещеряков (Москва) на примере романа "Защита и падение Бодрога в семь бурных времен года" М. Йосича Вишница рассмотрел проблему художественной условности в сербском историческом романе 90-х годов. Эта жанровая разновидность, отметил он, развивалась, начиная с 20-х годов XIX в. либо как романтическая повесть, либо как историческая хроника, сухо передающая сведения об исторических событиях и личностях. Принципиально новым явлением стал исторический и в то же время "поэтический", символично-метафорический роман М. Црнянского "Переселение" (1929), традиции которого были продолжены во второй книге "Переселения" (1962) и в ряде произведений, относимых к типу романа-параболы с историческим сюжетом. Предельным воплощением "вторичной художественной условности", так как реальность любого произведения изначально несет в себе печать условности, стал "Хазарский словарь" М. Павича (1984).

У Вишница вторичная художественная условность играет несколько меньшую роль, хотя города Бодрога на карте Венгрии во время описываемых событий 1848–1849 гг. не было, и все события, связанные с ним, были плодом вымысла. Вместе с тем, стремясь придать повествованию документальный характер, автор включил в него рассказ о подлинных исторических событиях и личностях. Обращаясь к документам, Вишнич избегает их обработки и переосмысления, как у М. Црнянского, или имитации документального повествования, как у Д. Киша в "Могиле для Бориса Давидовича". Вишнич сближает, но не смешивает воедино историческую реальность и вымысел, что означает формальное подтверждение и фактическое отрицание поэтики художественной литературы, опирающейся на документ.

В 1991 г., после распада СФРЮ, образовалось новое государство – Республика

Македония, литературе которой был посвящен доклад **А.Г. Шешкен** (Москва) ("Новые явления в литературе и литературной критике Македонии 90-х годов"). 90-е годы, отмечалось в нем, не стали для македонской литературы кризисными, как это было в некоторых бывших социалистических странах. Напротив, литературный процесс здесь успешно развивается: появляются новые имена, обновляются тематика и проблематика произведений. С одной стороны, заметен рост интереса писателей к актуальным социальным проблемам (П. Андреевский), с другой, растет удельный вес произведений постмодернистского плана (Д. Коцевский, С. Мицкович). 90-е годы стали в Македонии исключительно плодотворными для литературоведения. Изданы обобщающие труды по истории литературы: "Средневековая македонская литература" В. Стойчевской-Антич, "История македонской литературы XX в." М. Друговца, исследование В. Смилевского по истории литературной критики Македонии.

О македонской литературе, конкретно – о постмодернистской прозе в ней, говорила в своем докладе и **М.Б. Проскурнина** (Москва). Данный феномен в современном славянском литературном процессе, по мнению докладчика, осмыслен отечественным литературоведением недостаточно полно. Особенно это касается таких молодых, недавно осознавших свою специфику литераторов, как литература Македонии, где художественное творчество на литературном языке заявило о себе лишь в середине XX в. Ситуация, в которой оказалась эта литература, способствовала активному восприятию ею разнообразных художественных традиций от реализма до самых авангардных концепций. Македонская литература была своеобразным "перекрестком", на котором смогли встретиться, оказать взаимное влияние (даже в творчестве одного писателя) различные художественные миры. Особенно активно этот процесс происходил в жанре романа, окончательно сформировавшемся в литературе Македонии лишь к 80-м годам. Поэтому, в связи с отмеченными выше условиями развития литературы, он достаточно быстро "включился" в русло постмодернистской повествовательной модели. Ориентация на смешение жанровых и стилевых начал оказалась весьма органичной для молодого македонского романа. К началу 90-х годов постмодернистская модель наиболее ярко проявилась в творчестве Т. Крстеского, М. Маджункова,

В. Андоновского, Б. Миневского, Я. Владовой. Подробно особенности этого течения в македонской прозе были рассмотрены на примере Д. Коцевского, чьи романы интересны в связи с использованием в их поэтике целого арсенала постмодернистских приемов.

Новая ситуация, связанная с обретением суверенитета, и ее неоднозначное влияние на литературное творчество рассматривались в выступлениях, посвященных словенской литературе. Как отметила в докладе "Литература независимой Словении: освобождение или зависимость?" **Н.Н. Старикова** (Москва), всю свою сравнительно недолгую историю эта литература была обременена целым рядом отнюдь не литературных функций. На протяжении длительного периода знамя духовного суверенитета нации нес литературный язык, а художественное слово было чуть ли не единственным хранителем автохтонности и защитой от иноязычных и инокультурных влияний. Стоя на страже национальных интересов, литература стала инструментом общественной борьбы, реализуя с помощью родной речи и художественных образов политические и социальные программы национального возрождения, подчиненные в конечном итоге одной цели – обретению государственной независимости. К моменту обретения Словенией суверенитета литература, несомненно обладающая высоким художественным потенциалом, пребывала в состоянии идейной и стилиевой раздробленности, с одной стороны, уходя от действительности в чисто экспериментальную сферу (авангардные лингвистические игры, постмодернизм), с другой, эксплуатируя запретные темы недавнего прошлого и односторонне критикуя режим. Кардинальные перемены в общественной жизни страны не могли не отразиться на литературе. Освободившись от груза ответственности за выживание нации, от вечного поиска самоидентификации, от "скрытого сопротивления" последних сорока лет, она пустилась, наконец, в свободное плавание. Смело и амбициозно интегрируясь в европейский литературный контекст, "завоевывая" англоязычный мир (антологии современной словенской прозы "The Day Tito Died. Contemporary Slovenian Stories", 1993, и поэзии "Prisoners of freedom", 1994), ностальгически препарировав актуальные в недавнем прошлом мотивы борьбы с идеологическим насилием, словенская литература "болеет" всеми характерными "хворями" переходного периода от внедрения постмодернистского дискурса и "амери-

канизации" молодой прозы до безоговорочного диктата рыночных отношений. Однако надежда на скорое "выздоровление" есть.

Ю.А. Созина (Москва) обозначила в своем докладе основные тенденции в словенской новеллистике 90-х годов. Как и вся современная словенская литература, новеллика, отметила она, характеризуется идейно-стилистической разнонаправленностью. В основе ее развития лежит преемственность традиций 80-х годов, главным образом, достижений словенского постмодернизма. Важнейшее значение для литературного процесса имел в 80-е годы отказ литераторов от идеологизации искусства. И хотя словенские писатели занимали самую активную позицию в политической жизни страны, в самой литературе политические события рубежа 80–90-х годов не нашли существенного отражения. Обретение свободы слова определило появление новых эстетических тенденций, к которым автор доклада отнесла стирание грани между "высокой" и поп-литературой, усложнение жанров последней за счет психоанализа, иронии, сатиры, интеллектуальной игры; тенденцию к синтезу векового познания и творческой интуиции, обращение к религиозному, философскому и мистическому опыту; плюрализм как основной принцип бытования литературы; развитие "минимализма", характерными чертами которого является видимая простота смыслового стержня.

В связи с событиями последнего десятилетия на территории бывшей социалистической Югославии перед писателями региона встают не только эстетические, но и сложные этические дилеммы. **Л. Краль** (Любляна) убедительно показал это в докладе "Боснийская война в драматургии югославянских народов" на примере пьес девяти драматургов, для которых названная тема оказалась актуальной. За исключением одного (А. де Бона) все авторы – Э. Флисар, Д. Йованович, Д. Поточник, Я. Селимович, С. Снайдер, В. Срблянович, Г. Стефановски, С. Вуйович – выходцы из бывшей Югославии, хорошо знакомые с реалиями военных действий недавнего прошлого, с психологической и эмоциональной атмосферой войны. Главный вопрос, на который каждый из драматургов пытался ответить: как подобное могло произойти? Ответы авторов различны и реализованы с помощью разных художественных приемов, зависимых, в частности, от того, к какой из сторон конфликта этнически принадлежит драматург, хотя, конечно, все авторы ста-

рались избежать националистического взгляда на события и найти ответ, устремленный в будущее. Большой частью авторский акцент делается на использовании поэтики мифа, эпических традиций Гомера, эстетики первобытного. В докладе также были рассмотрены многочисленные, чудовищные по меркам мирного времени, но привычные в условиях военных действий документальные детали, на которые опираются драматурги и которые являются одновременно фоном и сутью человеческого бытия на войне.

В 90-е годы в литературах Центральной и Юго-Восточной Европы наблюдались не только процессы, связанные с обретением ими нового статуса, с их суверенизацией, но и процессы обратной направленности. Литература ГДР, исчезнув с официальной литературной карты Европы вместе с воссоединением ГДР и ФРГ осенью 1990 г., продолжает оставаться весьма любопытным объектом для научного исследования. Этому феномену посвятил свой доклад "Пути вхождения литературы ГДР в литературу ФРГ (конец 80-х – начало 90-х годов)" А.А. Гугнин (Полоцк). В самом деле, задался он вопросом, может ли в одночасье исчезнуть то, что считалось уже общепризнанным (достаточно напомнить, что Международные конгрессы германистов официально включали в себя секции литератур Австрии, ГДР, ФРГ и немецкоязычной Швейцарии)? В докладе была предпринята попытка комплексного подхода к заявленной проблематике, в частности, проанализированы дискуссии, проходившие на страницах газет и журналов, при этом особое внимание обращалось на "смену вех" в литературной критике и литературоведении. Автором были также рассмотрены основные тенденции в издательской политике ФРГ с конца 80-х годов, процесс постепенного подчинения издательств ГДР (которые формально никто не запрещал и не закрывал), с помощью идеологического и экономического прессы, законам и "правилам игры" книжного рынка ФРГ. Докладчик систематизировал наиболее выразительные факты общественного и творческого поведения писательской элиты ГДР после 1990 г., характер и способы ее приспособления к новым условиям. Было показано, кто из известных писателей ГДР сумел удержаться на книжном рынке ФРГ и кто исчез из издательских планов практически бесследно, каковы были внешние и внутренние пружины столь дифференцированного и избирательного подхода (талантливость или бесталанность писателя

на поверку оказались всего лишь одним из компонентов сложного механизма функционирования книжного рынка). Были также охарактеризованы наиболее интересные произведения, посвященные художественному и философскому осмыслению слияния двух государств и двух литератур и вообще всей проблематики ГДР и ФРГ ("Медея" К. Вольф и др.). Особо А.А. Гугнин выделил специфические моменты вхождения серболужицкой литературы в общегерманский литературный контекст.

М.В. Фридман (Москва) в докладе "Литературоведение как мифотворчество. Из опыта развития литературной жизни в Румынии последнего десятилетия XX в." осветил на примере румынской литературы одну из тенденций в духовной жизни столетия – усиленное давление на культуру "мифологического принуждения". Способность румынской литературы создавать новую эстетическую реальность, мифологизируя современную общественно-политическую и социальную жизнь, сказалась особенно наглядно в периоды тоталитарных режимов (военно-фашистского – 1938–1945, коммунистического – 1948–1965, национал-коммунистического – 1965–1989). При этом в новосозданных мифах происходило насильственное сближение предмета и образа при осознанном (чаще всего) игнорировании эстетических критериев, стирании грани между мифологизацией и мистификацией. Выросшая на почве тоталитарных систем литература этих периодов обрела конфронтационный характер, жила и развивалась между утопиями и антиутопиями, мифами и антимифами. Некоторые специалисты не без основания видят в этом хроническую болезнь румынской культуры, обусловленную как этническими факторами – происхождением нации в результате слияния римских и гетодакийских элементов, так и геополитическими – местоположением страны между Востоком и Западом. Этим докладчик объяснил тот факт, что большинство литературных мифов указанных лет выросли на основе воплощения идей национализма, примитивизма, фольклорной "красочности", идеи культурного превосходства над другими народами. Им противостояли мифы, воплощенные на основе идей рационализма, историзма, динамизма, важности и естественности культурного обмена, синхронизации родной культуры с достижениями других народов. Борьба "аполлоновских" и "дионисийских" начал в румынском литературном мифологизме достигает особой остроты в 70–80-е годы, когда ложные

мифы двух прежних тоталитарных режимов (право- и левозэкстремистского) сливаются в единую, чудовищно противоречивую мифологию.

Начавшиеся в конце 80-х годов обновительные процессы предполагали, в частности, решительное развенчание навязанного румынской литературе ложного мифологизма. Демифологизация требовала поиска нравственно-эстетических критериев, позволяющих раскрыть всю антигуманную сущность ложных мифов и целительность для общественного сознания прорывающихся сквозь тоталитарные препоны антимифов. События литературной жизни минувшего десятилетия свидетельствуют, однако, что "хроническая болезнь" румынской культуры (традиционалистски-европеистская раздвоенность) не излечивается так быстро. Усиливается сопротивление защитников мифа "автохтонности", происходит реабилитация прежних литературных мифов и создаются новые. Этим и обусловлены участвовавшие к исходу десятилетия горькие сетования специалистов, что румынская литература, располагавшая плеядой талантливых критиков, стала "литературой без критики", что она во власти прежних стереотипов. Борьба "автохтонцев" и "европеизаторов", служившая в годы тоталитаризма своеобразным стимулом развития литературы, ныне, в новых условиях, становится причиной застоя.

К. Брэгару (Бухарест) в докладе "Увлечательная мозаика. Штрихи к портрету румынской литературы 90-х годов" акцентировала прежде всего достижения, которыми отмечен путь этой литературы после падения коммунистической диктатуры. Сегодня, сказала она, оглядываясь на минувшее десятилетие, можно возразить тем, кто, смешивая культуру и экономику, политику и социальную жизнь, говорил о кризисе румынской литературы. За эти годы литература сумела утвердить в сознании читателей произведения несомненной ценности, писателей бесспорно талантливых, представляющих многокрасочное динамичное литературное движение. В начале 90-х серьезную конкуренцию литературе вымысла составили дневники и мемуары – жанр до этого маргинальный, отодвинутый на периферию литературы. Этому есть убедительное объяснение: читатель жаждал правды, подкрепленной печатным словом. Будни заключенных в тюрьмах Дежа и Чаушеску, документы процессов против румынских интеллектуалов вызвали горячий читательский интерес.

То же можно сказать и об издании книг писателей диаспоры (М. Элиаде, Э. Ионеску, Э. Чорана), запрещенных произведений диссидентов, писателей, находившихся в заключении либо под домашним арестом (М. Динеску, О. Палера, И.Д. Сырбу, К. Нойки, С. Тэнасе).

По прошествии "переходного этапа", когда первенство принадлежало мемуаристике, свет увидели новые романы, например, 1-й том трилогии М. Кэртэреску "Ослепительно", на фоне которого все публикации 90-х годов выглядят бледно и маловыразительно. Кэртэреску пришел из поэзии и показал себя удивительным мастером прозы, подарившим нам, по словам критика Ал. Штефэнеску, "книгу поразительной художественной смелости, созданную с дьявольской стилистической виртуозностью".

Массовая литература, в основном переводы англо-американских книг (фантастика, детективы, семейные романы), также получила в стране бурное развитие в начале десятилетия, но затем, как везде в мире, нашла свою нишу и сосуществует с большой литературой, отвечая запросам определенной категории читателей.

В 90-е годы небывалого размаха достиг в Румынии перевод зарубежных произведений. Вот лишь некоторые сведения об издании русских книг, осуществляемом крупнейшими издательствами Румынии ("Универс", "Полиром", "Хуманитас", "Румынский культурный фонд"): ежегодно в каждом из них выходит не менее восьми наименований. Наряду с классикой, печатавшейся и ранее, усиливается интерес к творчеству писателей-изгнанников (А. Солженицына, Н. Берберовой), к трудам русских мыслителей (Н. Бердяева, Л. Шестова, Вл. Соловьева, П. Флоренского, В. и Н. Лосских).

В заключение К. Брэгару остановилась на том, как воспринимается на Западе литература стран Восточной Европы, выразив уверенность, что без опыта, который эта литература приобрела за сорок лет порабощения культуры, без творений, составляющих ее духовное наследие, невозможно представить себе свободную, объединенную Европу.

Л. Шаргина-Немети (Будапешт) в докладе "Нет пророка в своем отечестве, или Современная Кассандра" осветила своеобразный феномен, возникший в венгерской литературе после падения режима Кадара. Именно в этот период зазвучало имя Л. Лендела, дотоле мало кому известного экономиста. Исключенный при Кадаре из

партии за так называемые реформистские взгляды, этот enfant terrible венгерской экономической науки и политологии, блестяще образованный и одаренный литературным талантом, был осужден к девяти месяцам условного заключения при первом свободно избранном правительстве Й. Анталла за то, что критиковал восстановление феодальных порядков и осмелился написать, что у каждого из чиновников, вплоть до министров, есть цена, за которую их можно купить.

Весной 1988 г. он задумал написать книгу о распаде и гибели склеротической эпохи. И такую книгу он написал ("Развязка", 1989). Летом 1989 г. он решил, что надо показать новые фигуры, участвующие в переменах. Но уже не в книге (кто теперь читает книги?), а на 25–30 страницах нового для него жанра – эссе. Читатели еще заглядывали в толстые журналы, интересовались, откуда берутся и куда идут партии, что будет со странами и народами Восточной Европы. И Лендел создал этот жанр. За десять лет он опубликовал десять сборников эссе – своеобразную хронiku нашего времени. Об этом свидетельствуют их названия: 1989 г. – "Развязка", 1992 – "Раздумья", 1993 – "На полпути", 1994 – "Действующие лица на венгерской сцене" и "Замкнутые в своем времени", 1995 – "Держать сторону зайца" ("Стоять на стороне слабых"), 1996 – "Величие и падение элиты, сменившей общественный строй", 1998 – "Из парткома во дворец" и "Внутри и снаружи". В завершающей части доклада была охарактеризована специфика этой новой разновидности жанра эссе – философских размышлений экономиста о современности, облеченных в превосходную литературную форму.

О венгерской литературе – в более широком контексте – шла речь и в докладе Ю. П. Гусева (Москва) ("За что боролись? Прошлое и настоящее в венгерской литературе 90-х годов"). Характеризуя типологию писательской реакции на новую общественную ситуацию, докладчик напомнил о таком незаслуженно забытом, по его мнению, понятии, как творческая индивидуальность. Если два полюса писательской позиции, отметил он, – это, с одной стороны, гражданственность ("Поэтом можешь ты не быть..."), а с другой, свободная игра (со словами, ассоциациями, даже ценностями), то творческая индивидуальность писателя – это место, которое он занимает на шкале между этими двумя полюсами.

При социализме было принято говорить главным образом об общественном пафосе

литературы, о ее участии в анализе и решении проблем, стоящих перед народом, страной, человечеством. Это была ситуация, когда один полюс литературы – служение обществу – подавил, затмил второй ее естественный полюс – отношение к творчеству как к игре. Между тем нельзя не учитывать, что писатели по-разному тяготеют к тому или иному полюсу, и отнюдь не каждый способен быть в своем творчестве гражданином, когда это требуется, и погружаться в игру, когда необходимость в гражданской позиции отпадает. Иначе само понятие писательской индивидуальности потеряло бы смысл.

В свете этого логичной выглядит, например, эволюция венгерского поэта-диссидента Д. Петри. Будучи по своей писательской индивидуальности борцом, он закономерно ощутил себя дискомфортно, когда сила, с которой он всю жизнь боролся, внезапно исчезла. Иной тип гражданской позиции – потребность (и умение) поднимать важные общественные проблемы. Иногда это тоже сопряжено с борьбой, но не всегда. Пример такой позиции в Венгрии – прозаик, новеллист Ш. Тар. Будучи мастером социогрaфии, он еще в кадаровской Венгрии освещал жизнь и мироощущение социальных слоев, ущемленных в своих возможностях, прежде всего – крестьян, работающих на промышленные предприятия и постоянно кочующих между городом и деревней. После демократического поворота Тар смог сохранить верность этой тематике – уже потому, что положение этого слоя стало еще более тяжелым: многие заводы закрылись, бывшие рабочие вернулись в деревню, но снова стать хлеборобами уже не смогли. Их жизнь сосредоточена вокруг корчмы, где они пропивают скромное пособие по безработице. (Рассказы об этих людях составили довольно мрачную, но очень гуманную книгу "Наша улица".)

Однако многие писатели могут обойтись и без общественного пафоса. Их, даже когда они, добровольно или принудительно (но абсолютной принудительности тут быть не могло: компромисс всегда имел место), "вписывались" в рамки социально ангажированной литературы – больше интересовала литература как игра. Настоящий простор для таких художников открылся в 90-е годы. В связи с этим закономерно встает вопрос о постмодернизме, который расцветает прежде всего на основе такой "игровой" литературы. При этом, говоря о постмодернизме в странах нашего региона, нужно иметь в виду, что явление это –

несмотря на внешнее сходство с постмодернизмом западным – качественно иное, и прежде всего потому, что здесь исторически сложились иные отношения между литературой и читателем. Отношения эти быстро меняются, но качественное различие сохраняется. Литература (пусть по инерции, но инерция эта очень мощная) все еще остается для читателя, обобщенно говоря, учителем жизни. Исходя из этого, можно определить постмодернизм (по крайней мере, применительно к странам нашего региона) так: это то, что очень легко и интересно писать, очень трудно, хотя и, может быть, интересно переводить, и почти невозможно, к тому же скучно, читать. Иными словами, постмодернизм – игра, но такая, в правила которой посвящен лишь узкий круг читателей.

Вместе с тем арсенал художественных средств постмодернизма – не обязательно неодолимый барьер между писателем и читателями. В принципе и среди писателей еще очень действительно сложившееся за полвека сознание необходимости быть нужным людям, иметь читательскую аудиторию. Поэтому и писатель, по признакам своей поэтики являющийся постмодернистом, вполне может иметь желание посвящать широкого читателя в правила игры, побуждать его играть вместе с ним. И даже посредством постмодернистского арсенала участвовать в анализе общественно важных вопросов, сохраняя тем самым сложившуюся традицию. Может быть, поэтому такой постмодернизм – его можно было бы назвать конструктивным, или демократическим – весьма силен и распространен. П. Эстерхази – прекрасный его представитель.

Правда, встает вопрос: можно ли считать такую литературу постмодернистской? Ведь суть постмодернистского качества все же в закрытости произведения, в аристократическом пренебрежении к читателю, т.е. в том, за что в свое время осуждали "искусство для искусства". В этом плане постмодернизм, широко распространявшийся в литературах бывших соцстран, это, несомненно, издержки нежданной свободы. Таким образом, смена строя в странах региона не ведет к каким-то общим изменениям в литературе. Связанное с этой сменой повышение уровня свободы по-разному отражается на творчестве писателей, в зависимости от их творческой индивидуальности. Для одних это возможность углубиться в игру, хотя это и не предпосылка расцвета литературы, для других – утрата стержня, опоры в жизни, для третьих – свобода заниматься теми проб-

лемами, которые кажутся важными, и решать их так, как представляется целесообразным. В этом случае литература, несомненно, выигрывает.

Что касается вопроса, поставленного в заголовке доклада – подвел итог своим рассуждениям Ю.П. Гусев – то ответ на него однозначен: боролся – те, кто боролся – за свободу: свободу творчества, свободу мысли и публикаций. Конечно – уже независимо от типологии, – больше всего всем нам, думаю, импонируют авторы, которые со сменой строя ничего не проиграли и ничего не выиграли, потому что исходно были свободны, и писали всегда только то, что думали.

В прозвучавших на конференции 25 докладах, пусть пока только в первом приближении, получили освещение наиболее характерные сдвиги и изменения, произошедшие за последнее десятилетие XX в. в литературах бывшего "социалистического содружества". Сдвиги эти весьма радикальны, подстать тем переменам, которые совершились в этот период в общественном укладе и политической ориентации стран Центральной и Юго-Восточной Европы, в умонастроениях писателей и читательской аудитории. С обретением этими странами национальных суверенитетов и наступлением вождельной свободы слова необозримо расширились доступ читателей к прежде запретной литературе и возможности писателей для творческого самовыражения. Но одновременно изменился и общественный статус литературы, утрачивающей роль нравственного арбитра и выразителя интересов нации. Литературы региона, безусловно, переживают переходный период, когда вместо тех или иных политических *идей* и *интересов* доминирующих в них становятся эстетические (и не только эстетические) *ценности*. Огромное и противоречивое влияние на литературную жизнь оказывают, как можно было увидеть из докладов, законы рынка и кризисное, сопровождающееся катаклизмами, экономическое развитие постсоциалистических стран, драматические этнические конфликты и войны. Но еще большее – общее духовное состояние мира в конце века и тысячелетия, связанное с бесславным крушением позитивной утопии коммунизма и необходимостью научиться жить в мире без утопий и антиутопий. Неслучайно такое большое место в литературах рассматриваемых стран получило течение постмодернизма – неоднозначная по своим художественным результатам реакция мировой культуры на утопические проекты новейшего времени.

Разумеется, в докладах нашли отражение далеко не все заслуживающие внимания аспекты литературного процесса (например, на конференции, по сути, не обсуждалась проблематика поэзии). Но можно надеяться, что в планируемом сборнике статей по теме конференции осмысление всей проблематики постсоциалистического периода в литературах Центральной и Юго-Восточной Европы продвинется значительно дальше.

© 2000 г. В.Т. Серета

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История литератур Восточной Европы после второй мировой войны. В 2-х т. Т. 1. 1945–1960-е годы. Ред.: С.А. Шерлаимова,

В.А. Хорев (отв. ред.), Г.Я. Ильина. М., 1995.

2. Гусев Ю.П. Научная конференция "Литературы Восточной Европы и общественно-политические перевороты рубежа 1980–1990-х годов" // Славяноведение. 1997. № 6. С. 112–116.

3. Политика и поэтика. Сб. статей. Ред.: Ю.В. Богданов (отв. ред.), Ю.П. Гусев, В.Т. Серета. М., 2000.

4. Литературы стран Центральной и Юго-Восточной Европы 1990-х годов. Прерывность–непрерывность литературного процесса. Тезисы докладов международной конференции. 2–4 ноября 1999 г. Ред.: С.А. Шерлаимова, Г.Я. Ильина, Н.Н. Старикова. М., 1999.

Славяноведение, № 4

Симпозиум по актуальным вопросам преподавания славянских языков

19–20 октября 1999 г. на филологическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова состоялся симпозиум (совещание-семинар) преподавателей славянских языков университетов России. В нем приняли участие слависты МГУ, преподаватели ряда учебных заведений г. Москвы, их коллеги из 15 российских университетов, в том числе Санкт-Петербургского, Нижегородского, Ростовского, Бурятского, Тюменского, Новосибирского и др. Тезисы докладов и другие материалы симпозиума опубликованы в сборнике "Совещание-семинар преподавателей славянских языков. Информационные материалы и тезисы докладов" (М., 1999).

При подготовке этой встречи филологическая факультета МГУ провели анкетирование о содержании и организации обучения славянским языкам на филологических факультетах университетов страны. Анализ ответов на вопросы анкеты показал, что дисциплинам славянского цикла отводится существенное место в системе филологического образования. Студенам-русистам предоставляется возможность ознакомиться с одним из славянских языков, причем сегодня в университетах России изучаются

практически все славянские языки, но более всего польский, чешский и болгарский. Знание инославянского языка способствует более глубокому осмыслению истории и современной структуры русского языка и побуждает учащихся к сопоставительным исследованиям. Однако преподавание славянских языков в российских вузах осуществляется в трудных условиях. В большинстве анкет указывается на острую нехватку учебников и учебных пособий, периодических изданий, новейшей лингвистической литературы, на ограниченность возможностей повышения квалификации преподавателей.

Известно, что в последние годы в славянских литературных языках происходят существенные изменения, требующие лингвистической оценки и учета в практике преподавания. В связи с этим участникам симпозиума была предложена для освещения и осмысления тема "Структурные и функциональные изменения в славянских литературных языках последней четверти XX в. (в свете задач лингводидактики)". Кроме того, учитывая возросший интерес к изучению славянских языков в системе среднего образования, было решено обсу-

дить тему "Славянская филология в средних учебных заведениях".

Работу совещания-семинара открыл Л.Н. Смирнов (Москва) докладом "Проблемы социолингвистики на XII Международном съезде славистов". Подчеркнув, что в силу значимости и сложности происходящих в современных славянских языках процессов, вопросы социолингвистики занимали важное место на последнем съезде славистов, докладчик выделил главные направления и проблематику социолингвистических исследований последних лет.

В серии докладов, посвященных структурным и функциональным изменениям, происходящим в отдельных славянских языках, выступавшие не только рассматривали новые языковые явления и процессы, но также говорили об анализе и оценке данных явлений в современной зарубежной и отечественной лингвистике.

В докладах Т.С. Тихомировой, Н.Е. Ананьевой, О.О. Лешковой (все – Москва) были рассмотрены структурные и функционально-стилистические изменения в польском языке конца XX в. (прежде всего в области лексики), проанализированы основные причины этих изменений, выявлены их основные направления и тенденции. Подчеркивалась необходимость использования в преподавании польского языка новинок теоретической лингвистики.

О новых явлениях в чешском языке в сопоставлении с русским говорил С.С. Скорвид (Москва). Указав на наличие сходства и даже совпадение некоторых процессов в двух языках (в частности, реализацию тенденций интернационализации и демократизации), докладчик отметил противоречивость и неоднозначность оценки этих явлений лингвистами. Статусу обиходно-разговорного чешского языка и основным направлениям его исследования был посвящен доклад А.Г. Широковой (Москва).

В ряде докладов рассматривалось состояние современного сербохорватского (сербского и хорватского) языка, анализировались основные направления и тенденции его развития. Докладчики подчеркивали специфику и сложность сложившейся у сербов и у хорватов языковой ситуации. Были обозначены основные направления исследований языковой эволюции. Г.Г. Тяпко (Москва) говорила о проблеме нормы современного сербского литературного языка. С.В. Зайцева (Санкт-Петербург), отметив недостаточную изученность ряда аспектов функционирования сербского и хорватского языков, подчеркнула необходимость детального анализа

функциональной стратификации этих языков с тем, чтобы избежать излишней политизации обсуждения данного вопроса.

В докладе "Некоторые особенности развития словенского языка на современном этапе" О.С. Плотникова (Москва) рассмотрела функциональные изменения в этом языке, в частности, формирование лексических подсистем, обслуживающих такие сферы, как дипломатия, военное дело и некоторые другие. Проблемам языковой ситуации в Македонии и вопросам функциональной стратификации македонского языка был посвящен доклад Р.П. Усиковой (Москва). О статусе словацкого литературного языка, проблеме изменения его норм говорил К.В. Лифанов (Москва). Языковая ситуация на Украине и проблемы украинского литературного языка были проанализированы в выступлении О.А. Остапчук (Москва).

Проблемы, затронутые в докладах, посвященных новым процессам в славянских языках, вызвали большой интерес участников симпозиума и стали поводом для оживленной дискуссии.

Второй круг обсуждавшихся вопросов касался преподавания славянских языков в школе, места славянской филологии и славянских языков в системе среднего образования. Присутствующими с интересом были заслушаны доклады Ю.С. Захаревич, З.К. Шановой, М.О. Мельниченко (все – Санкт-Петербург), Т.А. Ацаркиной (Москва), Т.М. Шкапенко (Калининград), в которых излагались концепции школьного славистического образования, представлялись программы обучения, учебники и учебные пособия. Доклады позволили выявить как сходство проблем, стоящих перед школьной славистикой в различных городах России, так и значительные расхождения в концепциях, программах и методах преподавания. Было признано целесообразным организовывать регулярные встречи для обмена опытом работы славистов в средней школе.

Все участники симпозиума высоко оценили уровень его организации, содержание представленных докладов и сообщений, уровень научной дискуссии. В заключение было принято решение о проведении следующего совещания-семинара преподавателей-славистов в г. Калининграде. На этой встрече предполагается, в частности, проанализировать представленность сведений о славянстве, языках, истории и культуре славянских народов в программах средних учебных заведений.

Конференция по грамматическим корреляциям

4–6 ноября 1999 г. в Институте славистики Университета г. Граца (Австрия) прошла Международная конференция "Лингвистические дни славистики в Граце GraLiS–1999". Она была посвящена широкому кругу проблем грамматических корреляций в славянских и германских языках. Конференцию открыл ее организатор, директор Института славистики профессор доктор Бранко Тошович, осветивший научные задачи, поставленные перед собравшимися, и изложивший свою трактовку понятия "корреляция" (отношение) в языкознании и историю его изучения.

Уровень многих других докладов был не менее высоким в теоретическом плане. Например, П. Жиго (Братислава) обсуждал соотношение объективного времени и грамматической категории времени; К. Тафель (Бохум) – понятие "соотношение" в языкознании и других науках; С. Дённингхаус (Бохум) – корреляцию когнитивно-семантических категорий и их морфологических манифестаций. С.М. Прохорова (Минск) предложила трактовать некоторые "вертикальные" синтаксические поля как разновидность корреляции. Т.Н. Солдатенкова (Бельгия) ввела понятие корреляционной сети, которую можно видеть в синтаксисе языка, если различать в нем синтаксические оси. И.Б. Шатуновский (Дубна) выступил с докладом о корреляциях, связывающих вид, однократность/многократность обозначенных глаголом ситуаций, определенность/неопределенность этих ситуаций и коммуникативную структуру предложения в русском языке. В содержательном выступлении Г.А. Золотовой (Москва) рассматривались дискуссионные вопросы значения падежа, глагольного вида и средств оформления так называемой безличности в русском языке в свете соотношения формы, значения и функции.

Проблема глагольного вида в славянских языках как проблема корреляции оказалась в центре внимания многих лингвистов. Ей посвящали свои доклады А. Богуславский (Варшава), А. Мустайоки (Хельсинки), Л. Ясайи (Будапешт), Л. Сушич (Лейпциг). Если судить по опубликованным тезисам докладов, о глагольном виде собирались

говорить не приехавшие в Грац М.Я. Гловинская (Москва) и Е.В. Падучева (Москва).

Выступавшие обращались также к конкретным вопросам синтаксиса. П. Адамец (Прага) сделал доклад о предикативных категориях в нефинитных депредикативных структурах русского языка; Р. Зимек (Оломоуц) обсуждал соотношение членов предложения и частей речи с точки зрения лингвистики текста в славянских языках; Я. Руферова (Градец Кралове) разбирала синтаксические корреляции в структурах с предикативным прилагательным русского языка.

Прозвучали доклады о корреляциях в морфологии. А. Левин-Штайман (Лейпциг) настаивала на отсутствии в болгарском языке грамматической категории свидетельствования; Т.Н. Молошная (Москва) рассматривала связи категории определенности/неопределенности и категорий числа, лица и рода русского глагола.

К проблемам корреляции в фонологии обращался Б. Хурх (Грац). Вопросы корреляции и классификации во фразеологии анализировались в докладе В. Айсмана (Грац). П. Гржибек (Грац) продемонстрировал на славянском материале результаты применения статистических методов изучения лингвистических корреляций. В нескольких докладах, например, Р. Симича (Белград), И. Праньковича (Загреб), Х. Вайзовича (Сараево), М. Шипки (Сараево) рассматривались корреляции в различных сферах сербского и хорватского языков.

Поскольку из-за финансовых затруднений количество участников конференции оказалось невелико, все заседания проходили как заинтересованные собеседования и подробные обсуждения, что, конечно, плодотворнее многолюдных и иногда формальных собраний. Конференция была организована во всех отношениях, вплоть до бытовых деталей, продуманно. Трогательно выглядела приветливость официальных научных и городских властей – на открытии конференции выступили заместитель ректора Университета Граца и заместитель декана Гуманитарного факультета Университета, а бургомистр города устроил для участников конференции прием в Ратуше.

Организатор конференции, профессор Б. Тошович, с которым Институт славяноведения РАН заключил договор о научном сотрудничестве, планирует издать тексты докладов в двух вариантах – в виде "бумажного" сборника и в электронной

версии в Интернете. Это отраднo, ибо таким образом удастся сохранить высказанные на конференции мысли и поделиться ими с теми лингвистами, кто не участвовал в данной конференции, но может заинтересоваться поднимавшимися там вопросами.

© 2000 г. *Т.Н. Молошная*

ПАМЯТИ ЛЬВА СЕРГЕЕВИЧА КИШКИНА

(1918–2000)

14 марта ушел из жизни Лев Сергеевич Кишкин, один из старейших сотрудников Института славяноведения РАН, известный ученый, настоящий подвижник науки, преданно и бескорыстно служивший ей до последнего часа. В самом уходе его есть нечто символическое. Он умер на своем рабочем месте, в одночасье, как погибает солдат на посту. Впрочем, солдатом он был во время Великой Отечественной войны. В своей мирной послевоенной профессии он достиг генеральских высот, став доктором исторических наук, заслуженным деятелем науки, одним из ведущих российских славистов, чьи труды получили международное признание.

Л.С. Кишкин родился 19 марта 1918 г. в г. Уральске в русской патриархальной семье, чьи традиции чтит всю жизнь. Его отец – Сергей Павлович, земский агроном, был потомком старинного дворянского рода, служившего верой и правдой Отечеству с XVI в. (упоминания о нем относятся еще к XIV в.). Мать – Надежда Сергеевна – была учительницей, происходила из крестьян. Лев Сергеевич очень любил своих родителей, регулярно навещая их могилы в Уральске. Их последняя поездка туда с Натальей Борисовной Семихатовой, верной спутницей жизни и помощницей Льва Сергеевича, состоялась уже в заграничный Казахстан в августе 1998 г. Лев Сергеевич живо интересовался своей родословной, собирался составить генеалогическое дерево предков, написать воспоминания, но не успел, отодвигая все очень личное "на потом" и отдавая все силы науке.

На выбор мирной профессии Л.С. Кишкина (как и многих других славистов-фронтовиков – В.И. Злыднева, А.А. Улуяна, И.К. Горского и др.) повлияло его участие в освобождении братьев-славян от фашизма. Старшина 106-го гвардейского Вислинского истребительного авиаполка (его частью была знаменитая "поющая эскадрилья", увековеченная Леонидом Быковым в фильме "В бой идут одни старики"), Лев Сергеевич встретил окончание войны в Чехии. Насколько известно, историческое решение посвятить себя исследованию и пропаганде чешской и словацкой культуры Лев Сергеевич (проучившийся до войны пару лет в техническом вузе) принял в центре Праги, на площади Юнгманна, возле памятника одному из крупнейших деятелей чешского национального возрождения.

Вся профессиональная жизнь Льва Сергеевича Кишкина была связана с Институтом славяноведения, куда он поступил в аспирантуру в 1949 г. и где работал с 1954 г., написав более десятка научных и научно-популярных книг, множество статей, опубликованных в коллективных трудах Института, в журнале "Славяноведение", в популярных периодических изданиях ("Природа", "Автограф" и многих других). Он – один из основных авторов "Очерков истории чешской литературы" (1963), "Истории словацкой литературы" (1970), "Истории литератур западных и южных славян" (1997. Т. 1) и редакторов ряда коллективных исследований.

С годами Лев Сергеевич расширял сферу интересов, реализуя свою эрудицию, вкус к изыскательской работе, увлечение славянской культурой в книгах, посвященных поэтам и художникам ("Святоплек Чех", 1959; "Миколаш Алеш и чешская культура", 1978), издателям ("А.Ф. Смирдин", 1987), развитию культурных связей славян ("Чешско-русские литературные и культурно-исторические контакты", 1983; "Чехословацкие находки", 1985; "Словацко-русские

литературные контакты в XIX в.", 1990 и т.д.). Глубина прямо-таки кровных уз исследователя с зарубежной славянской культурой нашла подтверждение в следующем примечательном факте. В 1985 г. земляки Миколаша Алеша присвоили Льву Сергеевичу Кишкину звание почетного гражданина г. Миротице, родины знаменитого чешского художника.

От своих родителей Л.С. Кишкин унаследовал любовь к творчеству А.С. Пушкина. Первой книгой, которую он получил в подарок от матери, была книга сочинений великого русского поэта. Да и сыновей своих отец с матерью назвали совсем по-пушкински: старшего – Александром Сергеевичем, младшего – Львом Сергеевичем.

Л.С. Кишкин внес большой вклад в пушкиноведение, открыл ряд неизвестных материалов, связанных с А.С. Пушкиным, его современниками и родней, стал одним из организаторов музея Пушкина в Бродзяхнах (Словакия), куда в гости к своей сестре часто приезжала овдовевшая Наталья Николаевна с детьми. Помимо написания множества статей на пушкинскую тему, Л.С. Кишкин подготовил к двухстолетию со дня рождения поэта монографию "Пушкин и Чехия". В самое последнее время он работал над обобщающим трудом "Чехия и Россия", особенно актуальном в период дезинтеграции когда-то тянувшихся друг к другу народов.

Лев Сергеевич Кишкин обратился ко многим "сюжетам" раньше других, сыграв большую роль в определении ряда перспективных научных направлений нашего Института. Это и проблематика литературных и культурных связей – одна из главных в исследованиях Сектора славянских литератур (ныне – Центра истории славянских литератур до 1945 г.). Это и тема русской послереволюционной эмиграции, которую сейчас разрабатывают многие научные коллективы, в том числе зарубежные.

Лев Сергеевич стал интересоваться ею очень давно, еще когда она относилась к запретным. Помню, как рассказывал он об эпизодах жизни Марины Цветаевой в Праге, в частности, связанных с рождением ее сына Мура. Ему удалось узнать о них со слов очевидцев во время давних командировок в Чехию. Оторванный в последнее время от пражских библиотек и архивов, он еще прежде сумел собрать большой материал о судьбе русских эмигрантов в Чехии, о знаменитой "русской акции" президента Масарика и т.д., что позволило ему совсем недавно опубликовать в "Славяноведении" серию интереснейших статей и задумать целую книгу на эту, теперь уже популярную тему.

Бесспорным вкладом в междисциплинарные исследования стала книга Л.С. Кишкина "Литература среди искусств и наук" (1994). Там собран большой материал, способный послужить основой для разносторонних, в том числе теоретических, исследований проблемы.

Научное творчество Л.С. Кишкина лишь совершенствовалось с годами, раскрывая новые стороны таланта пытливого изыскателя, способного открыть и увлекательно представить читателю неизвестные или забытые страницы истории славянской культуры.

19 марта Льву Сергеевичу должно было исполниться 82 года. Он прожил большую, плодотворную жизнь. Но примириться с его уходом трудно, настолько сжился, сроднился с этим колоритным человеком, энтузиастом науки, опытным, надежным советчиком и коллегой наш литературоведческий коллектив. Да и календарный возраст не вязался с его самоотдачей и увлеченностью делом. Физические силы оставили его, когда он был полон творческих сил и замыслов.

© 2000 г. *Л. Будагова*

ПАМЯТИ ИВАНА МИХАЙЛОВИЧА ГРАНЧАКА
--

13 января 2000 г. на 73 году жизни скоропостижно скончался доктор исторических наук, профессор, академик Международной славянской Академии наук, заслуженный деятель просвещения Украины Иван Михайлович Гранчак.

Ушел из жизни один из самых известных людей Закарпатья, ученый, педагог, общественный деятель, человек высокого благородства.

И.М. Гранчак родился 7 октября 1927 г. в селе Новое Давыдково Мукачевского района Закарпатской области в крестьянской семье. Учился с 1934 г. в родном селе, затем в 1943 г. с отличием закончил Мукачевскую гражданскую школу. Учебу продолжил в Мукачевской учительской семинарии, которую закончил в 1947 г.

С 1947 г. жизнь И.М. Гранчака связана с Ужгородским государственным университетом, где он обучался на историческом факультете, который также закончил с отличием. Сразу поступил в аспирантуру Института истории Академии наук Украины.

Успешно защитив в 1955 г. кандидатскую диссертацию, в которой исследовал проблемы новейшей истории Чехословакии, начал работать в Ужгородском государственном университете, где раскрылся его интеллектуальный потенциал, педагогические и организаторские способности. Его труд быстро получил признание научной общественности. С 1961 г. на протяжении 33 лет И.М. Гранчак заведовал кафедрой всеобщей истории.

Докторскую диссертацию по проблеме новейшей истории Венгрии он защитил в 1967 г. Работал деканом исторического факультета, а в первой половине 80-х годов – проректором университета.

С 1996 г. И.М. Гранчак возглавил вновь созданный Закарпатский региональный центр социально-экономических и гуманитарных исследований АН Украины, который объединил ряд академических научно-исследовательских подразделений в плане координации их научной работы в области истории, экономики и социальных проблем региона и Украинского государства в целом.

Одновременно профессор И.М. Гранчак работал в Ужгородском государственном институте информатики, экономики и права со дня его основания. Он заведовал кафедрой общественных дисциплин, активно способствовал становлению этого высшего учебного заведения.

И.М. Гранчак был признанным специалистом по истории зарубежных стран, особенно Венгрии, Словакии, Чехии, Польши, Болгарии. Его труды известны на Украине и далеко за ее рубежами. Значительное место в наследии ученого занимает прошлое Закарпатья. Он опубликовал 18 монографий, несколько сот научных статей. Ученый подготовил 18 кандидатов наук, трое из которых защитили докторские диссертации. Он консультировал и оказывал всестороннюю помощь сотням студентов-историков.

Научная общественность всегда будет помнить И.М. Гранчака как талантливого педагога и признанного ученого. С кончиной профессора И.М. Гранчака украинская историческая наука понесла невосполнимую утрату.

© 2000 г. *Коллеги*

Новые издания Института

В 1997–2000 гг. в Институте славяноведения РАН вышли следующие издания:

Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М., 1997.

* Балканские исследования. Вып. 17: Церковь в истории славянских народов. М., 1997.

* *Венелин Ю.И.* Грамматика нынешнего болгарского языка. М., 1997.

Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Т. I: 1944–1948. М.; Новосибирск, 1997.

* История литератур западных и южных славян. М., 1997. Т. I–II.

* Конфликты в послевоенном развитии восточноевропейских стран. М., 1997.

* Македония. Путь к самостоятельности. Документы. М., 1997.

* Материалы "Особой папки" Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений. 1923–1944 гг. М., 1997.

* *Натура и культура.* М., 1997.

Николаева Т.М. "Слово о полку Игореве". Поэтика и лингвистика текста. "Слово о полку Игореве" и пушкинские тексты. М., 1997.

* *Никольский С.В.* История образа Швейка. Новое о Ярославе Гашеке и его герое. М., 1997.

* Политический ландшафт стран Восточной Европы. М., 1997.

* Славянский вопрос: Вехи истории. М., 1997.

* Славянские соединительные союзы. М., 1997.

* *Фрейдзон В.И.* Далмация в хорватском национальном возрождении XIX в. К истории югославизма и его неудачи. М., 1997.

* *Анишаков Ю.П.* Становление Черногорского государства в России (1798–1856 гг.). М., 1998.

* *Волокитина Т.В.* "Холодная война" и социал-демократия в Восточной Европе. 1944–1948 гг. М., 1998.

Заборовский Л.В. Католики, православные, униаты. Проблемы религии в русско-польско-украинских отношениях конца 40-х – 80-х гг. XVII в. Документы. Исследования. М., 1998. Ч. 1.

* *Мургулия М.П., Шушарин В.П.* Половцы, Грузия, Русь и Венгрия в XII–XIII веках. М., 1998.

* Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 1998. Ч. 1.

* Славянская идея: история и современность. М., 1998.

* Славянские литературные языки эпохи национального возрождения. М., 1998.

* Слово и культура. Памяти Н.И. Толстого. М., 1998. Т. II.

* Советский Союз и венгерский кризис 1956 г. Документы. М., 1998.

Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест. 1944–1946. Документы российских архивов. М., 1998.

* Февраль 1948 г. Москва и Прага. Взгляд через полвека. М., 1998.

* Центральная Европа в новое и новейшее время. М., 1998.

* *Шемякин А.Л.* Идеология Николая Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891. М., 1998.

* XVIII век: славянские и балканские народы и Россия. М., 1998.

* Ю.И. Венелин в Болгарском возрождении. М., 1998.

* Автопортрет славянина. М., 1999.

* Авторитарные режимы в Центральной и Восточной Европе (1917–1990-е годы). Центральноевропейские исследования. М., 1999. Вып. 1.

* *Васильев М.А.* Язычество восточных славян накануне крещения Руси: Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа князя Владимира. М., 1999.

* *Власть и интеллигенция. Культурная политика в странах Центральной и Восточной Европы. 1920–1950-е годы.* М., 1999. Вып. 3.

* *Геннадис. К 70-летию академика Г.Г. Литаврина.* М., 1999.

* *Горизонтов Л.Е.* Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. М., 1999.

* *Греческая культура в России. XVII–XX вв.* М., 1999.

* *Дмитриев М.В., Заборовский Л.В., Турилов А.А., Флоря Б.Н.* Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – первой половине XVII в. Ч. II: Брестская уния 1596 г. Исторические последствия события. М., 1999.

* *Коровицына Н.В.* Среднее поколение в социокультурной динамике Восточной Европы второй половины XX в. М., 1999.

* *Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л.* Белорусско-украинско-русская православная книжность межвоенной Польши: Исследования и публикации. М., 1999.

* *Македония: проблемы истории и культуры.* М., 1999.

* *Мир звучащий и молчащий. Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян.* М., 1999.

* *Польша и Европа в XVIII в.* М., 1999.

* *Славянские этюды. Сборник к юбилею С.М. Толстой.* М., 1999.

* *Славянский альманах. 1998.* М., 1999.

* *Фрейдзон В.И.* Нация до национального государства. Историко-социологический очерк Центральной Европы XVIII в. – начала XX в. Дубна, 1999.

* *Аксенова Е.П.* Очерки из истории отечественного славяноведения. 1930-е годы. М., 2000.

* *Белова О.В.* Славянский бестиарий. Словарь названий и символики. М., 2000.

* *Политика и поэтика. Сб. статей.* М., 2000.

Книги, отмеченные звездочкой, Вы можете приобрести по адресу: 117334, Москва. Ленинский пр-т, 32А, корп. В, Институт славяноведения РАН, комн. 921. Тел. (095) 938-54-66, Гурьева Маргарита Васильевна. Только за наличный расчет.

CONTENTS

ARTICLES

<i>Kosik V.I.</i> (Moscow). Young Russia in Emigration.....	3
New Studies on the Old Slavonic Writings and Language	16
<i>Vereshchagin E.M.</i> (Moscow). References on the Aquila's Targum in the extensive Life of Cyril the Philosopher	17
<i>Varbot G.G.</i> (Moscow). The Slavonic Relatives of the original Slavonic Verb * <i>skociti</i>	22
<i>Vendina T.I.</i> (Moscow). Language Thinking in Medieval Age and the Possibilities of its Reconstruction	25

COMMUNICATIONS

<i>Kishkin L.S.</i> (Moscow). The Russian Emigration in Prague: the Celebration of "The Russian Culture Day"	33
<i>Kaznina O.A.</i> (Moscow). J.S. Smith about the Literature of the Russian Emigration: D.P. Svyatopolk-Mirsky	39
<i>Jackson T.N.</i> (Moscow). Norwegian Konung Olaf Truggvason – "the Apostle of Russians"? (Notes on Sources)	46

PUBLICATIONS

<i>Baran H., Doushechkina E.V.</i> (Albany, St.-Petersburg). Around the "The Tale on the Igor's Campaign": the Correspondence between R.O. Jakobson and A.V. Solovjev	50
---	----

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Serapionova E.P.</i> I. Savický. Osudová setkání. Češi v Rusku a Rusové v Čechách. 1914–1938.....	79
<i>Ulunyan Ar.A.</i> Россия в изгнании. Судьбы российских эмигрантов за рубежом	81
<i>Dostal' M.Yu.</i> Dokumenty k dějinám ruské a ukrajske emigrace v Československé Republice (1918–1939).....	83
<i>Dostal' M.Yu.</i> Veda a ideológia v dejinách slavistiky. Materiály z konferencie. Stará Lesná, september 1997.....	85
<i>Belova O.V., Petroukhin V.Ya.</i> Survey on the New Publications Devoted on Slavonic Paganism and Mythology	87
<i>Melnikov G.P.</i> Thomas of Split. The History of Solon and Split Archbishops	95
<i>Krys'ko V.B.</i> H. Andersen. Reconstructing prehistorical dialects: initial vowels in Slavic and Baltic.....	97

SCIENTIFIC LIFE

<i>Sereda V.T.</i> The Literatures in the Central and South-East European Countries in 1990-ies. Interruptions-Uninterruptions of the Literary Process.....	101
<i>Rzhannikova O.A.</i> The Symposium on the Actual Problems of the Slavonic Languages Teaching	118
<i>Moloshnaya T.N.</i> The Conference on the Grammatical Correlations	120

PERSONALIA

<i>Budagova L.N.</i> In Memoriam of Lev Sergeevych Kishkin (1918–2000).....	122
In Memoriam of Ivan Mikhailovich Granchak	124
The New Publications of the Institute of Slavic Studies of RAS.....	125

Технический редактор *В.М. Пахомова*

Сдано в набор 11.04.2000	Подписано в печать 02.06.2000	Формат бумаги	70 × 100 ¹ / ₁₆
Офсетная печать	Усл.печ.л. 10,4	Усл.кр.-отт. 6,2 тыс.	Уч.издл. 12,0
	Тираж 583 экз. Зак.3667		Бум.л. 4,0

Свидетельство о регистрации № 0110184 от 4 февраля 1993 года
в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения и балканистики РАН

Адрес издателя: 117864, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 117334, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 938-01-20
Отпечатано в ППП Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6
E-mail: vasilyev@FL09.tower.ras.ru

Индекс 70891